

ISSN 0494-7304 0234-7911

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Interlinguistica Tartuensis

IV

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHİK 775 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ И ЧАСТНОЙ
ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

INTERLINGUISTICA TARTUENSIS

4

ТАРТУ 1987

Редакционная коллегия:

П. Аристэ, В.П. Григорьев, А.Д. Дуличенко,
С.Н. Кузнецов, М. Линнамяги, П. Нурмекунд

Ответственный редактор А.Д. Дуличенко

Четвертый выпуск серии "Interlinguistica Tartuensis", издающейся с 1982 г., содержит работы, посвященные исследованию различных аспектов связей между этническими (гезр. национальными) и международными искусственными языками (финно-угорские, другие языки и языки апостериорные, русский язык и эсперанто, в т.ч. проблема эсперантизмов в русском языке), а также материалы по истории отечественной интерлингвистики (интерлингвистическая деятельность В.К. Розенбергера и Э.Валля, собрание "Проекты международных искусственных языков" Е.А. Бокарева).

Предыдущие выпуски серии "Interlinguistica Tartuensis":
Вып. 1: Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Сборник в честь семидесятилетия академика П.А. Аристэ. (УЗ ТартуГУ. Вып. 613). Тарту, 1982, 200 с.
Вып. 2: Теория и история международного языка. (УЗ ТартуГУ. Вып. 644). Тарту, 1983, 123 с.
Вып. 3: История и современное состояние интерлингвистики. (УЗ ТартуГУ. Вып. 671). Тарту, 1984, 183 с.

© Тартуский государственный университет, 1987

Ученые записки Тартуского государственного университета.

Выпуск 775.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ И ЧАСТНОЙ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ.

Interlinguistica Tartuensis 4.

На разных языках.

Резюме на разных языках.

Тартуский государственный университет.

ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.

Ответственный редактор А. Дуличенко.

Подписано к печати 16.03.1987.

МВ 01580.

Формат 60x90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 9,77. Печатных листов 10,0.

Тираж 700.

Заказ № 132.

Цена 1 руб. 50 коп.

Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ И ЭСПЕРАНТО

Пауль Алвре

Создатель эсперанто Л. Заменгоф, как известно, не знал ни одного финно-угорского языка. Поэтому невозможно предположить непосредственное влияние фонетики, грамматической структуры, лексики финского, эстонского, венгерского или других финно-угорских языков на эсперанто. Таким образом, исходная основа данного исследования иная, чем при исследовании русского, идиш, немецкого, английского, итальянского, французского и античных языков, элементами которых Заменгоф последовательно пользовался при создании международного языка. Своим словарным запасом эсперанто напоминает в первую очередь романские языки, заметно меньше в нем удельный вес германских и славянских языков. 70-75% словарного состава эсперанто — это слова романского происхождения, из германских языков — 20%, из языков другого происхождения — 5-10% [31, 31]. В грамматике эсперанто есть также элементы германских и романских языков, но она сильно упрощена, как и должно быть в хорошем искусственном языке.

Все языки, которые Заменгоф знал, относятся к индоевропейской семье языков. А финно-угорские (гезр. уральские) языки имеют с последними ряд сходных черт; это дало основание предполагать наличие родства между првязыками данных языков семей [38-41; 47. 10-12]. Однако отдельные финно-угорские языки в разное время соприкасались с индоиранскими, германскими, славянскими, балтийскими и другими языками [43-50; 64]. Например, в эстонском языке имеются заимствованные слова из русского, нижненемецкого и немецкого, шведского, латышского, цыганского и еврейского языков, а также из письменных источников древнееврейского языка [27-33].

Это, в свою очередь, оставило след не только на словарном запасе, но и на грамматической структуре в целом, вплоть до синтаксиса. Считают, что глубокие изменения в строении предложения финно-угорских языков, особенно западных языков, произошли под непосредственным влиянием индоевропейских язы-

ков [19, 5-18; 46, 329-331]. Позднейшие научные термины или словарный запас, относящийся к культуре вообще как в национальных языках, так и в эсперанто, все-таки восходят к античным языкам. Через эти, так называемые "чужие" слова, в финно-угорские языки вошел ряд суффиксов, которые находят активное применение и в эсперанто. Заимствования из других индоевропейских языков к настоящему времени в звуковом отношении могли измениться до такой степени, что их сходство с эсперанто можно установить только с помощью исторического анализа языков. Дальше мы попытаемся дать представление о том, что в финно-угорских языках (особенно в финском, эстонском и венгерском) общего с эсперанто и в чем состоит основное типологическое различие этих языков. Рассмотрим фонологию, фонетику, морфологию, деривацию и синтаксис. Выявлению многогранных параллелей в словарном запасе финно-угорских языков и эсперанто целесообразно посвятить отдельную статью.

Фонология. Фонетика

Звуковой состав эсперанто отличается простотой. Например, нет редуцированных гласных, которые в настоящее время из финно-угорских языков особенно характерны языку хантов, принадлежавшему к обскоугорской группе. Вообще в 15 остальных финно-угорских языках также используются полноценные гласные, хотя их число в различных языках неодинаково.

Из современных финно-угорских языков своим вокализмом к эсперанто ближе всего эрзя-мордовский язык, в котором гласные a, o, u, i, e используются независимо от слоговой позиции (исключение только для u, которое в конце слова не выступает). Вокализм эсперанто (задние гласные a, o, u передние гласные i, e) полностью совпадают с другими финно-угорскими языками в отношении задних гласных, но число передних гласных в них (венгерский, финский, эстонский языки) за счет гласных ä, ö, ü значительно больше. В некоторых языках прибавляется также средний гласный e (эстонский, ливский, водский), но в пермских языках (удмуртский, коми) в употреблении есть даже два средних гласных (e, i). Такое большое количество гласных изначально не было свойственно финно-угорским языкам. Гласными основ имен и глаголов раньше могло быть только a, ä, e [47, 67] - таким образом, даже не гласная o, которая так свойственна эсперанто. Если в финно-угорском языке o и была в конце слова, то только в однослож-

ных словах (например, to 'то').

В отличие от индоевропейских языков, в финно-угорских языках отмечается гармония гласных, что автоматически обуславливает окончание a в падежах (-na, -ta и др.), а также существование переднего гласного ä (-nä, -tä). Гармония гласных пронизывает в финском и венгерском языках слова с гласными ö, ü, что приближает их скорее к тюркским, чем к индоевропейским языкам [12, 151-161; 16, 18-21]. В эстонском литературном языке гармония гласных исчезла, и поэтому в первых слогах вокализм фактически такой же, как и в эсперанто: в исконных словах a, u, i, e к которым присоединился еще гласный o в некоторых заимствованных словах (auto, kilo-грамм).

В эсперанто, как, например, в латинском и итальянском языках, ударение делает гласный открытого слога полудолгим, чему в эстонском языке соответствует II долгота. Существование долгих гласных наряду с краткими свойственно также венгерскому и всем прибалтийско-финским языкам (финскому, карельскому, ижорскому и др.). Однако что касается словесного ударения, то особенностью финно-угорских языков является размещение его на первом слоге. Встречается и подвижность ударений (марийский) или переход его на конец слова (удмуртский), но эти явления поздние и возникли под влиянием чужих языков.

Наряду с противопоставлением кратких и долгих гласных общей чертой для эсперанто и, например, для эстонского и финского языков можно считать наличие дифтонгов, оканчивающихся на i и u (в эсперанто - aj, oj, uj, ej; au, ou, eu). Благодаря гармонии гласных как одной из основных фонетических особенностей, в финском языке общее число дифтонгов к настоящему времени увеличилось до 18 (äi, öi, üi, öü, üö и др.), соотношение в тексте с краткими гласными приблизительно 1:3,3.

Следует подчеркнуть, что употребление Л. Заменгофом отдельных гласных и дифтонгов, если не учитывать начальных компонентов дифтонгов различной долготы, почти совпадает со схемой индоевропейского праязыка [11, 9; 37, 67-89], где наряду с 5 полными был еще редуцированный ə, но отсутствовал дифтонг ui (в эсперанто uj). К этому решению Л. Заменгоф пришел, вероятно, в первую очередь благодаря такому же составу гласных в латинском языке. Однако и там отсутствует прямой дифтонг ui (ui), хотя комбинация гласных u + i (на-

пример, fructu-i представлена. 5-членная система одиночных гласных находит широкое употребление, например, в греческом и русском языках. Предположим, что последнее оказало влияние на Л. Заменгофа [5, 79], но дифтонги на ц в отношении русского языка вообще в счет не идут, так как, например, в заимствованных словах au > av (au > av: авто), eu > ev (зу > эв: эвфемизм). В отношении консонантиза большинство финно-угорских языков использует такие же звуки, как и эсперанто. Хотя в эстонском и финском языках представлены f, ŝ, z, ĵ и аффрикаты c, ĉ, dĵ (в эсперанто ĝ), но только в заимствованных словах или именах. Но первоначально аффрикаты были типичны для всей финно-угорской языковой семьи, и такими они сохранились в пермских языках. Индоевропейская бинарная оппозиция глухих/звонких всегда захватывала смычные (k - g, p - b, t - d) что также типично и для эсперанто (puto 'колодец' - budo 'бутка').

Финно-угорские языки сначала знали только глухие смычные, и в некоторых языках (напр., в финском и эстонском) отсутствуют звонкие g, d, b по сей день. Это затрудняет носителям этих языков правильное произношение в эсперанто.

В эсперанто отсутствуют палатальные гласные, что кажется даже загадочным, если учесть большое влияние русского языка на процесс создания этого языка [5, 74-104]. Палатализация совершенно отсутствует в финском литературном языке. Это не является основной чертой финно-угорских языков, поскольку как наследие праязыка ее можно встретить почти везде. В начальной фазе прибалтийско-финских языков палатализация пропала (i' > i, ĥ > ĥ и др.), проявление ее в родственных языках или их диалектах (эстонский, финские восточные диалекты) - это очень позднее явление.

Хотя в любом языке употребляется меньше гласных, чем согласных (в эсперанто - 5 гласных и 22 согласных), в общей картине текста согласные обычно преобладают над гласными [60, 40-42]. Некоторое исключение составляют, например, японский язык (на 100 гласных - 82 согласных), гавайский язык (100:65) и таитянский язык (100:41). Во всех индоевропейских языках, в эсперанто и также в финно-угорских языках число согласных превышает 100. Колебания в этих языках велики, в индоевропейской семье языков самый богатый гласными итальянский язык (100:108), самый бедный - датский язык (100:176). В эсперанто графемные соотношения (100:115); к нему ближе всего французский (100:116) и ис-

панский 100:118. Из финно-угорских языков к эсперанто ближе всего эстонский 100:113; у некоторых авторов также 100:117, см. [52, 13]; за ним следует венгерский (100:111) и финский (100:109); по более ранним данным, когда не принимались в расчет новейшие заимствования и имена собственные, 100:96, см.: [45, 13]. И другие финно-угорские языки в целом богаты гласными, и поэтому они намного ближе к эсперанто, чем германские и славянские языки (срав. также немецкий - 100:164, английский - 100:158, польский - 100:148, чешский - (100-146). Языки, возникшие из латинского (100:142), все богаты гласными (португальском даже 100:102), что косвенно повлияло на то, что от "нежных", "мягких" романских языков эсперанто почил себе такой благоприятный "фонетический наряд".

Заманчиво сразу получить сравнительный материал, хотя бы на ограниченной основе, относительно того, каково соотношение отдельных звуков или графем в текстах. Поэтому автор делал подсчеты по произведению Ф. Тугласа "Kvin noveloj". (Dua reviziita eldono, Tallinn, 1984), ограничившись лишь 1000 графемами начала новеллы "En la fino de la mondo". Выяснилось, что наиболее встречающаяся графема в эсперанто a (11,9%), за которой следуют другие гласные: e (8,5%), i (8,4%), o (7,7%). Лишь u и y остаются заметно ниже их (4,3%); перед ними разместились целых 5 согласных: l (8,0%), n (7,1%), r (6,4%), s (6,1%), t (4,7%). Частность проявления других согласных значительно ниже, чем у c: d (3,9%), j (3,8%), k (3,7%), m (2,8%), p (2,3%), v (2,1%), z (1,1%). Процентный вес других согласных остается ниже (см. таблицу).

Таблица

Частота графем эсперанто (в %)

a - 11,9	h - 0,4	o - 7,7
b - 1,4	ĥ - 0,1	p - 2,3
c - 0,4	l - 8,4	r - 6,4
ĉ - 0,6	j - 3,8	s - 6,1
d - 3,9	ĵ - 0,2	ŝ - 1,1
e - 8,5	k - 3,7	t - 4,7
f - 0,9	l - 8,0	u - 4,3
g - 1,2	m - 2,8	v - 2,1
ĝ - 1,5	n - 7,1	z - 0,5

Сопоставляя данные финно-угорских языков с данными таблицы, видим, что в финском литературном языке самая часто встречающаяся также графема a, в диалектах же - i [49, 42]. Поразительно близок к эсперанто и численный показатель a (12,1%; в эсперанто II,9). За гласным a следуют гласные i, e (в эсперанто e, i) и значительно ниже - u, o (в эсперанто - o, u). Чуждые для эсперанто ä, y (ü), ö, ä в финском языке - самые редко встречающиеся графемы, причем процентное количество ö только 0,5. По частоте проявления согласных к эсперанто ближе всего в финно-угорских языках согласные д (3,0%) и ц (2,4%); в эсперанто соответственно 2,8 и 2,1. В эстонском и венгерском языках общая картина почти такая же, только два первых гласных поменялись местами: e, a (срав. в эсперанто a, e). В венгерском языке i, o, u следует в том же порядке, что и в эсперанто, только в эстонском языке из-за звукового изменения o > u частота проявления o меньше, чем u. Из согласных эстонского языка наиболее употребительные g и t, которые помещаются за e, a, i перед u (срав. в эсперанто частота проявления g и t также больше, чем u u), в венгерском языке t помещается уже между e и a.

Изучение соединения согласных и звуковых комбинаций могло бы, очевидно, выявить и другие фонологические параллели между финно-угорскими языками и эсперанто, но это предполагает обстоятельное, контрастивное рассмотрение. Предполагать можно только достаточно большое совпадение слоговой структуры, так как немисленно в этих языках одинаковое богатство гласных, что, как мы видели выше, превосходит богатство гласных в германских и славянских языках.

Уже в финно-угорском языке отмечается ряд сочетаний согласных [22, 16], которые свойственны также индоевропейским языкам и эсперанто (ks, kt, kl, kr, tk, pt, ps, sk, lk, lt, ln, rk, rt, rp, st, rn, rn, rl, rv, wp и др.), но ни одно из них не употребляется в начале слова. Во многих финно-угорских языках даже сегодня не употребляются сочетания согласных в начале слова (исключение только звукоподражательные слова или слова с дескриптивным оттенком). К словам, начинающимся с согласного звука, даже в заимствованиях в начале слова прибавляется гласный звук, напр. венг. iskola (срав. латин. schola), asztal (срав. рус. стол). Язык манси использует и другие приемы метатезы - turpa (срав. рус. труба), эпентезы - karek (срав. рус. грех) и элизии, срав. jak рус. ляк).

Эстонский литературный язык, некоторые финские западные наречия, ливский язык под влиянием соседних индоевропейских языков стали употреблять наиболее простые сочетания согласных (смычные + резонантные, как kr, kl, pr, pl и др.) и другие сочетания согласных (dr, kv, sk, st, str и др.). Сочетание согласных в начале слова в них полностью совпадает с употреблением этих же сочетаний в эсперанто. Срав. эстон. pruun - эсперанто bruna, draakon - drako, frukt - frukto, klaas - glaso, graviidne - graveda, kriit - kreto, kviitung - kvitanco, proovima - provi, skafander - skafandro, statuut - statuto, streik - striko и др.

Морфология

При исследовании общих черт в финно-угорских языках и эсперанто можно говорить только о типологических, а не о генетических или ареальных параллелях. При классификации родственных языков, при показе различных степеней их родства центральное место занимает морфология со своими грамматическими категориями, хотя в большей или меньшей мере приходится учитывать и другие уровни языка [13; 47, 69-84]. Неучет фонетических особенностей приводит к ошибочной этимологии, что, в свою очередь, может привести к тому, что на основе словарного запаса языка в одну языковую группу попадают языки отнюдь не родственные. В этом причина того, что иногда ностратическая языковая теория подвергалась острой критике [13, 4].

По образованию различных грамматических категорий и слов эсперанто считают агглютинативным языком, что придает морфематике ясную структуру. И финно-угорские (как и тюркские языки) в своей основе всегда агглютинирующие, хотя особенно в балтийско-финской группе вследствие чередования ступеней видное место занимают изменения основы (напр., в эстонском языке käsi 'рука', в генитиве käe, в партитиве kätt, в иллативе kätte; первоначально *käte, *käte-n, *kät-tä, *käte-sen). Поэтому эстонский язык и называют агглютинативно-флективным.

Морфологический тип языка определяют не столько различные классы и разряды языковых единиц (лингвистические категории), сколько грамматические способы сами по себе. Во многих языках грамматические категории одни и те же: у склоняемых слов множественное и единственное число, у глаголов наклонение, время и т.д., но средства все же разные (аффикса-

ция, редупликация, использование служебных слов и т.д.). По общей природе грамматических категорий современные финно-угорские языки не отличаются существенно ни от индоевропейских языков, ни от эсперанто, вследствие чего для их детального сопоставления нет оснований. Поэтому основное внимание мы обращаем на совпадающие, а иногда и резко отличающиеся средства выражения.

Артикль

В эсперанто артикль la показывает определенность, как и в романских языках. Его употребление в общем совпадает с употреблением в центральноевропейских языках, особенно с употреблением в немецком языке [58, 410]. Зато неопределенный артикль в эсперанто отсутствует. Идею такого различия Л. Заменгоф заимствовал, вероятно, из древнегреческого или древнееврейского языка, хотя в системе арабского и кельтского языков неопределенный артикль отсутствует [43, 334]. Артикли как романских, так и германских языков позднего происхождения: определенный артикль был образован на базе указательного местоимения (срав. la латин. il-la), неопределенные из числительного один (ср. франц. un, une < латин. unus, a, um).

Из финно-угорских языков своим определенным артиклем a, az (= нем. der, die, das) ближе всего к эсперанто венгерский язык (неопределенность показывает egy 'один'). В других финно-угорских языках такого артикля нет, хотя присоединяющееся к концу слова указательное местоимение имеет, особенно в пермских языках, некоторые детерминирующие значения и тем самым по своему существу близко к артиклю. Непосредственно об артикле в конце слова можно говорить в мордовском языке, где -á (указательное местоимение -še), во мн.ч. -ne (форма мн.ч. указательного местоимения -še), обозначает определенность, напр., kudo 'ein Haus', но kudo-á 'das Haus' и kudot-ne 'die Häuser'. Соответствие неопределенному артиклю отсутствует здесь так же, как и в эсперанто. Следует отметить, что самостоятельное образование подобных определенных артиклей в конце слова можно наблюдать и в вепском языке. С точки зрения общего языкознания интересно отметить, что определенные артикли в конце слов имеются и в некоторых германских языках (напр., швед. hus-ét 'das Haus').

Поскольку артикли в финно-угорских языках вообще отсутствуют, при использовании эсперанто артикль la часто может

опускаться или, наоборот, его могут употреблять и тогда, когда в эсперанто для выражения определенности его обычно не используют (напр., в отвлеченных словах и в названиях веществ). Нельзя также употреблять la перед местоимениями: *la tiu ideo, *la via ĉemizo, *la ĉiuj amikoj и др. [58, 406].

Род

В финно-угорских языках, как и в эсперанто, отсутствует род. Это, однако, не мешает при необходимости с помощью суффиксов различать лиц мужского и женского пола. Срав. выражение понятий 'учитель' и 'учительница' в эсперанто instruisto - instruistino, в эстон. õpetaja - õpetajanna, в фин. opettaja - opettajatar. Суффикс -in- в эсперанто заимствован из немецкого языка (срав. Lehrer - Lehrerin; фин. -tar, -tär - это сокращение самостоятельного слова tytär 'дочь').

Число

В индоевропейских языках наряду и ед. и мн.числом было в употреблении двойственное число, следы которого еще встречаются во многих языках [37, 387]. Среди финно-угорских языков двойственное число является сейчас живой грамматической категорией в языке саами и в языке хантов и манси.

Естественно, в искусственных языках следует избегать таких сложностей, поэтому эсперанто при выражении множества оперирует только с помощью показателя j, который присоединяется к концу слова (homo - homoj, gazeto - gazetoj). i (j) является признаком мн.ч. в древних индоевропейских языках, хотя начальной областью его использования считают местоимение: в латин. istī, quī, в готск. ƿai [37, 387, 405]. Из них оно рано перешло в существительные, как показывают латин. lupī (: lupus 'волк'), готск. blindai 'слепые'. В некоторых типах склонения древнее i проявляется и в русском (где i > i = и) и романских языках, так что в соответствующих примерах у Л. Заменгофа недостатка не было.

В финно-угорских языках i как признак мн.ч. распространен: во всех прибалтийско-финских языках, в саамском, в венгерском и даже некоторых самодийских языках, напр., в финских косвенных падежах lintui- ~ linnui- (: lintu 'птица'), в саамском námái - (: námá имя), в венгерском nevei-m, nevei-d 'мои имена, твои имена'.

Дополнительно проявляется в личных местоимениях язы-

ков саамского, мордовского, коми и других, напр., в коми mi 'мы', ti 'вы'. В общем для индоевропейских и финно-угорских языков в признаке мн.ч. i видели существенный аргумент для доказательств древнего родства этих языковых групп.

Если дело обстоит так, то определение "типологическая параллель" для показателя мн.ч. i(j) эсперанто и финно-угорских языков является недостаточным. Добавим все же, что формы мн.ч. с показателем i в финно-угорских языках многие исследователи [59, 87-94; 18, 91-94] считают результатом весьма поздней конвергенции.

Какого бы ни был происхождения показатель мн.ч. i в финно-угорских языках, для своей функции он прекрасно подходит. Л. Хакулинен отмечает, что с помощью i в финском языке "удачно получаются формы мн.ч., которые по своей ясности и звуковой экономичности превосходят систему мн.ч. многих индоевропейских языков, напр., латинского, немецкого, шведского и русского" [45, 80]. Экономность признака мн.ч. i проявляется, впрочем, не только в краткости (срав., напр., с турецким -lar, -ler), но и в том, что количество слогов в слове остается таким же (мн.ч. lintui-, ед.ч. lintu-). Хвалебные слова говорились и в отношении показателя мн.ч. эсперанто -j [7, 39; 5, 97], который, образуя дифтонг с предшествующим гласным, также не увеличивает числа слогов в слове (birdoj, ед.ч. birdo 'птица'). Кроме того, j (также как и i) воспринимается эффективнее, яснее, чем, напр., гласный среднего подъема e или гласный низкого подъема a. Удачным является в эсперанто то, что ударение в слове никогда не падает на слог, имеющий показатель мн.ч., а это дает возможность избежать обусловленного ударением удлинения количества гласного. Подобный плюс, естественно, имеют и финно-угорские языки, где ударение в слове не перемещается дальше первого слова (см. выше).

Признак мн.ч. j в эсперанто оказался настолько удачным и привлекательным, что его использовали и в создаваемых позднейших искусственных языках [3, 9]. Интересно отметить, что в созданном в 1964 г. искусственном языке инга сделана попытка обойтись, опираясь на порядок слов и лексические возможности [3, 7], без показателя мн.ч.

Падежи

Современные финно-угорские языки имеют много падежей (в эстонском языке - 14, в финском - 15, в саамском - 7-9, в

мордовском - 9-II, в марийском - 7-I3, в коми - I7, в удмуртском - I6, в венгерском - I7-23), а в эсперанто только 2 падежа - именительный и винительный. Большое количество падежей в финно-угорских языках является все же результатом позднего развития, причем свою роль в этом сыграло смешение постпозитивного слова с основным словом, особенно в венгерском языке [9, I59]. В финно-угорском праязыке обычно реконструируются шесть падежей: номинатив, генетив, аккузатив, латив, локатив, облатив (сепаратив) [53, 2I0; 2I, 54]. Системы падежей финно-угорского и индоевропейского праязыка сходны числом падежей (6-7 падежей), причем отмечается сходство некоторых падежных окончаний, напр., аккузатива *-ш и аблатива *-t(a) [40, 2I; 38, I85].

На первый взгляд кажется, что типологических параллелей и в финно-угорских падежах и в эсперанто как будто нет, но на самом деле это не так. Полное совпадение происходит прежде всего в номинативе и в образуемых на его основе косвенных падежах. Как и в эсперанто, так и в финно-угорских языках номинативом является (или являлся) корень слова. Этот корень слова сохраняется или сохранялся неизменным во всей парадигме и не только единственного, но и множественного числа, срав., напр., склонение финского слова talo 'дом' и эсперантского domo: номинатив talo - domo, (генетив-)аккузатив talo-n - domo-n, мн.ч. talo-i-n - domo-j-n. На основе приведенных примеров может создаться впечатление, будто Л. Заменгоф копировал финский язык. В действительности же образцом ему служили аккузативы с окончанием -n существительных, прилагательных, местоимений идиша и немецкого языка, которые своим более ранним -n [4, I83; 6I, 353-386] всячески напоминают образование аккузативов финского языка. Здесь также произошел переход -n > -n, поскольку праязыковое -ш неизменно сохранилось только в саамском и марийском языках. Интересно отметить, что в некоторых искусственных языках (*omni-lingua*, I957-I96I) рекомендуется окончанием аккузатива использовать "более архаическое" -ш, напр., pätrom из слова pätro 'отец' [3, IO]. Зато в этнических языках можно более широко наблюдать переход окончания -n в -n, напр., в аккузативе хеттского языка -ш > -n, который сопоставляли с финским языком [65, 9I].

Общим для финно-угорских языков и эсперанто следует считать и то, что те же самые падежные окончания присоединяются к корням всех слов, и то, что в единственном и во множест-

венном числе между падежными окончаниями нет никакой разницы. Многие финно-угорские языки в атрибутивном положении сохранили адъектив несклоняемым (напр., в венгерском új ház 'новый дом', инессив új ház-ban, в номинативе мн.ч. új háza-k и т.д.), однако под сильным влиянием индоевропейских языков в прибалтийско-финских языках атрибутивное слово склоняется вместе с основным словом, что дает им ту же самую структуру, что и в эсперанто. Срав. фин. uusi talo 'новый дом', аккумулятив uude-n talo-n - эсперанто nova domo, аккумулятив nova-n domo-n. И именительный множественного, который в финском языке выполняет одновременно и функцию аккумулятора, образуется по этому же принципу: uude-t talo-t - в эсперанто номинатив nova-j domo-j, аккумулятив nova-j-n domo-j-n. По существу это тавтологические образования, поскольку дублируется тот же показатель или падежное окончание. Если бы адъективный атрибут в эсперанто оставался несклоняемым, как это было первоначально свойственно финно-угорским языкам, его склонение было бы еще экономнее. Однако весьма сомнительно, что Л. Заменгоф, даже зная это, предпринял бы такой шаг, так как это резко увело бы в сторону от своеобразия индоевропейских языков. Но в предикативе вообще нецелесообразно отказываться от показателей мн. числа (La domoj estas nova-j).

Числительное

Финно-угорские числительные I-6, безусловно, генетически исконные, так как у них отсутствуют иноязычные соответствия и они узнаваемо однотипны во всех языках. Раньше же были усвоены и многие индоевропейские заимствования (7, 10, 100, 1000). Три первые из них (sep, dek, cent) во многих финно-угорских языках имеют одинаковые с эсперанто корни.

Источником заимствования числительного '7' для венгерского и обско-угорских языков считают [48, 313] какую-то древнеиранскую языковую форму (*sapta, *sāptā, срав. др.-инд. sapta, авест. hapta '7'); венг. hét (h - в нем вторичное, возникло под влиянием числительного hat шесть), манс. sāt, sāt, хант. tāpət и др. (где s > t). Числительное '7' начинается с se- и в прибалтийско-финской, в волжской и пермской языковых группах (фин. seitseten, seitsemän мар. šem и др.), но параллелью формы sep в эсперанто ее из-за исходного образа senec(-mä) [62, 99] считать все-таки нельзя.

Числительное '10' (в эсперанто dek, ср. греч. deka, ла-

тин. desem) в языках удмуртском и коми представлены в виде das (/ др.-перм. *dās или *das), в венгерском tíz. И это числительное в названных языках иранского происхождения [48, 257], срав. др.-инд. dāśa осет. дэс, пугнан. ḍīz '10' и др. В этих так называемых языках сатэм э и э̄, как правило, соответствует греч. κ и латин. с.

Возможно, что числительное '10', являющееся индоевропейским по происхождению, в качестве одного из компонентов представлено в числительных прибалтийско-финской, саамской и волжской языковых групп '8' и '9', которые образованы по принципу 'два меньше, чем десять' и 'один меньше, чем десять', напр. фин. kahdeksan (срав. kaksi '2'), yhdeksän (срав. yksi '1') - некоторые исследователи [62, 1856] все же сомневаются, что эти deka-, t- являются заимствованными, хотя принцип образования 'меньше, чем' и более широко известен (срав., напр., латин. duo-de-viginti '18' и un-de-viginti '19').

Числительное '100' (в эсперанто cent, в латин. centum) одно из древнейших индоевропейских заимствований в финно-угорской языковой семье. Оно встречается во всех языках: фин. sata, эстон. sada, саам. čuohte, эрзян. śado, мокшан. sadā мар. sūcā, удмурт. śu, коми śo, манс. sāt, хант. śot, венг. váz. Слово в форме *sata было уже известно в финском праязыке, срав. арийское или раннеиранское *sata-m, др.-инд. śatām, авест. satām, осет. сэдсэ и др. - все исходит из предполагаемого индоевропейского *ḱm̥tóm '100' [48, 311; 62, 979].

Что касается числительного '1000', то и его отдельные формы в финно-угорских языках индоевропейского происхождения, но одинаковых корней с формой mil в эсперанто не встречается (/ латин., итал., франц. mille, испан. millari др.). Напр., в фин., эстон. tuhat, эрзян. t'oza, мокшан. t'ožē, мар. təžem (срав., литов. tūkstantis '1000'), удмурт., коми śurs (сравн. праар. *(sa-)šhasra- и др.-инд. śahásram '1000'), венг. ezer (ezre-) (срав. др.-осет. *āz(ä)gā и новоперсид. hazār, hezār '1000').

Принцип образования числительных '21-90' во всех финно-угорских языках такой же, как и в эсперанто: единицы следуют за десятками (20 + 1 т.д.), напр., фин., kaksikymmentä-yksi, венг. huszon-egy, в эсперанто dudek unu '21'. Типичный для немецкого языка порядок слов (ein-und-zwanzig '21') даже не во всех германских языках нашел распространение (срав. англ.

twenty one, швед. tjugoen, tjuogoett). Известное сходство последнее имеет с прибалтийско-финскими языками, где раньше широко использовался тип числительного 'один из третьего десятка', напр., в финском yksi-kolmatta '21' сохранились только зачатки этого способа образования.

Напротив, числительные 'II-I9', хотя и образованы по упомянутому выше принципу ('II' = 'один из второго десятка' и т.д.), во всех прибалтийско-финских языках используются все в том же виде, напр., фин. yksi-toista, эстон. üks-teist(-kümend) 'II'. В венгерском же языке числительные 'II-I9' образуются, как и в эсперанто: венг. tizen-egy (= 'десять-один') - эсперанто dek unu 'II'.

Местоимения

Выдвигая предположение о первоначальном родстве финно-угорский и индоевропейской семьи языков, неоднократно подчеркивали паразитическое совпадение именно местоимений. Начало этому положил Н. Андерсон в исследовании "Studien zur Vergleichung der indogermanischen und finnisch-ugrischen Sprachen" (Dorpat, 1879). Совпадения наблюдаются как в личных, указательных, относительных, так и в вопросительных местоимениях. В обеих языковых семьях на корнях местоимений базируется и ряд наречий. Можно ожидать, что здесь будут иметь место типологические параллели и звуковые соответствия с эсперанто.

Л и ч н ы х м е с т о и м е н и й в эсперанто больше, чем в финно-угорских языках, так как 3 л. ед.ч. различается по роду (li, ŝi, ĝi). Форма муж.р. li (срав. и 3 л. мн.ч. ili) восходит, очевидно, при учете романских языков к латинскому указательному местоимению ille, тогда как форма жен.р. ŝi является непосредственно английским she /ʃi:/ (срав. и немец. sie), которое через ряд промежуточных ступеней может быть сведено к форме указательного местоимения индоевропейского праязыка *sā (или *sia) [37, 400]; такова же, видимо, этимология возвратного местоимения si 'себя' в эсперанто. По существу такое же положение и в финско-угорских языках, где 3 л. выражается каким-нибудь указательным местоимением: эстон. teha (срав. фин. tä-mä 'это'), саам., мордов. so-n, удмурт. se (<*še). Как у финно-угорского *tä, так и у местоимения *še имеются языковые соответствия в индоевропейских языках (см. ниже), причем формы, начинающиеся с t, Л. Замен-

гоф включил в свою коррелятивную таблицу.

Самое большое звуковое совпадение с эсперанто имеет все же местоимение I л. мн.ч., где предполагается влияние форм русских местоимений мы и ты [5, 99]: фин. mi-nä, эстон. mi-na, саам., мордов., удмурт. шо-п, коми ше, венг. én (< *e-men) - эсперанто mi - 'я'. Такое совпадение выходит, конечно, за пределы эсперанто и распространяется во многих языках вплоть до форм индоевропейского праязыка (в косвенных падежах которого *ше-, *шо-), напр., в дательном др.-инд. ме, литов. ми, в винительном латин. ме, гот. mi-k и др.

Большинство личных местоимений в эсперанто имеет показатель -i (mi, vi, li и т.д.); в финно-угорских языках эти окончания главным образом в местоимениях мн.ч., напр., венг. коми ми 'мы', ви 'вы', I л. местоимения ni 'мы' в эсперанто все же заслуживает особого внимания, так как от формы ед.ч. mi его отличает n- которое тем самым выполняет функцию мн.ч. Из финно-угорских языков здесь можно привести типологические параллели с указательными местоимениями, в которых мн.ч. отличается от ед.ч. начальным n, срав. фин. ne (:se 'этот там'), nämä (: tämä 'этот здесь', nuo (: tuo 'тот').

Редко употребляемое 2 л. местоимения в эсперанто имеет только видимое сходство с формами фин. si-nä, эстон. si-na (ci-nä < *ti-nä), так как они начинаются с t (срав. венг. te, мордов. тон) и их можно скорее сравнивать с индоевропейскими косвенными падежами *te, *to (напр., в дательном др.-инд. те, греч. toi, латин. tē а также немец. du и англ. thou).

Притяжательные местоимения изначально не присущи финно-угорским языкам, а вместо них использовались указывающие на принадлежность суффиксы, которые происходят от личных местоимений, напр., фин. talo-ni (< *talo-mi) венг. háza-m 'мой дом'. Личные местоимения и в индоевропейских языках, и в эсперанто являются основой для выражения принадлежности отдельным лицам, но это делается при помощи соответствующего местоимения. В эсперанто к личному местоимению присоединяется общий суффикс местоимения -a: mi-a 'мой', ŝi-a 'её' и т.д.

Во многих прибалтийско-финских языках притяжательные местоимения исчезли, и для выражения принадлежности употребляется тип индоевропейских языков (гезр. эсперанто), срав. эстон. minu maja, эсперанто mia domo мой дом, в финском языке возможен и дублирующий, смешанный тип minun talo-ni.

Указательные местоимения (или образованные от них наречия) имеют в финно-угорских языках целый ряд звуковых соответствий. Местоимения в обеих семьях языков с t-, s-, n- или корень местоимения состоит только из гласных e-, i-, a- [40, 53-59].

При сопоставлении эсперанто с финно-угорскими языками можно привести примеры из обеих групп, напр., фин. tä-mä 'этот здесь', tuo (<*tō) 'этот там' - эсперанто tju, tio, tia (указательные местоимения); венг. e-z 'этот', хант. i-t 'этот' - эсперанто iu, io, ia (неопределенные местоимения). Последняя группа своей эсперантской звуковой комбинацией iv близка финскому относительному местоимению iv (jo-ka 'каждый'), но ему в эстонском соответствует местоимение с корнем i- или e- i-ga, диал. e-gä (-ka, -ga, -gä ударные суффиксы). Вообще в финно-угорских языках для выражения относительности употребляются вопросительные местоимения, способ употребления которых не чужд индоевропейским языкам и эсперанто.

Отрицательные местоимения neniu 'никто', nenio 'ничто', nenia 'никакой' в эсперанто получают путем присоединения отрицательного префикса ne- подобный способ образования изначально чужд финно-угорским языкам. В восточных прибалтийско-финских языках и далее под влиянием русского языка стало употребляться отрицательное ni-, ni- напр., в карел., вепс. ni-ken 'никто', вод. ni-mi 'ничто' [24, 25], что позволяет говорить о типологической и звуковой параллели с эсперанто. Формы родного языка с отрицательным словом ei как кальки встречаются и шире: фин. ei kukaan 'никто'. эстон. ei miski 'ничто'.

В отрицательных местоимениях есть общие черты и различия. Общим для финно-угорских языков и эсперанто является различие одушевленных и неодушевленных объектов, использование двух различных местоимений. В эсперанто (kiu, kio), как и в индоевропейских языках (напр., в латин. qui-s 'кто', qui-d 'что') различие между одушевленными и неодушевленными объектами выражено суффиксом, в финно-угорских же языках всегда употреблялись два вопросительных слова с различными корнями [8, 218] ke-, ki- и mi-, напр., в венг. ki и mi, в фин. ke-n, mi-kä в эстон. ke-s 'кто' и mi-s 'что'.

Таким образом, со звуковой стороны с индоевропейскими языками и эсперанто мы можем сопоставлять только формы, начинающиеся с k (кроме ke-, ki-, а также корней ku-, ko-). Наречия образованы прежде всего из последних форм, напр.,

фин. ku-ssa, эстон. ku-a, эрзян. ko-so 'где', фин. ku-inka, эстон. ku-idas, эрзян. ko-da 'как', но употреблялся корень mi- (фин. mi-lloin, эстон. mi-llal 'когда'). Вопросительные местоимения в эсперанто ki-e 'где' ki-om 'сколько', ki-am 'когда', 'если' ki-al 'почему' образованы при помощи соответствующих суффиксов, которые, присоединяясь к корню ti, дают указательные наречия (ti-e, ti-en и др.), присоединяясь к корню i, дают неопределенные наречия (i-e, i-en и др.), а с корнем neni- образуют отрицательные наречия (neni-e, neni-en и др.). Формы, отвечающие на вопрос 'где?', оканчиваются на e и напоминают поэтому русское вопросительное слово где. Напротив, появляющееся при вопросе 'куда?' -n (kien?, sur la tablon) по существу является окончанием аккузатива, формантом, совпадающим в звуковом отношении с окончанием -n латива финно-угорских и самодийских языков, которые также показывает направление движения из одного места в другое, напр., в старом литературном финском taghan, диал. taan, в самодийском tagan 'за; назад'. То же -n проявляется в конце наречий, имеющих местоименные корни как в финно-угорских языках, так и в эсперанто, напр., фин. mihin 'куда', tähän 'сюда', tuohon 'туда', эрзян. kozon 'куда', t'ezef 'сюда', tozon 'туда', - в эсперанто kien, tien ĉi, tien. Форма tien ĉi 'сюда' в виде исключения не синтетическая и если сравнивать ее с финно-угорскими языками, выпадает из системы, что обусловлено тем обстоятельством, что в эсперанто имеется только один единственный корень указательного местоимения (ti-), а в финно-угорских языках, уже начиная с праязыка, было по крайней мере три таких корня (tä-, to-, ĉe-).

В окончаниях остальных вопросительных и других наречий эсперанто (-om, -am, -el, -al) в финно-угорских языках отсутствуют соответствия, по которым можно было бы провести звуковые и типологические параллели.

Для уточнения следует добавить, что наречно-временные формы на -am с местоименными основами (kiam, iam) не всегда оканчивались на -m, поскольку Л. Заменгоф представил их вначале с окончанием -n - kian, ian [6, 48], что означало совпадение с партитивом местоимений kia 'какой', ia 'какой-то'.

Заканчивая рассмотрение местоимений, заметим, что названное выше сходство основ эсперантских местоимений, начинающихся с m-, t-, k-, не ограничивается только индоевропейскими и финно-угорскими (уральскими) языками, а охватывает алтайские, вагаирский и чукотский языки [25, 67-71].

В эсперанто отражаются наклонения используемых в Западной Европе индоевропейских языков: изъявительное, повелительное и сослагательное. Эти наклонения встречаются также и в финно-угорских языках, но здесь местами число наклонений более велико, например, в эстонском языке в дополнение к названным встречается еще косвенное наклонение (modus obliquus) которое показывает, что говорящий слышал о действии или состоянии от других (напр., Ta õppi-vat hästi 'Он будто бы хорошо учится'); или возможностное наклонение (modus potentialis) в финском языке, показывающее, что говорящий находится в сомнительной по отношению к действию позиции (напр., Nän oppi-nee hyvin 'Возможно, он учится хорошо').

Все это можно выразить и на эсперанто, но используя не синтетические, а аналитические выразительные возможности (Oni parolas, ke li lernas bone. Eble li lernas bone); то же вынуждены делать и послужившие образцом для эсперанто индоевропейские языки.

Образование изъявительного, повелительного и сослагательного наклонения является одинаково синтетическим (происходит при помощи соответствующего аффикса) как в финно-угорских языках, так и в эсперанто. Изъявительное наклонение в эсперанто могло бы и не нуждаться в особом показателе (которого не имеют финно-угорские языки), если бы не было необходимости дифференциации прошедшего и настоящего времени.

Показатель прошедшего времени i является общим для финно-угорских языков и эсперанто. В финском, эстонском и др. языках признак i встречается перед окончанием спряжения, напр., фин. anno-i-n 'я дал', anno-i-t 'ты дал' и т.д.; в эсперанто в целом так же, но здесь необходимо признать -a общим окончанием спряжения во всех лицах: mi, vi и т.д. don-i-a. Типологическое сходство в эсперанто проявляется и в том, что перфект и плюсквамперфект образуются при помощи вспомогательного глагола быть и причастия основного глагола, срав., напр., фин. olen mennyt - mi estas irinta, olin mennyt - mi estis irinta. Различные окончания спряжений дают возможность не использовать личные местоимения в финно-угорских языках, в то время как в эсперанто это единственная возможность различать лица. В отношении отсутствия личных глагольных окончаний сходство с эсперанто имеет только сослагательное наклонение в эстонском языке, срав. ma, sa, ta annaks, aitaks - эсперанто mi, vi, li domus, helpus и т.д.

Еще более близкими к эсперанто являются финно-угорские формы отрицания во всех наклонениях, где так же не используются личные окончания, напр., эстон. ma, sa, ta, me, te, nad ei anna, laula эсперанто mi, vi, li, ni, vi, ili ne donas, kantas. Венгерская частица ne, nem даже фонетически близка отрицанию ne в эсперанто.

Выше говорилось о том, что как в эсперанто, так и в финно-угорских языках отсутствует род у существительных. Это обуславливает отсутствие рода и в глаголах. В этом отношении эсперанто ближе к финно-угорским языкам, чем, напр., к русскому языку, срав. эстон. päev, suvi, kevad möödus - эсперанто tago, somero, printempo pasis - русск. день прошел, лето прошло, весна прошла.

Встречаются и другие, случайные и менее значимые, совпадения, напр., окончание is в имперфекте 3 л. ед.ч. некоторых глаголов: эстон: ta and-is, laul-is - эсперанто li don-is, kant-is и др. Является сходным также окончание 3 л. ед. и мн.ч. в повелительном наклонении - оно оканчивается на -u: эстон. ta, nad andku, laulgu - li, ili donu, kantu и др.

Фонетически совпадают также инфинитивы в венгерском (-ni), пермских языках (-ni) и эсперанто (-i), напр., венг. adni, éne-kelni - эсперанто doni, kanti и др. Непосредственным образцом для i-инфинитива в эсперанто послужили пассивные формы инфинитива в латинском языке doni, cantī, legi, scribi и др., которые в обоих языках являются одинаковыми. Утверждение Б.Г. Колкера о том, что -i инфинитива в эсперанто основывается на аналогии с русскими идти, нести [5, 97] кажется нам преувеличением.

Спряжение в эсперанто типологически отличается от финно-угорских языков более всего тем, что в последних в целом отсутствует категория будущего времени и настоящее время выполняет его функцию; под влиянием русского языка в водском языке стали использоваться аналитические формы будущего времени [26, 69]. Тем неожиданнее являются такие совпадения, которых в финно-угорских языках нет даже с индоевропейскими языками. Сказанное относится прежде всего к общему показателю прошедшего времени i, срав. фин. ost-i-n 'купил' - эсперанто acêet-is, фин. muist-i-n 'помнил' - эсперанто memor-is и др.

Откуда у Л. Заменгора возникла идея выразить прошедшее время именно при помощи этого гласного, нелегко сказать (к тому же это не входит в задачу данной работы), но возможным

образцом могло послужить i перфекта в латинском языке, которое присутствует во всех спряжениях, срав. seribi, legi, -sti, -t и т.д. - эсперанто skribi-s, legi-s. Высказывалось также предположение об опосредованном влиянии некоторых форм русского языка [5, 89, 97], что кажется менее вероятным.

Словообразование

Финно-угорские языки, благодаря их агглютинативному характеру [9, 154-164, 17, 14], опирались исключительно на суффиксы, поэтому общее количество суффиксов здесь велико. Отсутствие префиксов в агглютинативных языках рассматривается как их типологическая особенность [10, 19]. Для этих языков характерно также и то, что суффиксы проявляются как в именах, так и в глаголах [44; 55]. Отмеченное обстоятельство дало возможность предположить, что данные типы слов возникли позже из одного гнезда, которое можно назвать именным глаголом [46, 226-228]. В пользу существовавшего когда-то именного глагола говорит и то обстоятельство, что во всех финно-угорских языках существуют непроезводные корни, которые можно как склонять, так и спрягать. Эта древняя черта уральских языков является одним из словообразовательных принципов в эсперанто, срав., напр., 'дождь и 'дождь идет': коми zer 'дождь; идет дождь', удмурт. zor idem, хант. jert idem, манс. rakw 'дождь' и rakw-i 'идет дождь' - эсперанто pluv-o 'дождь' и pluv-as 'идет дождь'; срав. немец. Regen 'дождь' и regnen (глагол, выражающий соответствующее действие).

Финно-угорским (гесп. уральским) древним суффиксам найдены фонетические параллели в индоевропейских языках, их довольно много - у существительных около десяти (j, r, n, nt, s и др.), в глаголах - меньше [40, 36-52]. С точки зрения деривации в эсперанто они не столь существенны, так как названные суффиксы относятся к корню, к которому прибавляются производные элементы эсперанто. Проиллюстрируем сказанное суффиксы nt, который считается общим для финно-угорских и индоевропейских языков: фин. isä-nt-ä 'хозяин' - др.-инд. dant-, латин. (dens :) de-nt-is 'зуб' - эсперанто dent-o 'зуб'.

Конечно, существуют отдельные фонетические совпадения в некоторых финно-угорских языках с суффиксами эсперанто, но они единичны и случайны. Так, в прибалтийско-финских языках образуются существительные при помощи суффикса -o, срав. слова с аналогичной семантикой: фин tal-o 'дом' - эсперанто

dom-o, фин. pelt-o, 'поле' - эсперанто kamp-o. Язык коми использует суффикс -a с той же целью, что и эсперанто, т.е. при образовании прилагательных, срав. šud-a 'счастливыи' - эсперанто felic-a, mic-a 'красивый' - эсперанто bel-a.

Более существенным, чем точное фонетическое совпадение, является тот общий принцип, согласно которому суффиксами могут быть и отдельные гласные. Основная часть суффиксов финно-угорских языков образована на основе модели CV, которая прямо противоположна эсперанто, где фигурирует VC (-ad-, -aj- и др.), VCC (-end-, -ind- и др.) или реже VCCC (-estr-). Подобное положение обусловлено тем, что в финно-угорских языках прибавляется к корневому гласному, в эсперанто же слова индоевропейского происхождения превращены в слова с корневым согласным. Это, конечно, исключает возможность алломорфов, которые являются большим плюсом искусственного языка, но при сравнении с национальными языками возникает вопрос о том, не следует ли исключить из сравнения суффиксальные гласные и сравнивать между собой лишь согласные.

В этом случае совпадение суффиксов с эсперанто заметно бы увеличилось. Напр., венг. alo-m 'сон' - эсперанто dorm-em-a 'сонный', эстон. kang-ur 'каменная гряда' - эсперанто arb-ar-o 'лес', эрзян. nušo-lo 'заяц' - эсперанто jun-ul-o 'мюша'.

Отдельную группу составляют в эсперанто суффиксы первоначального греческого происхождения -ism- и -isti-. Эти суффиксы распространились во всех языках мира через интернационализмы. В финно-угорских языках они также известны: фин. kommunismi, kommunisti, эстон. kommunism, kommunist, венг. kommunizmus, kommunista - эсперанто komunismo, komunisto. Суффикс -ism в эстонском языке выделился в отдельное слово; то же и в немецком языке: der Ismus [57, 39-43]. Но эстонский язык знаком с лексикализацией и других суффиксов и окончаний (-lane, -son, -mann, -šviili). Данное явление не чуждо и другим родственным языкам - карельскому (-niekka), ижорскому (-žikko), венскому (-žom, -kišt), коми (-qv) [29, 79-84]. Сознательная лексикализация суффиксов является одним из словообразовательных принципов в эсперанто, напр., при помощи суффикса -et- образуется прилагат. eta 'крошечный', суффикс -eg- дает наречие ege 'более всего', сложение суффиксов -et- и -ul- - сущ. etulo 'крошечная личность, карлик' и т.д. То же самое происходит и с префиксами, напр., ge-

вместе с образующим наречия суффиксом -e дает понятие 'назад, снова'.

В финно-угорских да и в индоевропейских языках известен противоположный процесс, когда самостоятельное слово слилось с предшествующим, превратившись, таким образом в суффикс. Особенно характерно это для абстрактных слов, суффиксы которых в настоящее время сокращаются почти во всех финно-угорских языках в соответствии с тем или иным словом, обозначающим время (день, год и т.п.), напр., саам. nuorra-vuotta ('молодой' + год') 'молодость', фин. nuor-uus, эстон. noor-us, лив. brī-rāva ('свободный' + 'день') 'свобода' и др. [54, 63, 167] и др. Точная типологическая параллель с эсперанто возможна лишь в том случае, если считать лексему eso 'свойство' первичной (срав. bel-eso красота). Однако это не совсем так. Л. Заменгоф скомбинировал суффикс -eso по примеру итальянского языка (срав. bellezza idem), хотя ход развития абстрактных слов в целом аналогичен финно-угорским языкам. Для сравнения прибавим, что и суффиксы абстрактных слов в немецком языке -heit, -keit, -schaft, -tum были когда-то самостоятельными словами [4, 327-330]. В данном случае мы имеем дело с универсальной структурной тенденцией [63, 84].

В словообразовании эсперанто большую роль играют префиксы, причем большинство из них может сочетаться с корнем имени (существительного, прилагательного) и глагола [36, 438], что имеет большое сходство с первичным использованием суффиксов в финно-угорских (resp. уральских) языках (см. об этом выше). Многие префиксы эсперанто (de-, dis-, ek-, eks-, re-, sub-, tra-, trans- и др.) взяты из романских и других индоевропейских языков, где они, в свою очередь, являются наследием античности. Названные префиксы стали известны и в финно-угорских языках при посредстве интернационализмов, напр., эстон. eks-minister - эсперанто eks-ministro, re-volutsioon - эсперанто re-volucio.

Подобные префиксы не сочетаются со словами с исконным корнем; и вообще префиксальное словообразование в финно-угорских языках является достаточно поздним процессом (в эстонском языке, напр., только два префикса: mitte-, eba-).

В пользу гибкости словообразования в эсперанто говорит и то, что многие понятия передаются при помощи сложных слов. Образование сложных слов производится на той же основе, что и в немецком языке [35, 386], напр., эсперанто ston-karbo -

немец. Stein-kohle 'каменный уголь', эсперанто urbo-centro - немец. Stadt-zentrum 'центр города' и др. Финно-угорские языки являются типологически сходными с эсперанто, напр. эстон. kivi-süsi, венг. kő-szén 'каменный уголь', эстон. kesk-linn, фин. keski-kaupunki 'центр города' и др. В противоположность этому русский язык весьма далек от эсперанто и финно-угорских языков, срав. каменный уголь, центр города. Конечно, встречаются отдельные случаи в образовании сложных слов, когда используются словосочетания с прилагательным в качестве первого компонента, как-то centra komi-tato (= русск. центральный комитет), centra hejtado (= русск. центральное отопление) и др. Образование сложных слов и его возможные соответствия в названных языках требуют специального изучения. В этом случае выяснились бы в деталях сильные и слабые стороны в образовании сложных слов. Напр., слову paperkorbo, что может означать как korbo por papero, так и korbo el papero [56, 446], в эсперанто, в прибалтийско-финских языках соответствуют два различных сложных слова: эстон. paberikorb и paberkorv. Быть может, и эсперанто следует пойти по этому пути, придав формам papero-korbo разное значение?

Следует пересмотреть утверждение о том, будто моделирование сложных слов в эсперанто происходило в основном по примеру идиш, срав. trinkmono - trinkgelt, paperkorbo - papirkorb, finger-ringo - fingerhut и др. [43, 317]. Нельзя забывать при этом о немецком языке, который также знал Л.Заменгоф (срав. Trinkgeld, Papierkorb, Fingerhut). У этих слов есть соответствия и в в прибалтийско-финских языках: эстон. jootraha, paberikorb, sõrmkübar; фин. juomarahana, paparikori.

Обращаем здесь внимание и на то, что префиксальным формам в эсперанто могут соответствовать в финно-угорских языках сложные слова или словосочетания, которые для нахождения типологических параллелей также подлежат сравнению. Если в эсперанто и индоевропейских языках граница между префиксами и предлогами подвижна, то то же самое можно сказать о послелогах (геср. наречиях) и содержащих их сложных словах или словосочетаниях в финно-угорских языках. Кроме того, в таком случае соответствующее образование устремляется к своему основному слову. В результате возникает конструкция, которая по своей семантике соответствует префиксальным образованиям в эсперанто или индоевропейских языках. Приведем сравнительные примеры из эстонского языка, выделяя дефисом префикс и, при необходимости, соответствующую ему определительную часть

сложного слова: al-pagi, al-pago - juurde maksma 'приплатить', juurde-maks 'приплата' (срав. minu juurde 'ко мне', где juurde это послелог). antaü-parolo - eel-sõna 'предлог', antaü-lasta - eel-viimane 'предпоследний', ĉirkaü-rigardi - ĉirkaü-vaatama 'осмотреться', ĉirkaü-vagi - ĉirkaü-hulkuma 'бродить вокруг', ekzili - välja saatma 'выслать', eks-kremento - välja-heide 'испражнение', el-doni, el-dono - välja andma 'издать', välja-anne 'издание', en-iro - sisse-käik 'вход', en-konduko - sisse-juhatus 'введение', in-esivo - vees-ütlev 'инессив', ĝis-vivi - lõpuni elama 'доложить до конца', inter-traktado - läbirääkimine 'переговор', kontraü-stari - vastu seisma 'противостоять', kontraü-spionado - vastu-luure 'контрразведка', kun-aütoro - kaas-aütor 'соавтор', kun-laboranto - kaas-tööline 'сотрудник', kun-preni - kaasa võtma 'взять с собой', perfidu - ära andma 'предать', persekutu - taga ajama 'преследовать', post-milita - pärast-sõjaaegne 'послевоенный', post-tagmezo - pärast-lõuna 'вечернее время', pri-pensi - läbi mõtlema 'продумать', pri-labori-läbi töötama 'проработать', sub-skribi, sub-skribo - alla kirjutama 'подписать', all-kiri 'подпись', super-flua - ülearune 'лишний', super-eco - üle-olek 'превосходство', sur-glui - reale kleerima 'наклеивать', tra-videbla - läbi-raistev 'прозрачный', tra-iri - läbi minema 'проходить', trans-porto - üle-kanne 'перевод'.

Подобный способ словообразования возник в финно-угорских языках по образцу индоевропейских языков (русского, немецкого, шведского), срав. русск. под-писать, под-пись, немец. unter-schreiben - Unter-schrift - эстон. alla kirjutama, all-kiri, фин. alle-kirjoittaa, alle-kirjoitus. По образцу индоевропейских языков в финно-угорских языках возникло большое количество предлогов, которые стали функционировать в качестве префиксов с большей легкостью, чем послелоги, напр. sen-fina - ilma lõputa 'бесконечный' (где ilma - это предлог, срав. ilma rahata 'без денег'). Встречавшиеся в приведенных выше примерах ĉirkaü 'вокруг', vastu 'против', pärast 'после', läbi 'сквозь' в известном смысле двойственны, так как в некоторых конструкциях могут быть использованы в качестве предлогов.

Д.Л. Гольд считает, что ряд таким способом образованных слов калькированы с идиша [43, 317-319], напр., antaüurbo - firshtot, antaülasta - farletst, enkasiĝi - avkasiĝn, superrigardo - iberblick, kumporti - mitbrengen, transdoni -

ibergebn, eksterlando - oysland и др. Возможно, что Л. Заменгоф исходил именно из форм идиша, но утверждение о том, что эти слова в эсперанто моделированы только по данному образцу, является преувеличением, так как во всех перечисленных случаях имеются точные соответствия и в немецком языке (Vorstadt, vorletzt, einkassieren, Überblick, mitbringen, übergeben, Ausland).

Часть понятий невозможно выразить простыми или сложными словами. Для их выражения приходится пользоваться словосочетаниями. При образовании выражений, обозначающих время, одним компонентом которых являются 'сегодня', 'вчера', 'завтра', можно заметить в разных языках соответствия по калькированию, сравн. hodiaŭ matene - эстон. täna hommikul - фин. tänä aamun немец. heute morgen - русск. сегодня утром, hierau vespere - эстон. eile õhtul - нем. gestern abend русск. вчера вечером; morgau nocte - эстон. homme õssel и др. С тождественными эквивалентами моделировано в эсперанто и в прибалтийско-финских языках выражение unu-du tagoj - эстон. üka-kaks päeva 'один-два дня'.

Есть сходство и в названиях пальцев: montra fingro - эстон. nimetissõrm, немец. Zeigefinger, русск. указательный палец; ringa fingro - эстон. sõrmuseõrm - немец. Ringfinger, malgranda fingro - эстон. väikesõrm, фин. pikkusõrm, немец. kleine Finger.

Неназванными еще остались параллели из области редупликации, такие как фин. lorpujen lorukai, эстон. lõppude lõpuks 'в конце концов' - эсперанто finfine, эстон. tahes-tahtmata 'волей-неволей' - эсперанто vole-nevole. Это широко распространенные кальки, сравн. русск. в конце концов волей-неволей, латин. volens-volens и др. В целом же редупликация - это чуждое явление для эсперанто и финно-угорских языков и при образовании грамматических категорий отсутствует совершенно.

Синтаксис

Структура предложения в современных финно-угорских (особенно в имеющих древние письменности языках - финском, эстонском и венгерском) в отношении сложных предложений очень близка или даже идентична индоевропейским языкам и эсперанто. Первоначально же финно-угорские (гесп. уральские) языки были знакомы лишь с простыми предложениями, образец которых

лучше всего сохранился в самодийских языках [14, с. 287-298; 42, 106 и др.]. Несформировавшейся была и категория связок, представляющая собой более позднее явление во всех финно-угорских языках. Большое количество используемых союзов — это заимствования из соседних языков (германских, славянских, тюркских), хотя есть и исконные образования. Особенно велико число заимствованных из русского языка союзов: в уральской языковой семье их 49, из которых 42 используются в восточной части прибалтийско-финских языков [23, 45]. По понятным причинам в финно-угорских языках и в эсперанто нет союзов общего происхождения. В структуре же основных типов предложений (простое предложение, паратаксис, гипотаксис) нет особых типологических расхождений. Исследование порядка членов предложения в эсперанто показало, что оно в основном относится к типу SVO (субъект — глагол — объект), так как это свойственно романским, германским и славянским языкам [66, 40]. К этой же группе относятся и финно-угорские языки, срав. фин. Koira näki kissaa — эсперанто La hundo vidis la katon 'собака увидела кота'. В некоторых языках мира используется порядок слов VSO (кимрский) или SOV (хинди, японский). Из стилистических соображений это учитывается и в эсперанто (Vidis la hundo la katon. La hundo la katon vidis) и в некоторой степени в финно-угорских языках, где порядок слов относительно свободен и член предложения, находящийся под смысловым ударением, может стоять в конце или начале предложения. Для вопросительных предложений в эстонском языке более типичен порядок слов SOV, оканчивающийся глаголом, напр., Kas koer kassi nägi? 'Собака кота видела?'. Изменение порядка слов SVO → OVS встречается в эсперанто, если под ударением находится объект и имеет место смысловое противопоставление; то же самое видим приведенном для сравнения эстонском предложении: La edzon mi ne konas, sed mi ofte vidas lian edzinon — (Seda) meest ma ei tunne, kuid ma näen sageli ta naist '(Этого) мужчину я не знаю, но я вижу часто его жену'. Когда главное предложение изменяется в придаточное, то в немецком языке изменяется и порядок слов, напр., Der Hund sah die Katze 'Собака увидела кота' и Ich glaube, der Hund die Katze sah 'Я верю, что собака увидела кота', но для эсперанто и для финно-угорских языков в целом это явление чуждо.

Свободный порядок слов в эсперанто и финно-угорских языках обусловлен тем, что объект в них маркирован (см. выше),

а это препятствует его смешению с субъектом. Немаркированный объект в английском языке требует неизменного порядка слов SVO (The dog saw the cat), так как перемещение субъекта и объекта обуславливает полное изменение смысла (The cat saw the dog). В финно-угорских языках и эсперанто подобной опасности нет.

Обстоятельство располагается после объекта, напр., эстон. Ma külastan sind homme - эсперанто Mi visitos vin morgaŭ. 'Я посетю тебя завтра'. В предложениях без объекта обстоятельство времени следует за глаголом, напр., эстон. Ta jalutas eile minu sõbraga aias - эсперанто Li promenis hieraŭ kun mia amiko en la ĝardeno 'Он гулял вчера с моим другом в саду'. Здесь возможны перестановки наречий соответственно ударению, но субъект и предикат (ta jalutas 'он гулял' - li promenis находятся всегда рядом, и между ними не могут стоять другие члены предложений.

Что касается использования категории времени глаголов в прямой и косвенной речи, то здесь отличий не существует. В главном и придаточном предложениях возможны одни и те же комбинации времени глаголов как в эсперанто, так и в приведенном здесь в качестве примера эстонском языке (исключением является использование будущего времени, которое в эстонском языке отсутствует). Напр., презенс + презенс: Ŝi diras, ke la viro amas ŝin - Ta ütleb, et mees armastab teda 'Она говорит, что муж любит ее'; презенс + имперфект: Li diras, ke li prenis la libron - Ta ütleb, et ta võttis raamatu 'Он говорит, что он взял книгу', имперфект + имперфект: Li diris, ke li prenis la libron - Ta ütles, et ta võttis raamatu 'Он сказал, что он взял книгу'; презенс + футур: Li diras, ke li venos dimanĉen - Ta ütleb, et ta tuleb (презенс) pühapäeval 'Он говорит, что он придет в воскресенье'; имперфект + футур: Li diris, ke li venos dimanĉen - Ta ütles, et ta tuleb (презенс) 'Он сказал, что он придет в воскресенье'.

Отличается от финно-угорских языков использование повелительного наклонения в I л. ед.ч., напр. Kion mi faru?, что содержательно выражает долженствование и поэтому переводится, как 'быть должником, долженствовать': Mis ma peap tegema? фин. Mitä minun pitää (tulee) tehdä?; аналогично в немец. Was soll ich machen? 'Что я должен делать? В некоторых случаях повелительному наклонению в эсперанто соответствует аналитическая конструкция на las в эстонском языке,

напр., Mi pensu? - Las ma mōtlen! 'Пусть я подумаю'. Здесь конструкция содержательно все же покрывается: в эсперанто синтетический, в эстонском аналитический императив. Последний представляет собою в прибалтийско-финских языках кальку с немецкого языка (срав. Laß mich denken!) В эсперанто и прибалтийско-финских языках использование связок обязательно, порядок слов CVPredv, напр., Tiu plumo estas ruĝa - эстон. See sulg on punane 'Это перо красное'. Но в ряде финно-угорских и индоевропейских языков это не является правилом.

Общей чертой финно-угорских языков и эсперанто (как и большинства индоевропейских языков) является нахождение определения перед определяемым словом: эстон. huvitav raamat - эсперанто interesa libro 'интересная книга'. Если привлекается какое-либо местоимение, то оно находится впереди определения: эстон. see huvitav raamat 'эта интересная книга' - эсперанто tiu interesa libro. Согласование определения с определяемым словом в падеже и числе (см. выше) является общей чертой прибалтийско-финских языков и эсперанто, которая неизвестна другим финно-угорским языкам.

В использовании отмечаящего объект аккузатива (-n) в эсперанто и парциального объекта в прибалтийско-финских языках есть общие черты в приветствиях, напр., эсперанто Bonan tagon! - фин. Huvää päivää! 'Добрый день!', Bonan vesperon! - фин. Huvää iltaa!, эстон. Tere õhtu(s)t! 'Добрый вечер!', Bonvenon! - фин. Tervetuloa! 'Добро пожаловать!' и др. аналогично при выражениях благодарности: Koran dankon! - фин. Paljon kiitoksia! Подобное использование аккузатива в эсперанто является прямым подражанием немецкому и идиш [43,323], срав. немец. Gute Nacht!, идиш a gutenakht! - Bonan nokton!

Аналогичные соответствия форм склонений можно наблюдать и в обстоятельствах меры и времени, напр., эсперанто Li kuris tridek kilometrojn - эстон. Ta jooksis kolmkümmend kilomeetrit 'Он пробежал тридцать километров', Mi jam dudek jarojn estas instruisto - эстон. Olen juba kakskümmend aastat õpetaja 'Я уже 20 лет учитель'. В приведенных примерах есть все же существенная разница между эсперанто и финно-угорскими языками из-за несовпадения числа (множественному числу в эсперанто соответствует единственное). Здесь выявляется одна существенная особенность финно-угорских языков: за любым числительным всегда следует единственное число, которое связывает их типологически скорее с тюркской чем какой-либо другой языковой группой. Отдельные отклонения от этого ос-

нового правила объясняется влиянием других (прежде всего русского) языков, напр., мокшан. sisem soldatkat (мн.ч.) = 'семь солдаток' [1, 205].

В дополнение к одинаковым случаям использования аккузатива можно заметить в эсперанто и прибалтийско-финских языках параллели в конструкциях дат. пад., напр., Estas varme (malvarme) al mi-эстон. Mul on soe (külm) - фин. Minun on lämmin (kylmä) 'Мне жарко (холодно)'.

При образовании сравнительных степеней эсперанто использует наречия pli, malpli (сравнительная) или plej (превосходная), а также связку ol 'чем'. Хотя в основном тип сравнительной степени в финно-угорских языках является синтетическим (фин. poikaa nuogempi, эстон. pojast noogem 'моложе сына'), используется также по образцу индоевропейских языков союзная конструкция с 'чем' (фин. nuogempi kuin poika, эстон. noogem kui poeg). Аналитический способ оказал также влияние на превосходную степень: фин. kaikkein nuorin poika, эстон. kõige noogem poeg, срав. эсперанто La filino estas pli juna ol la filo, 'Дочь моложе сына (чем сын)' и La lilino estas la plej juna 'Дочь - самая младшая'.

Структурными компонентами финно-угорских (геогр. уральских) языков всегда являлись послелоги, которые в более далеких родственных языках связываются с номинативным основным словом (общая черта с существительными в эсперанто), а в прибалтийско-финских языках с генетивом и партитивом. Наличие только послелогов и полное отсутствие предлогов в уральском языке представляет собой одну из тех черт, которые указывают на общую типологическую картину и с японским языком, где эта грамматическая категория особенно многочисленна: примерно 70 послелогов и ни одного предлога. В японском языке есть и большие фонетические отличия, напр., отсутствие фонаема l (в китайском - фонема г).

Но прибавление предлогов к послелогам превратило структуру прибалтийско-финских языков в более гибкую, приблизив ее одновременно как к эсперанто (где отсутствуют послелоги), так и к индоевропейским языкам, срав., напр., фин. yli kadun, эстон. üle tänava - эсперанто trans la strato, -n -немец. über die Straße - русск. через улицу. Хотя в прибалтийско-финских языках численный перевес имеют послелоги, число предлогов, напр., в финском языке достигает нескольких десятков [2, 198-210; 160-163].

Резюмируя все вышезаглаженное, следует подчеркнуть, что в

финно-угорских языках существует довольно много типологических параллелей с эсперанто. Они выступают на всех уровнях языка. Часть этих параллелей основывается на совпадении основных элементов структуры сравниваемых языков (напр., агглютинация), часть же представляет собой заимствования в финно-угорских языках из индоевропейских языков (напр., согласование адъективного атрибута с основным словом, свойственное и эсперанто). Существование множества типологических параллелей является благоприятным фактором для быстрого усвоения эсперанто и его корректного использования (также и в области синтаксиса).

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Часть I. Фонетика и морфология. - Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1962.
2. Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. - М.-Л., 1958.
3. Дуличенко А.Д. О некоторых направлениях лингвопроектирования в современной интерлингвистике. - *Interlinguistica Tartuensis* 2. Теория и история международного языка. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 644). Тарту, 1983.
4. Жирмунский В.М. История немецкого языка. Изд. 4-ое, перераб. и доп. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956.
5. Колкер Б.Г. Вклад русского языка в структуру эсперанто. - *Interlinguistica Tartuensis*. 3. История и современное состояние интерлингвистики. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 671). Тарту, 1984.
6. Кузнецов С.Н. Принципы теоретического описания планового языка. - *Interlinguistica Tartuensis* 2. Теория и история международного языка. Уч. зап. тартуского гос. ун-та. Тарту, 1983.
7. Лихтгейм А.М. Языковые универсалии как основа построения планового языка. - *Interlinguistica Tartuensis* 2. Теория и история международного языка. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 644). Тарту, 1983.
8. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. - М.: Наука, 1969.

9. Майтинская К.Е. Образование и классификация суффиксов в агглютинативных языках (на материале финно-угорских языков). - В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л.: Наука, 1965.
10. Серебренников Б.А. Об устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. - В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л.: Наука, 1965.
11. Серебренников Б.А. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков. - В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М.: Наука, 1982.
12. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. - М.: Наука, 1982.
13. Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. - М.: Наука, 1982.
14. Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. - Л.: Наука, 1973.
15. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1971.
16. Языки народов СССР. II. Тюркские языки. - М.: Наука, 1966.
17. Языки народов СССР. III. Финно-угорские и самодийские языки. - М.: Наука, 1966.
18. Alvre P. i-mituse päritolust. - In: Nonaginta. Johannes Voldemar Veski 90. sünnipäevaks 27. juunil 1963. Ema-keele Seltsi Toimetised. Tln, 1963.
19. Alvre P. Lausestruktuuri arengust uurali keeltes. - Fenno-ugristica 6. Труды по финно-угроведению. TRÜ Toim. 517. Trt, 1980.
20. Alvre P. Soome keeleõpetuse reeglid. - Tln, 1969.
21. Alvre P. Soome-ugri keelte ajalooline grammatika I. Sõnalligid. Arvu- ja käändekategooria. - Trt, 1983.
22. Alvre P. Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutustülesanded ja materjalid (konsonantühendid). Teine trükk. - Tartu, 1981.
23. Alvre P. Vene laenudest uurali keelte konjunktsioonides. - In: 'Symposium saeculare. Societatis Fenno-Ugricae. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 151. Helsinki, 1983.
24. Alvre P. Vom ostseefinnischen Indefinitpronomen. - In: Ostseefinnische Untersuchungen. Studia Fennica 28. Helsinki, 1985.

25. Angere J. Die uralo-jukagirische Frage. Ein Beitrag zum Problem der sprachlichen Urverwandtschaft. - Uppsala, 1956.
26. Ariste P. A Grammar of the Votic Language. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series 68). - Bloomington, 1968.
27. Ariste P. Eesti-rootsi laensõnad eesti keeles. Mit einem Referat: Die Estland-schwedischen Lehnwörter in der Estnischen Sprache. - Trt, 1933.
28. Ariste P. Hebräische Wörter in Estnischen. - In: Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung (Steinitz-Festschrift). Berlin, 1965.
29. Ariste P. Kas ism võib olla sõna? - In: Emakeele Seltsi Aastaraamat 14-15, 1968-1969. Tln: Eesti Raamat, 1969.
30. Ariste P. Keelekontaktid. Eesti keele kontakte teiste keeltega. - Tln: Valgus, 1981.
31. Ariste P. Saksa laensõnadest 16. sajandi eesti kirjakeeles. - In: Eesti Keel 1940, 3/4, Trt, 1940.
32. Ariste P. Slaavlaste ja läänemereelaste vanimaist keelelilisist kokkupuuteist. - In: Looming 1952. Tln, 1952.
33. Ariste P. Venä laensõnadest vanemas eesti kirjakeeles. - In: Keel ja Kirjandus, Tln, 1958, N° 1.
34. Blanke D. Esperanto und Wissenschaft (Zur Flansprachenproblematik). - Berlin, 1982.
35. Blanke D. Konfronta lingvistika komparo de etnolingvo kaj planlingvo. Kelkaj problemoj de la vortfarado de la germana lingvo kaj de Esperanto. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest, 1980.
36. Blaquez F.G. La problemoj de vortfarado en esperanto. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest, 1980.
37. Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. - Strassburg, 1904.
38. Collinder B. Die indouralische Sprachvergleichung und die Laryngaltheorie. - In: Die Sprache. Zeitschrift für die Sprachwissenschaft XIII, 2. Wien, 1967.
39. Collinder B. Hat das Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung. - In: Acta Universitatis Upsaliensis, Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis. Nova series 1:4. Uppsala, 1965.
40. Collinder B. Indo-uralisches Sprachgut. - In: Uppsala Universitets Årsskrift 1934. Filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper I. Uppsala, 1934.

41. Collinder E. Zur indouralischen Frage. - In: Språkvetenskapliga Sällskapet i Uppsala Förhandlingar 1952-1954. Uppsala, 1954.
42. Fokos-Fuchs D.R. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachwissenschaft mit besonderer Rücksicht auf das Problem der ural-altaischen Sprachwissenschaft. - Wiesbaden, 1962.
43. Gold D.L. Towards a Study of Possible Yiddish and Hebrew Influence on Esperanto. - In: Miscellanea interlinguistica, Budapest, 1980.
44. Györke J. Die Wortbildung der Uralischen (Primäre Bildungsauffixe). - Trt, 1934.
45. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos. - Keuruu, 1968.
46. Itkonen, E. Kieli ja sen tutkimus. - Helsinki, 1966.
47. Itkonen, E. Suomalais-urgrilaisen kielen ja historian tutkimuksen alalta. Tietolipas 20. - Helsinki, 1966.
48. Joki A.J. Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 151). - Helsinki, 1973.
49. Järvikoski O. Suomen kielen foneemien ja grafeemien frekvensselistä. - In: Virittäjä, Helsinki, 1985, N° 1.
50. Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 202). - Helsinki, 1936.
51. Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisista lainasanoista. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 213). - Helsinki, 1952.
52. Kask, A. Eesti keele ajalooline grammatika. Häälikulugu. Teine trükk. - Trt, 1972.
53. Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 370). - Helsinki, 1981.
54. Lazar O. The Formation of Abstract Nouns in the Uralic Languages. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica et Altholica Upsaliensia 10). - Uppsala, 1975.
55. Lehtisalo T. Über die primären uralischen Ableitungsauffixe. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia LXXII). - Helsinki, 1936.
56. Lienhardt A. Pri la kompleksaj vortoj en Esperanto. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest, 1980.

57. Linnamägi M. Über die lexikalische Selbständigkeit der Suffixe in den Nationalsprachen und im Esperanto. - In: *Linguistica* IV. Trt, 1971.
58. Pennacchietti F.A. Determino per kaj sen artikolo en esperanto. - In: *Miscellanea interlinguistica*. Budapest, 1980.
59. Ravila P. Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. - In: *Finnisch-ugrische Forschungen* XVII. Helsinki, 1941.
60. Setälä V. Suomen kielen dynamiikkaa. - In: *Suomi*, Helsinki, 1972, 116:3.
61. Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. - Göttingen, 1944.
62. Suomen kielen etymologinen sanakirja I - VII. - Helsinki, 1955-1981.
63. Tauli V. The Structural Tendencies of Languages. (*Annales Academiae Scientiarum Fennicae*. Ser. B, tom. 115,1). - Helsinki, 1958.
64. Thomsen V. Den gotiske sprogklasses inflydelse på den finske. En sproghistorisk undersøgelse. - København, 1869.
65. Uesson A.-M. On Linguistic Affinity. The Indo-Uralic Problem. - Malmö; Förlags AB Besti Post, 1970.
66. Wells J.C. Lingvistikaj aspektoj de Esperanto. Rotterdam; USA. Centro de esploro kaj dokumentado, 1978.

EINIGE TYPOLOGISCHE PARALLELEN DER FINNISH- UGRISCHEN SPRACHEN UND DES ESPERANTO

Paul A l v r e

Finnish-ugrische Sprachen weisen auf allen Sprachebenen typologische Parallelen mit Esperanto auf. In der Phonetik besteht eine Gemeinsamkeit in der Verwendung von Vokalen (reduzierte Laute fehlen), obwohl sie wegen der Vokalharmonie (ä, ö, ü) häufiger ist. Der Anteil von Vokalen im Text ist groß. Im Esperanto kommen auf je 100 Vokale nur 115 Konsonanten (vgl. dazu das Verhältnis im Dänischen 100:176), im Estnischen etwa ein gleiches. Das häufigste Graphem ist a (finnisch 12,1 %, Esperanto 11,9 %). Eine weitgehende Übereinstimmung zeigt sich auch in der Verwendungshäufigkeit der Konsonanten m und v usw. Die Morphologie ist durch ein gemeinsames Agglutinationssystem gekennzeichnet. Die Deklination beruht auf dem Nominativ Singular, das Kennzeichen des Plurals ist i oder j, woran sich die Kasusendung anschließt (finnisch ta-lo-in - Esperanto domo-j-n). Von den Numerakien haben einen gleichen Stamm '7, 10, 100, 1000'. Die Zahlwörter '21 bis 99' werden nach demselben Prinzip (20 + 1 usw.) gebildet. Bei den Pronomen gibt es die größte Übereinstimmung in der 1. Person Singular (mi-), aber auch t- und i- im Anlaut der Demonstrativpronomen und das Interrogativpronomen k- decken sich. Von Pronomen können Adverbien abgeleitet werden. Bei der Konjugation werden gleiche Modi und Tempora verwendet, gemeinsam ist auch das Kennzeichen des Imperfekts i. An der Derivation haben einen großen Anteil Zusammensetzungen, gemeinsam sind Suffixe der Internationalismen, ein weiterer gemeinsamer Zug ist die Lexikalisierung einiger Suffixe (estn. -ism, -lane u. a.). Die Syntax weist eine gemeinsame freie Wortfolge auf, wobei die SVO-Wortfolge jedoch überwiegt. Es decken sich mehrere Funktionen des Akkusativs, z. B. in Begrüßungsformeln (finn. Hyvää päivää! - Esperanto Bonan tagon! Das adjektivische Attribut wird dem zu erweiternden Wort vorangestellt und kongruiert damit im Kasus und Numerus. In den finnisch-ugrischen Sprachen werden nach dem Vorbild der indoeuropäischen Sprachen Präpositionen verwendet usw.

TIPOLOGIAJ PARALELOJ INTER FINNOUGRAJ LINGVOJ
KAJ ESPERANTO

Paul Alvre

Ĝis nun plej parte oni esploradis rilatojn Esperanto kaj indoeŭropaj lingvoj, el kiuj ĝi devenas. En la artikolo el vidpunkto de la lingvistika tipologio la aŭtoro pritraktas rilatojn inter Esperanto kaj finnougraj lingvoj, kiuj havas tute alian gramatikan devenon. La tipologia esploro detale kaj konsekvence efektiviĝas laŭ fonologia kaj fonetika, morfologia kaj sintaksa niveloj. Evidentiĝas multaj finnougraj kaj esperantaj paraleloj, kiuj estas esplikataj per iuj komunaj principoj de iliaj strukturoj (ekz. aglutino) kaj per kontaktoj inter finnougraj kaj indoeŭropaj lingvoj (kiel rezulto de tiuj kontaktoj estas pluaj trajtoj de la indoeŭropa deveno en finnougraj lingvoj, ekz. la akordigo de la adjektivo kaj de la substantivo). La leksikologia aspekto de la finnougra-esperanta tipologia estos esplorata en aparta artikolo.

ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЯЗЫК (Об эсперантизмах в русском языке)

А.Д. Дуличенко

Одной из важнейших категорий современной социолингвистики является категория языковой ситуации, под которой следует понимать распределение всех реально практикующихся и взаимосвязанных форм существования одного языка (или нескольких языков) как в рамках определенных этно-языковых или этно-социальных, административно-политических и проч. объединений, так и вне рамок таких объединений. При этом языковая ситуация может изучаться в ретроспективе, выяснением динамики такой ситуации на протяжении ряда периодов развития того или иного языка, той или иной языковой среды, или же в современном ее состоянии, непосредственно доступном исследователю. Языковые ситуации не обязательно должны иметь, как это принято считать, "привязывающий" характер, т.е. нет необходимости ограничивать их проявление только по отношению к определенным этно-языковым, этно-социальным и проч. объединениям. Известный еще с древних времен отрыв ряда языков могущественных государств, в настоящее время — крупных народов от изначальной прикреплённости к соответствующему народу и территории и использование их в иной, неисконной среде, создает языковую ситуацию, носящую транснациональный или надэтнический характер. Такова ситуация с латинским языком в странах средневековой Европы, с выделившимся в XX в. "клубом мировых языков"; сюда же следует отнести и весьма специфическую ситуацию, которую формируют в течение последних ста лет искусственные вспомогательные международные языки (ИВМЯ). Эта разновидность больше всего сближает социолингвистику и интерлингвистику, создавая условия для плодотворного сотрудничества этих двух дисциплин.

Языковые ситуации формируются обычно в течение длительного периода времени. Динамический характер им придают не только внутривидовое варьирование и в целом эволюция грамматических систем, но и различные социальные факторы. Среди последних существенный вес имеет социокультурное движение.

В социальном аспекте движение — это любая коллективная деятельность, направленная на достижение определенной цели. Особый случай представляют социокультурные движения, органическим компонентом которых является язык. Язык в них может быть и средством и конечной целью. Таковы движения за национальное возрождение в ряде стран Европы, которые проходили в условиях складывания капиталистических отношений, формирования наций и национальных культур, борьбы за восстановление политической независимости и создание собственных национальных государств. Движения за национальное возрождение в Европе охватывают в основном вторую половину XVIII и большую часть XIX вв. (примерно до 70-х гг.). Характерно, что деятели национального возрождения, называемые иначе будителями, главным признаком своей нации признавали язык. Потому основные их усилия были направлены на расширение прав родного языка, на создание литературного языка (если он до того не был создан) и расширение сфер его применения. С расцветом языка связывался расцвет нации и национальной культуры. Имея в виду этот аспект, мы можем рассматривать движение за национальное возрождение одновременно и как лингвосоциокультурное движение, переплетающееся, естественно, с вопросами национальной и политической независимости.

Лингвосоциокультурный характер носят стимулируемые обществом или отдельными общественными группами движения за демократизацию (литературного) языка. Такие ситуации наблюдаются в новейшее время во многих странах мира. В Турции, например, после провозглашения в 1923 г. Турецкой республики, началась так наз. языковая революция (обозначенная специальным термином — *dil devrimi*), проводившаяся наряду с реформами в области государственного устройства, экономики, науки и культуры. В качестве целей языковой революции здесь ставилось устранение из преподавания арабского и персидского языков, отказ от норм старого турецкого (османского) языка, переполненного арабо-персидскими лексическими и проч. элементами. В 1928 г. турки отказались от арабского алфавита и перешли на латинский, в результате чего обнаружилось резкое несоответствие огромной массы арабо-персидских заимствований грамматическому строю языка. Созданное в 1932 г. Турецкое лингвистическое общество способствовало демократизации турецкого литературного языка. Примечательно, что день 26 сентября 1932 г., когда начала работать первая конференция общества, стал днем языка и ежегодно отмечается в Турции как

праздник. В конце 60-70-х гг. наблюдается движение за демократизацию литературного языка в КНДР. При этом главный упор здесь был сделан на образование новой лексики — как общеупотребительной, так и узко специальной. По существу это была борьба с иноязычными заимствованиями (в основном китайскими), которые составляли непомерно высокий процент в их отношении к исконной лексике корейского языка. Новые слова производились на базе элементов корейского языка. В условиях системы всенародного образования это лингвосоциокультурное движение имело положительные результаты. Лингвосоциокультурный характер имеют также языковые войны и языковые конфликты, наблюдаемые в настоящее время в ряде стран Европы и Азии; правда, сюда часто примешиваются также вопросы этнического (национального) существования, политико-административного устройства и т.д. Существенной чертой лингвосоциокультурных движений, как показывают приведенные примеры, является их регулирующий в отношении языка характер.

К лингвосоциокультурным движениям следует отнести и движение за ИВМЯ, которое зародилось в XIX в. и практикуется по настоящее время. Однако в отличие от лингвосоциокультурных движений, "привязанных" к конкретной языковой ситуации, движение за ИВМЯ носит транснациональный характер и охватывает лишь небольшие в рамках различных этно-языковых объединений группы населения, которых связывает один общий язык и создаваемая на его основе культура — литературно-художественные опыты, периодические издания, возможности личных встреч и контактов и т.д. В XIX в. началось формирование двух таких движений. Первым возникло движение за "всемирный язык" волапюк, созданный в 1879 г. Й.М. Шлейером. Из Германии движение перекинулось в другие страны Европы, охватив достаточно большие группы населения. Однако в конце XIX — начале XX вв. волапюкское движение ослабевает, периодически возражаясь в 30-е и 60-е гг. XX в. Причиной "падения волапюка" были его слишком усложненная грамматика с ее чрезмерно априорными чертами и позиция создателя этого языка, приватизировавшего право на единоличное управление развитием волапюка. Волапюкское движение сменило движение за язык эсперанто, созданное в 1887 г. Л. Заменгофом и развивающееся на протяжении уже века. Эсперантское движение за такой большой промежуток времени имело и свои взлеты и свои падения, однако в настоящее время это единственное лингвосоциокультурное движение, опирающееся на достаточно хорошо нормированный язык и имеющее

развитую издательскую базу (печатание книг, периодики), развивающееся литературно-художественное творчество (переводное и оригинальное); некоторое применение эсперанто находит также на радио, в театре; как язык контакта он используется на международных и региональных встречах, конгрессах и съездах сторонников этого языка и т.д.

В XX в. появляется ряд новых движений, которые организовывались теми, кто был неудовлетворен языком эсперанто, особенно его слишком автономной грамматической структурой (материал — корни, суффиксы, префиксы — из европейских языков, а правила их соединения свои, автономные, не соотносящиеся с таковыми в европейских языках). Почти все эти движения пропагандировали международные искусственные языки (МИЯ), базировавшиеся на принципах натурализма, т.е. близости к грамматическим структурам европейских языков. В 1903 г. итальянский математик Дж. Пеано реформировал латинский язык в направлении удаления из него словоизменительных элементов. Предложенный им проект языка "латинский без флексий" — латинесине-флексионе — получил популярность и в 1909 г. стал официальным языком Академии международного языка (*Academia pro Interlingua*), на нем выходили периодические издания и научные публикации вплоть до второй мировой войны. После второй мировой войны движение за "латинский без флексий" не существует. К 1922 г. Э. Валь создает основы языка окциденталь (в 1949 г. переименован в интерлингве), близкого к особенностям романских, а также германских языков, но учитывающего преимущественно характерные для них интернациональные элементы. Уже в 20-е гг. движение за этот язык распространяется из Эстонии в ряд стран Европы и становится международным по своему характеру. Организуются различные учреждения, ставящие своей целью пропаганду языка, на окцидентале издается литература и периодика. После второй мировой войны это движение теряет свои позиции, хотя не исчезает вовсе. Некоторые группы сторонников языка окциденталь-интерлингве имеются в Швейцарии, Чехословакии, Швеции, ГДР и некоторых других странах. С конца 20-х гг. датский языковед О. Эсперсен организует движение сторонников созданного им языка новияль (1928), которое, однако, просуществовало только до второй мировой войны. С 1951 г. Ассоциация международного вспомогательного языка при руководящей роли А. Гоуда (США) создала проект языка интерлингва, базирующийся на интернациональных элементах основных европейских языков, прежде всего роман-

ских, а также германских языков. Движение интерлингва-истов представлено в настоящее время в ряде стран Европы — во Франции, Дании, Швеции, Швейцарии и др., а также в США. Ближе к эсперанто по структуре стоит язык идо — реформированный эсперанто, созданный в 1907—1908 гг. Л. де Бофроном при участии Делегации по принятию международного вспомогательного языка. Идистское движение первоначально составило сильную конкуренцию языку эсперанто вплоть до второй половины 20-х гг. Однако с 30-х гг. и по настоящее время это маломощное движение, представленное небольшими группами сторонников в таких странах, как Швейцария, Швеция, Франция, Англия и некоторые другие.

Кроме этих ИВМЯ, в незначительном употреблении были также: идиом-нейтраль (1893—1896), созданный В.К. Розенбергером и Международной академией волашка в Петербурге и пропагандировавшийся в первое десятилетие XX в. в некоторых странах; неос, созданный А. Альфандари в 1937 г. и реформированный в 60-е гг., и некоторые другие.

Следует подчеркнуть, что, находясь в русле общего движения за МИЯ, все эти лингвосоциокультурные движения практически не связаны друг с другом, напротив, в большинстве случаев они конкурируют между собой либо пытаются это делать, однако конкурировать, например, с эсперантским движением в настоящее время не может ни одно из них (фактическая история эсперанто почти за 90 лет представлена в изданной Всемирной ассоциацией эсперанто в 1974 г. книге: *Esperanto en perspektivo. Faktej kaj analizoj pri la internacia lingvo.* — London/Rotterdam: UEA, 1974, 844 p.; см. также: P.G. Forster. *The Esperanto movement.* — Naage: Mouton — Walter de Gruyter, 1982, XIV + 413 p. и др.).

Движение за язык эсперанто отмечает в 1987 г. свое столетие и этим самым оно демонстрирует притягательность идеи ИВМЯ, а перед языкознанием и перед социолингвистикой в первую очередь ставит задачу современного теоретического осмысления проблемы "человек — искусственный язык". Знаменем этого лингвосоциокультурного движения, как и каждого из ранее охарактеризованных, является язык, целью — преодоление языковых барьеров и тем самым сближение народов и культур.

Лингвосоциокультурные движения, "привязанные" к конкретной этно-социальной среде, распространяют свое влияние как бы внутри себя, на конкретный язык, который поставлен в рамках этого движения в качестве средства и цели. Лингвосоцио-

культурные движения языковых ситуаций, носящих транснациональный характер, действуют, как правило, не только интралингвистически, но и распространяют свое влияние на конкретные языки, с которыми соприкасаются и рядом с которыми выполняют те или иные функции вспомогательного средства общения. Здесь мы подходим к специально интересующему нас вопросу о воздействии лингвосоциокультурного движения, за которым стоит ИВМЯ, на родной язык носителей, среди которых распространяется ИВМЯ. Таким ИВМЯ для нас будет эсперанто как наиболее социально распространенный из искусственно созданных языков.

Если вопрос о влиянии национальных языков (русского, романских и др.) на эсперанто находит некоторое решение и то в основном в плане изучения вклада соответствующих языков в грамматическую структуру главным образом при создании Л. Заменгофом проективных основ эсперанто, то проблема возможного воздействия неэтнического (ненационального) языка эсперанто на языки этнические (национальные) остается до сих неизученной. Разумеется, глубина каждого из этих двух направлений языкового влияния не одинакова. Эсперанто, будучи полигенетическим языком с самого своего возникновения, продолжает испытывать воздействие языков соответствующих национальных групп носителей; в отдельные периоды истории эсперанто это воздействие принимало ярко выраженный характер практически на всех уровнях языка (срав. эсперанто "русского периода" и последовавшего за ним эсперанто "французского периода"). И все же функционирование эсперанто хотя и ограничено в той или иной этно-языковой среде, не остается бесследным для этой среды. ИВМЯ оставляет некоторый след на структуре родного языка носителей. По большей части это лексический след, но он заметен также в области словообразования и стилистики. Элементы влияния — назовем их эсперантизмами — как правило, тесно связаны со спецификой эсперантского лингвосоциокультурного движения, отражают его особенности и, следовательно, стоят на периферии лексического фонда в данном случае русского языка. Однако их изучение представляет теоретический интерес как само по себе, так и с точки зрения необходимости полноты картины развития словарного состава русского языка в целом и более полного учета всех возможных иноязычных источников, к которым обращается любой язык, в том числе и русский. Изучение эсперантизмов расширяет наши представления о формах и разновидностях соприкосновения русского языка с другими языками.

Если движение за язык волапюк было преимущественно элитарным, социально ограниченным (в нем принимали участие только образованные слои общества), то эсперантское движение носило более демократический, хотя и неоднородный характер. Спустя примерно два десятилетия после своего появления эсперанто использовался (в 1906 г.) в 430 обществах, а в 1908 г. таких обществ было уже более 1250; число периодических изданий от одного в 1890—1895 гг. увеличилось до 91 в 1909 г. При этом важно отметить, что именно с эсперанто связано вовлечение в движение за ИВМЯ низших слоев общества, прежде всего представителей рабочего класса. Первые группы рабочих-эсперантистов стали появляться в начале XX в. в Германии, Швеции, Франции и др. странах, затем формируются профессиональные объединения и союзы. Классовое расслоение эсперантское движение достигает своей кульминации с победой Великого Октября. В отличие от самого Заменгофа, который развивал так наз. "внутреннюю идею" эсперантизма, наивно полагая с помощью языка объединить "в единую семью" все слои и классы общества, формировавшиеся революционные рабочие эсперантские организации смотрели на эсперанто как на средство международной солидарности и распространения идей пролетарского интернационализма. Показательно число таких организаций: в 1909 г. их было 8 из 1450 всех эсперантских объединений, а в 1923 г. их стало 600 из общего числа 2200 (см.: Э. Дрезен. За всеобщим языком. — М.—Л., 1928, с. 235). Революционизирующее влияние на эсперантизм, как мы уже отметили, оказал Октябрь. В 1921 г. в Праге на 13-ом Всемирном конгрессе эсперанто делегаты-рабочие организуют свой международный рабочий союз. Однако руководители этого союза взяли на вооружение идеи "нейтрализма" и отмежевались от идеологии пролетарского интернационализма. Произошел раскол. В 1932 г. в Берлине основан Интернационал пролетарских эсперантистов, в деятельности которого большую роль играли эсперантисты СССР. С победой Октября пролетариат страны ощутил острую потребность в широком и тесном сотрудничестве с рабочим классом других стран. Одним из средств осуществления такого сотрудничества был международный вспомогательный язык, простой и доступный в изучении для широких слоев. В разных местах страны возникают многочисленные общества и кружки по изучению эсперанто, а в 1921 г. создается единый Союз эсперантистов советских стран (позднее — Союз эсперантистов советских республик), имевший, по свидетельству Э.К. Дрезена, одного

из его первых руководителей, до 500 эсперантских ячеек на местах. Основная задача Союза и всех рабоче-крестьянских эсперантистов заключалась в использовании международного языка в классовых интересах трудящихся. Посредством этого языка устанавливались контакты между революционными рабочими организациями, трудящиеся-эсперантисты СССР выражали свою солидарность с борьбой рабочего класса в других странах за их права, распространяли правду о первом социалистическом государстве, крепили тем самым идею интернационализма. Движение за международный язык в 20-30-е гг. стало ветвью международного революционного рабочего движения.

Объединяющим началом этого движения были идеология, язык и печать. Для русскоязычных носителей были изданы десятки учебников, словарей, на эсперанто переведены и изданы произведения классиков марксизма, классической русской литературы (и не только русской), выходила периодика. Движение, активно развивавшееся в 20-30-е гг., не могло не оказать воздействия на родной язык его участников. Эсперантские слова и выражения проникают в устную речь тех, кто находился в русле эсперантского движения, попадают на страницы печати, становятся общим достоянием русского языка. Особенно показателен в этом отношении журнал "Международный язык" (МЯ) — орган ЦК Союза эсперантистов советских республик (СЭСР), выходивший с 1922 по 1936 гг. и отразивший на своих страницах эсперантскую стихию в русском тексте. Состав и структура эсперантизмов, проникших таким образом в русский язык, рассматривается нами на основе несплошной выписки материала из ряда годовых комплектов журнала "Международный язык". Сплошную выписку еще предстоит сделать. Но и собранная картотека примерно в 500 карточек дает возможность достаточно объективно судить о существовании эсперантизмов, проникших в русский язык в основном в 20-30-е гг. Как известно, в это время русский язык переживает процесс так наз. "экспрессивизации", одним из проявлений которого было безудержное давление на литературный язык диалектной и просторечной стихий, порою чрезмерно активное словотворчество по непривычным моделям. В рамках этих процессов стоит и процесс взаимоотношения между русским и другими языками народов СССР и зарубежных стран, а также между русским и ИВМЯ.

Отличительной особенностью большей части собранных эсперантизмов является то, что они строятся на базе одного лингвонима — названия языка "эсперанто", в то время как другие

заимствования из эсперанто редки и носят в значительной мере налет окказиональности. От лингвонима "эсперанто" производятся новые слова суффиксальным и префиксальным путем, однако эти средства занимают скромное место и не сравнимы ни в коей мере с тем, что дает словосложение. Эсперантизмы производятся также аббревиационным путем. Говоря об эсперантском влиянии, надо учесть также и активно употребляющиеся в этом лингвосоциокультурном движении выражения — неидиоматичные сочетания.

Суффиксальным путем от "эсперанто" произведены: 1) эсперантист "владеющий языком эсперанто, участник движения за эсперанто" и соответственно эсперантистка; 2) эсперантизм "все, что связано с эсперанто, присущее эсперанто"; 3) эсперантизация "политика распространения эсперанто в той или иной сфере жизни"; 4) адъективные образования соответственно от "эсперанто" — эсперантский "свойственный эсперанто" и 5) от "эсперантист" — эсперантистский "относящийся к эсперантисту (или эсперантистам); 6) от "эсперанто" — глагольное образование эсперантизировать "делать эсперантским, распространять эсперанто в той или иной сфере", а отсюда и 7) причастное образование эсперантизированный "приобретший черты эсперанто".

Префиксальным путем от "эсперанто" образований не отмечено, префиксация наблюдается лишь в производных от "эсперанто": эсперантист — неэсперантист "не являющийся сторонником эсперанто, не знающий эсперанто"; с помощью элементов префиксального типа от адъективной формы "эсперантский" произведены: общеэсперантский, антиэсперантский, внутриэсперантский и под. Префиксально-суффиксальным путем образован эсперантизм по-эсперантски. Контекстуальные иллюстрации: Ввиду особой ценности этих выступлений в защиту эсперанто со стороны делегатов (неэсперантистов), приводим некоторые из них полностью (МЯ, 1929, I, 53); между неэсперантистами разных стран (МЯ, 1929, 6, 310); роль советских эсперантистов в общеэсперантском (в ориг.: обще-эсперантском) движении (МЯ, 1930, 4-5, 214); Москва и Ленинград, начавшие соревнование еще до начала производственного соревнования в СССР, ограничили его внутриэсперантскими задачами (МЯ, 1929, 4-5, 200); антиэсперантское отношение, антиэсперантские тенденции (МЯ, 1929, 3, 170-171); Обыкновенно занимались полтора — два часа — читали и писали по-эсперантски... (МЯ, 1929, I, 39); Ребята удовлетворительно читают по-эсперантски (МЯ, 1930, 4-5, 263).

Как уже было сказано, эсперантские новообразования, созданные на основе словосложения, представляют самую многочисленную группу, при этом список таких новообразований остается открытым. Здесь можно выделить два случая. Первый и наиболее распространенный состоит в присоединении к "эсперанто" различных слов, выражающих сферы, в которых язык употребляется, может быть употреблен или каким-то образом с ними связан. Такие новообразования обычно пишутся через дефис, однако по своей структуре они словны, так как выражают цельность номинации и характеризуются ограничением переменности компонентов сложения. Таковы: эсперанто-курсы, эсперанто-служба, эсперанто-литература, эсперанто-час, эсперанто-журнал, эсперанто-консультация, эсперанто-музей и под. К этому следует также присоединить открытый ряд с опорным компонентом, который морфологически является прилагательным, срав.: эсперанто-эсперантский, эсперанто-национальный, эсперанто-лексикологический, эсперанто-русский, эсперанто-агитационный и под.; в тексте: подготовка к изданию капитального эсперанто-эсперантского словаря (МЯ, 1929, 4-5, 197); работа над эсперанто-национальными словарями, эсперанто-лексикологические работы (там же, с. 217); К 12-ой годовщине Октября готовится выставка интернациональной связи и эсперанто-агитационный концерт по радио (МЯ, 1929, 6, 341); учебная эсперанто-русская хрестоматия (МЯ, 1935, I, 28).

Субстантивные образования с первым компонентом эсперанто- можно перевести в "адъективный вид", если их опорные компоненты способны и по своей структуре и по семантическим качествам образовывать форму прилагательного, срав.: эсперантно-консультация - эсперанто-консультационный, эсперанто-информация - эсперанто-информационный и др. Неизменяемый субстантивный характер слова "эсперанто" в таких образованиях носит устойчивый характер, о чем, например, говорит название последнего "Эсперанто-русского словаря" (1974). В то же время адъективная форма от "эсперанто" в рассматриваемых новообразованиях встречается реже, хотя видимых препятствий для этого нет, срав.: проводить эсперантско-комсомольскую работу (МЯ, 1929, 6, 358). Более обычным является употребление эсперантский в постпозиции, т.е. в качестве второго компонента, срав.: "Русско-эсперантский словарь" (1966), а не "Русско-эсперанто словарь".

О достаточно тесном слиянии первого компонента эсперанто- с опорным (последующим) говорит также и тот факт, что

усеченная его форма в виде эспер- может присоединяться практически к любому опорному компоненту. В печати 20–30-х гг. обычны образования типа: эсперкурсы, эсперслужба, эсперлитература, эсперчас, эспержурнал, эсперконсультация, эспермузей и под. (иногда передаются посредством дефиса). Нетрудно заметить, что в этом случае элемент эспер- приобретает качество префиксоидности, что оказывается возможным благодаря его способности оформлять большую серию слов, т.е. создавать словообразовательную парадигму. В словообразовательном плане этот тип оказывается переходным, так как включает в себе признаки аббревиации и признаки словосложения. Сложность представляет здесь определение морфологической мотивации сокращенного элемента эспер-. Мотивация посредством существительного "эсперанто" подкрепляется наличием открытого ряда словосложений, о которых мы уже говорили: эсперанто–курсы, эсперанто–служба и т.д.; все образования данного ряда, являющиеся примером "почти чистого словосложения" с накладываемым на конечный основы интерфиксом –о–, могут быть переведены в сложения переходного, или смешанного, типа за счет аббревиации первого компонента, т.е. эсперанто–курсы > эсперкурсы, эсперанто–служба > эсперслужба. Эту же связь подкрепляют и случаи использования в одном и том же контексте обеих разновидностей словосложения, применяемых по отношению к одним и тем же компонентам, срав.: Эсперанто–выставка, устроенная в мае месяце, выявила следующие достижения в эсперанто–работе... (МЯ, 1929, 6, 342); на следующей странице читаем: Можно полагать, что эспер–работа в Томске вновь оживет и окрепнет.

В то же время в рассматриваемом типе эсперантизмов можно видеть прием частичного сокращения препозиционного адъективного компонента словосочетаний, употребляющихся с большой частотностью в тексте, срав.: эсперантские курсы > эсперкурсы, эсперантское движение > эспердвижение. В любом случае следует признать, что в образованиях типа эсперкурсы удачно сочетаются обе мотивации, что, вероятно, и делает такие новообразования достаточно устойчивыми.

Отчетливо дефисный характер носят агентивные словосложения типа эсперантист–активист. Если в случае со словообразовательным рядом эсперанто–курсы склоняемым является только второй компонент, опорный, переменность компонентов ограничена и тем самым словный характер таких эсперантизмов становится очевидным, то здесь склоняются оба компонента (эспе-

рантистов-активистов, эспернатистам-активистам и т.д.) и отсутствуют какие-либо ограничения переменности как первого, так и второго компонентов, срав.: эсперантист-активист - активист-эсперантист. Эти особенности заставляют квалифицировать новообразования рассматриваемого типа как нелексикализованные сложения, они явно "не дотягивают" до полной словности. И все же это единицы словообразовательного уровня (сложения!), поскольку здесь налицо тенденция к словности за счет содержащейся в них цельной номинации (что частично выражается также дефисом на письме), за счет достаточно регулярного и устойчивого характера соединения таких компонентов. Есть еще один момент, который, как нам кажется, "работает" на словность дефисных эсперантизмов: как показали материалы, преимущественное их большинство используется в тексте в форме множественного числа, что дает повод предполагать, что функциональная редукция грамматической категории единственного числа как бы "открывает дорогу", "подталкивает" эти новообразования к существительным *pluralia tantum*, но в функциональном, в функционально-семантическом плане. Однако эту мысль следует специально проверить на значительно большем объеме обследования текстов. (В прилагаемом к настоящей работе словаре эсперантизмов в русском языке в качестве заглавного выступает компонент эсперантист-).

Для русского языка 20-30-х гг. характерным является активный процесс аббревиатуροобразования. Хорошо известно, что это было не только потребностью, но и своего рода модой, что нередко приводило к тому, что отдельные тексты оказывались переполненными аббревиатурами, созданными и по необходимости и по случаю. Эта аббревиатурная волна не обошла стороной и эсперантское лингвосоциокультурное движение, его печать. Аббревиатуры, навеянные эсперанто и эсперантским движением, можно распределить на следующие типы:

1) Буквенные аббревиатуры типа СЭСС "Союз эсперантистов советских стран": В 1921 года на Ш-м Всероссийском съезде эсперантистов было провозглашено образование СЭСС - Союза эсперантистов советских стран (МЯ, 1930, 4-5, 214); ЦББ-Э "Центральное бюро безбожников-эсперантистов": ЦББ-Э послало в рабочий эсперантский журнал статью... (МЯ, 1929, 3, 177); Установить связь с ЦББ-Э ... (МЯ, 1930, 6, 307).

2) Буквенно-звуковые аббревиатуры типа СЭСР "Союз эсперантистов советских республик": Центральный Комитет СЭСР приступил к изданию большого русско-эсперантского словаря,

рассчитанного на удовлетворение потребностей наших эсперкоров и эсперантистов-переводчиков (МЯ, 1929, 6); В ноябре создали ячейку СЭСР (МЯ, 1929, I, 40); Союз эсперантистов советских республик (ЭСЭСР) (МЯ, 1930, 4-5, 214); ОБЭС "окружное бюро эсперантистов связи" (ИЯ, 1929, 6, 341); БРЭС "Болгарский рабочий эсперантский союз" (МЯ, 1935, I, 23); СКЭА "Союз коммунистов-эсперантистов Австрии": По предположению СКЭА это приветствие было составлено на языке эсперанто... (МЯ, 1929, 3, 151) и др.

Аббревиатура СЭСР часто употреблялась с препозиционными аббревиатурными компонентами, которые указывали на то или иное подразделение Союза на местах, срав.: ЦК СЭСР, ВК СЭСР "Всероссийский комитет СЭСР", МК СЭСР "Московский комитет СЭСР", БК СЭСР "Белорусский комитет СЭСР", ОК СЭСР "окружной комитет СЭСР" и под., а также Губком СЭСР.

3) Сегментно-"слоговые" аббревиатуры (здесь слоговой характер сегменты приобретают только в составе аббревиатуры), т.е. после того как они уже вычленены из опорного слова и объединены в аббревиатуру): эсперкор "эсперантский корреспондент". Показательно, что сегментно-"слоговые" аббревиатуры проявляют достаточно устойчивую тенденцию к "врастанию" в словообразовательную систему русского языка, становясь производящими основами для компонентов словообразовательной парадигмы, срав.: эсперкор > эсперкорковский, эсперкорство, а также комэсперкор (МЯ, 1929, 3, 151), т.е. "коммунист - эсперантский корреспондент" (иллюстрации - в приложенном словаре).

4) Сегментно-словные аббревиатуры типа Учэсперобюро "учебное эсперантское бюро": Узловым и местным редколлегиям печатных и стенных газет необходимо установить теснейшую связь с Учэсперобюро (МЯ, 1929, 4-5, 282); Комэспкорбюро (орфографически также Ком-Эсп-Кор-Бюро) "коммунистическое эсперантское корреспондентское бюро": Для технического его осуществления и было создано Ком-Эсп-Кор-Бюро (МЯ, 1929, 3, 151).

5) Особый случай представляет заимствование буквенных (и буквенно-звуковых) аббревиатур, передаваемых по-русски либо представленных в оригинале; их содержание обычно переводится на русский язык и, следовательно, не совпадает своими начальными буквами с сокращением оригинала, срав.: Японский союз пролетарских эсперантистов (JPEU) (МЯ, 1935, I, 23), где JPEU - *Japana proleta esperanta (-ista) Unio*.

Рамки статьи не позволяют остановиться подробно на пря-

мых заимствованиях без компонента "эсперанто" и кальках из эсперанто в русский язык. Речь идет об эсперантизмах типа гомаранизм < *homaranismo* "политико-религиозная доктрина Заменгофа объединения всех людей посредством языка" (МЯ, 1929, I, I3, I6), сеннацизм и сеннацист < *sennciismo, sennciisto* "вненационализм, позиция вне учета наций", "стоящий вне нации" - буржуазно-идеалистическая концепция полной наднациональности эсперантского движения, распространенная в 20-30-е гг. (МЯ, 1929, 6, 316; 1930, 6, 275 и др.), и кальках типа вненационализм (МЯ, 1930, 4-5, 212) и безнационализм (МЯ, 1929, 3, I32) и под. и даже таких образований, как пор-эсперанто или por-эсперанто "для эсперанто" (*por* "для") (МЯ, 1930, 6, 272) и per-эсперант'ские (уголки межнабвязы) "посредством эсперантских..." (МЯ, 1929, 3, I71). Естественно для узко движенческой печати и употребление в оригинальном графико-орфографическом виде специфически эсперантских слов типа: Здесь использовались материалы *Esperanto-servo* "эсперанто-службы" (МЯ, 1929, 3, I67); Проведена каталогизация имущества ячейки, составлен подробный каталог всех книг, газет, журналов, писем и разных *esperantaĵoj* "эсперантских материалов; всего, относящегося к эсперанто" (МЯ, 1929, 3, I67); Все это после двадцатилетнего *baraktado* ("барахтанья") ... привело в настоящее время идо-движение к полному распаду (МЯ, 1930, 6, 293); *Punkta banto* (дословный перевод "точечный бант") в сущности представляет из себя *banta kuniĝo* в котором *banto* (петелька) уменьшена до размеров простой точки... (МЯ, 1929, 6, I88) и т.д.

Совершенно очевидно, что такого рода заимствования и кальки отражают, с одной стороны, специфику эсперантского движения, с другой - служат различным стилистическим целям. Это особый вопрос и требует он специального рассмотрения. Мы же завершим свой анализ представлением неидиоматичных словосочетаний, компонентом которых выступает адъективная либо производная субстантивная форма от "эсперанто". Эти словосочетания синтаксически прозрачны, однако специфика выражаемого ими содержания и частота их использования сделали их достаточно устойчивыми, срав.: эсперантский поэт (орган, кружок, стиль, пуризм), эсперантское движение, эсперантская речь (ячейка, работа, служба, грамматика), эсперантские корреспонденты (стилисты, настроения) и под.; комсомольские эсперантисты, революционный эсперантизм и др. (иллюстрации см. в соответствующих статьях словаря).

Через эсперанто или по крайней мере посредством эсперантского движения внедрялись и лексические элементы, характеризующие другие движения за ИВМЯ, особенно движение за распространение языка идо, конкурировавшего в 20-е гг. с эсперантским. Они заслуживают также специального рассмотрения. Как и в случае с лингвонимом "эсперанто", лингвоним "идо" дал жизнь таким новообразованиям, как идо-журнал, идо-ассоциация, идо-организация, идо-издательство, идо-литература, идо-учебник, идо-кружок, идо-издание, идо-лагерь и под.; отсюда также идист, идистский; срав. также окциденталь (язык и движение, начатое в 1922 г.), окциденталист, окциденталистский и др.

Как видно из анализа, одна основа эсперанто служит в русском языке базой для производства различными словообразовательными средствами ряда серий новообразований, отдельные из которых (серий) остаются открытыми. В этом смысле морфологически неизменяемую основу эсперанто можно квалифицировать как обладающую гигантскими словообразовательными и сочетаемостными возможностями.

Тут, однако, уместно задать вопрос: а функциональны ли в русском языке представленные эсперантизмы? Не являются ли они чисто окказиональными образованиями, застывшими в свое время и в своем лингвосоциокультурном движении? Нет спору: жизненность этих новообразований полностью зависит от наличия и функционирования эсперантского лингвосоциокультурного движения. Не возродись это движение после второй мировой войны, почти все рассмотренные нами эсперантизмы следовало бы признать всего лишь окказиональными архаизмами, своего рода словесным балластом в культурно-языковом вихре 20-30-х гг. Однако возрождение эсперантского движения вдохнуло новую жизнь в эти заимствования и образования, о чем свидетельствует не только активное использование в настоящее время многих из них, но и наметившийся в последние годы процесс пополнения эсперантизмов новыми образованиями, понятно, по ранее "проторенным словообразовательным дорожкам". Просмотр с этой целью изданий последних десятилетий, посвященных эсперанто и эсперантскому движению, особенно же "Информационного бюллетеня" созданной в 1979 г. Ассоциации советских эсперантистов подкрепляет высказанную мысль. В "Информационном бюллетене" обычно употребление образований типа эсперанто-клуб, эсперанто-организация, эсперанто-движение, эсперанто-издания, эсперанто-словарь, эсперанто-коммуникация, эсперанто-

комиссия, эсперанто-школа, эсперанто-ассоциация, эсперанто-факультатив и под., эсперантисты-туристы, эсперантисты-пенсионеры и пионеры-эсперантисты, друзья-эсперантисты, ученно-эсперантисты и т. д., эсперантский журнал (кружок), эсперантская ассоциация (проза) и др. Такие эсперантизмы – это не только письменный материал, но и живые лексические элементы в речи тех, кто используется языком эсперанто и вовлечен в это лингвосоциокультурное движение.

Сказанное позволяет признать эсперантизмы в русском языке особым пластом слов, который формируется не в результате контакта двух народов, носителей двух языков (что обычно в языковой ситуации мира), но в результате речевой деятельности на двух языках русскоязычных носителей. Эти носители сами и являются проводниками элементов приобретенного языка в свой родной язык. Это явление, которое можно было бы определить как внутреннюю интерференцию (или внутриэтническую интерференцию) заслуживает специального внимания.

Помещаем словарь эсперантизмов, содержащих в своем составе препозиционный компонент эспер- или эсперант-о. Каждая единица, как правило, иллюстрируется примерами либо документируется ее местонахождение в журнале "Международный язык". Словарь не является исчерпывающим, однако, как представляется его составителю, он включает основное число образований, по которым видны все пути и средства их создания. По строению словарь делится на четыре группы: сначала идут эсперантизмы, имеющие в своем составе элемент эспер-, затем – эсперант-, эсперантист- и, наконец, эсперанто-. Внутри групп представление материала алфавитное. Используются также отсылки. Грамматические пометы минимальны. В примерах орфография сохраняется оригинальная. Всего словарь содержит 83 эсперантизма.

СЛОВАРЬ ЭСПЕРАНТИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

I. ЭСПЕР-

эспербиблиотека: приобрести эспер-библиотеку (-библиотеку) (МЯ, 1929, 4-5, 264).

эспердвижение: В нашем "Эсперанто-бюллетене" мы отражали все памятные годовщины, увязывая с ними всегда наше эспердвижение (МЯ, 1929, 6, 344); В этот ответственный момент

для эспердвигения (МЯ, 1929, 4-5, 263); Вся ивановская общественность на стороне эспердвигения (МЯ, 1930, 4-5, 258); За организованное Эспердвигение! (название статьи; там же, с. 234); Послеоктябрьское развитие эспердвигения в корне отлично от дореволюционного движения и создало новую основу учения о ВМЯ (МЯ, 1930, 6, 289); Развитие эспердвигения в СССР (название статьи; МЯ, 1931, I, 12); срав. также: эсперанто-движение.

эспердни, мн.ч.: Уже владеющие эсперанто имели хорошую возможность практиковаться в языке на собраниях (эсперднях) и в клубе связи (МЯ, 1929, 3, 164); срав. также: эсперанто-дни.

эсперкнига: так, наша волбиблиотека выписала также несколько эспер-книг (МЯ, 1929, 4-5, 264).

эсперкор: Эсперкор "послевоенный выделки" является плоть от плоти и костью от кости рекламой (МЯ, 1929, 2, 83); Из практики работы одного заграничного эсперкора (название заметки; МЯ, 1929, I, 30); В 1930 году в редакции стало 9 постоянных эсперкоров; Наши эсперкоры поместили в эсперантской печати 8 статей (МЯ, 1930, 6, 308 и 310).

эсперкоровский: эти условия очень часто если не помогают эсперкоровской деятельности, то и не мешают ей (МЯ, 1929, I, 30); эсперкоровские материалы (МЯ, 1929, 2, 112); Очередные задачи эсперкоровского движения (название статьи; МЯ, 1929, 6, 326); К настоящему времени газета расширила эсперкоровские связи (МЯ, 1930, 4-5, 248).

эсперкорство: "Наша газета" ... приглашает эсперантистов для организации международного эсперкорства (МЯ, 1929, I, 41); взять хотя бы эсперкорство газеты "Безбожник" (МЯ, 1930, 4-5, 250).

эсперкружок: Год работы сельского эспер-кружка (название статьи; МЯ, 1929, I, 38); Она /ячейка/ организовалась из эсперкружка (МЯ, 1929, 4-5, 263); Недостаточное количество дней и часов, уделенных эсперкружку регламентом школы, тоже влияло на ход занятий (МЯ, 1930, 4-5, 263); срав. также: эсперанто-кружок.

эсперорганизация: Из опыта построения сельской эсперорганизации (название статьи; МЯ, 1929, 4-5, 263); подлежащий обслуживанию со стороны эспер-организаций (МЯ, 1929, I, 41); наши эсперорганизации добровольные (МЯ, 1929, 3, 168); срав. также: эсперанто-организация.

эсперработа: Он... почему-то ни одним словом не обмо-

вился об эспер-работе (МЯ, 1929, I, 40); полное развертывание эспер-работы; вовлечение большинства членов в активную эсперработу (МЯ, 1929, 4-5, 265, 202); Можно полагать, что эспер-работа в Томске вновь оживет и окрепнет (МЯ, 1929, 6, 343); эсперрбота; Таково положение дел при возможности передачи эсперработы МОПР-у (МЯ, 1930, 4-5, 234); Весь путь развития эсперработы можно охарактеризовать, как путь от случайности - к организованности (МЯ, 1930, 4-5, 250); срав. также: эсперанто-работа.

эсперрадио (-концерт): к постановке советскими эсперантистами 15 декабря с.г. эспер-радио-концерта (МЯ, 1929, 2, 91); срав. также эсперанто-радио.

эсперуголок: если бы кто-то ... обратил внимание на наш эсперуголок (МЯ, 1929, 4-5, 263); срав, также: эсперанто-уголок.

эспер'ячейка: обратить серьезное внимание на социальный состав кружков и эспер-ячеек (МЯ, 1929, 4-5, 282); срав. также: эсперанто-ячейка.

II. ЭСПЕРАНТ-

эсперантизация: эсперантизация школы (МЯ, 1930, 4-5, 221); стало известно об "эсперантизации" англичанина Скотта... (МЯ, 1929, 2, 73).

эсперантизированный: проповедь эсперантизированного идеализма (МЯ, 1931, I, 13).

эсперантизировать: А если бы эсперантизировали административным порядком, то это было бы навязывание (МЯ, 1931, I, 20).

эсперантизм: До низвержения царизма в 1917 году эсперантизм находился под подозрением у царского правительства; Эта новая идея оказалась вполне приемлемой для всех сторонников прежнего "эсперантизма"; Они не увлекались какой-либо особой "внутренней идеей эсперантизма" (МЯ, 1930, 4-5, 213, 212, 209).

эсперанто, м. и ср. р.*: мы должны привлечь специалистов-языковедов к исследовательской работе над существующим, "живым" эсперанто (МЯ, 1928, 5-6; 135); Поэтому претендовать на то, что уже теперь эсперанто в своих сегодняшних формах есть будущий всеобщий язык - это не умно... (МЯ, 1931, I,

* В настоящее время родовые колебания устранены: слово "эсперанто" употребляется в мужском роде.

14); постоянно обогащаясь и развиваясь, впитывая элементы национальных языков, язык эсперанто таким образом будет делаться постепенно международным языком (там же, с. 16); реформированное эсперанто (МЯ, 1930, 6, 303); Уже нельзя закрывать глаза на то, что эсперанто сделалось у нас языком рабочей международной связи (МЯ, 1930, 4-5, 217).

эсперантский: Рабочее эсперантское движение имеет своей основной задачей практическую связь между рабочими всех стран (МЯ, 1929, 6, 328); советское эсперантское движение (МЯ, 1929, 4-5, 194); рабочее эсперантское движение; эсперантская служба, эсперантская работа, эсперантский орган; эсперантский кружок, эсперантская ячейка (МЯ, 1929, 2, 107, 118-119, 120); освободиться от чисто эсперантских настроений; эсперантский поэт, эсперантская грамматика, эсперантские звездочки (МЯ, 1929, 3, 129, 184-185); "Эсперантский пуризм" - предпочтение эсперантских словопроизводных форм интернациональным; эсперантский литературный стиль, эсперантские стилисты; в живой эсперантской речи (МЯ, 1930, 4-5, 208, 223, 272); эсперантские корреспонденты дали материал по 11 странам (МЯ, 1930, 6, 308).

III. ЭСПЕРАНТИСТ-

эсперантист-активист: Необходимо, чтобы все члены лингвистического комитета и все эсперантисты-активисты обсуждали его... (МЯ, 1929, 4-5, 218); Просто приходится удивляться, куда делся тот или иной эсперантист-активист (МЯ, 1930, 6, 315).

эсперантист-батрак/батрак-эсперантист: подчинить батрака-эсперантиста своему влиянию (МЯ, 1929, 2, 106).

эсперантист-безбожник/безбожник-эсперантист: организовать при областном совете СБ /Союза безбожников/ секцию эсперантистов-безбожников; Центральное бюро безбожников-эсперантистов (МЯ, 1929, 3, 175, 177); на призыв отозвались не все безбожники-эсперантисты (МЯ, 1929, 1, 42); Сведения о деятельности эсперантистов-безбожников на местах довольно бедны; 1930 год - это фактически второй год практической работы Центрального бюро безбожников-эсперантистов (МЯ, 1930, 6, 307).

эсперантист-врач/врач-эсперантист: секция врачей-эсперантистов (МЯ, 1929, 6, 353).

эсперантист-железнодорожник/железнодорожник-эсперантист:

эсперантисты-железнодорожники (МЯ, 1929, 2, 117); Самарские железнодорожники-эсперантисты развернули большую работу (МЯ, 1929, 4-5, 276).

эсперантист-интеллигент: Поэтому эсперантисты-интеллигенты начали организовывать рабочие эсперанто-кружки (МЯ, 1930, 209).

эсперантист-красноармеец: Об этом говорит опыт эсперантистов-красноармейцев Смоленская... (МЯ, 1929, 1, 21).

эсперантист-любитель/любитель-эсперантист: мы видим, как любитель-эсперантист превратился в организатора международной рабкоровской связи (МЯ, 1929, 2, 103).

эсперантист-медик (медработник)/медик (медработник)-эсперантист: работы эсперантистов-медиков (МЯ, 1935, 1, 28); Медработники-эсперантисты должны приложить все свои силы для того, чтобы преодолеть косность и рутину... (МЯ, 1930, 4-5, 240).

эсперантист-общественник: Какова должна быть система подготовки эсперантиста-общественника? (МЯ, 1930, 4-5, 265).

эсперантист-одиночка: В ячейку входят члены СЭСР и эсперантисты-одиночки (МЯ, 1929, 4-5, 263); Вопрос об эсперантистах-одиночках (название статьи; МЯ, 1929, 6, 337).

эсперантист-переводчик: эсперантисты-переводчики (МЯ, 1929, 4-5, 226).

эсперантист-передовик: для эсперантиста-передовика будет дан словарь (МЯ, 1929, 4-5, 219).

эсперантист-пионер/пионер-эсперантист: в гостях у киевских пионеров-эсперантистов (МЯ, 1929, 6, 359).

эсперантист-пролетарий: советские эсперантисты и заграничные эсперантисты-пролетарии (МЯ, 1931, 1, 18).

эсперантист-рабкор/рабкор-эсперантист: активное участие рабкоров-эсперантистов (МЯ, 1929, 1, 58); Все материалы по международной связи получались через рабкоров-эсперантистов (МЯ, 1929, 4-5, 280).

эсперантист-рабочий/рабочий-эсперантист: Эти передачи особенно тепло принимаются эсперантистами-рабочими; Из его группы вышли первые рабочие-эсперантисты; комитету удалось организовать 6 кружков эсперанто из эсперантистов-рабочих (МЯ, 1929, 2, 91, 105, 107); Словарь должен быть приспособлен к потребностям рабочего-эсперантиста (МЯ, 1929, 4-5, 220); рабочий-эсперантист; Рабочие-эсперантисты были в это время еще немногочисленны, но и они представляли уже организованную силу (МЯ, 1930, 4-5, 175, 209).

эсперантист-радиот: Из практики эсперантистов-радиот (заметка; МЯ, 1929, 6, 343).

эсперантист-революционер: эсперантисты-революционеры (МЯ, 1929, 3, 129).

эсперантист-религиозник: Связаться с эсперантистами-религиозниками мне не пришлось (МЯ, 1929, 6, 351).

эсперантист-рядовик: словарь не должен быть увеличен свыше 10 000 слов, дабы не лишить эсперантистов-рядовиков общедоступного массового словаря (МЯ, 1929, 4-5, 210).

эсперантист-связист: По инициативе отдельных эсперантистов-связистов было организовано окружное бюро эсперантистов связи (МЯ, 1929, 6, 341).

эсперантист-сотрудник/сотрудник-эсперантист: пользоваться корреспонденцией, полученной сотрудником-эсперантистом (МЯ, 1929, 1, 21).

эсперантист-теоретик: Наши эсперантисты-теоретики обязаны подвергнуть критической оценке теории в области лингвистики (МЯ, 1930, 6, 272).

эсперантист-фармацевт/фармацевт-эсперантист: фармацевты-эсперантисты (МЯ, 1935, 1, 28).

эсперантист-химик/химик-эсперантист: химики-эсперантисты (МЯ, 1935, 1, 28).

IV. ЭСПЕРАНТО-

эсперанто-академия: Мы поддерживаем научную связь с эсперанто-академией (МЯ, 1930, 1, 21); Мы участвуем в научной работе Эсперанто-Академии (МЯ, 1930, 6, 272).

эсперанто-атмосфера: Мы никак не можем примириться с тем, чтобы эсперанто-атмосфера чувствовалась только на уровне урока, на занятиях (МЯ, 1930, 4-5, 265).

эсперанто-бюллетень: В нашем "Эсперанто-бюллетене" мы отражали все памятные годовщины, увязывая с ними всегда наше эсперандвижение (МЯ, 1929, 6, 394).

эсперанто-выставка: Уголок эсперанто-выставки в Томске; Эсперанто-выставка, устроенная в мае месяце, выявила следующие достижения в эсперанто-работе ОБЭС... (МЯ, 1929, 6, 342).

эсперанто-газета: По общему мнению, эсперанто-газеты были лучшими; эсперанто-газета (МЯ, 1935, 1, 24).

эсперанто-группа: руководители рабочих эсперанто-групп (МЯ, 1930, 4-5, 264); медицинская эсперанто-группа (МЯ, 1929, 3, 180),

эсперанто-движение: развитие эсперанто-движения; обособление рабочего эсперанто-движения от нейтрального эсперантизма; В настоящее время мы, по существу, присутствуем при постепенном угасании всего нейтрального эсперанто-движения (МЯ, 1929, 4-5, 209, 270, 195); Наша тактика развертывания эсперанто-движения снизу остается правильной (МЯ, 1930, 6, 307); срав. также: эспердвижение.

эсперанто-дни мн.ч.: Были по рекомендации МК ЭЭСР организованы "эсперанто-дни", которые дали известные результаты... Эти эсперанто-дни должны найти себе место в будущей работе ячейки (МЯ, 1929, 3, 161); ближайшие эсперанто-дни посвятить специальным докладам (МЯ, 1930, 4-5, 247); срав. также: эспердни.

эсперанто-жетон: Здесь не учтены такие предметы, как эсперанто-жетоны (МЯ, 1929, 3, 162).

эсперанто-журнал: международный рабочий эсперанто-журнал (МЯ, 1929, 4-5, 224).

эсперанто-знания, мн.ч.: улучшение эсперанто-знаний (МЯ, 1929, 3, 167).

эсперанто-издание: Увеличивается количество пролетарских эсперанто-изданий (МЯ, 1929, 4-5, 196).

эсперанто-информация: передача эсперанто-информации еженедельно (МЯ, 1929, 6, 343).

эсперанто-конгресс: В 1906 году во время женеvского Эсперанто-Конгресса состоялось первое международное собрание "красных эсперантистов" (МЯ, 1930, 4-5, 209); эсперанто-конгрессы (МЯ, 1929, 4-5, 274).

эсперанто-консультации: ВУСПС ... указал на необходимость создания при окрпрофсоветах эсперанто-консультаций (МЯ, 1929, 1, 20); отсутствие своего помещения у эсперанто-консультации (МЯ, 1929, 6, 341).

эсперанто-концерт: участие в массовой работе (эсперанто-концерты, спектакли и проч.) является работой вне программы (МЯ, 1929, 4-5, 273).

эсперанто-кружок: руководство эсперанто-кружков (МЯ, 1929, 6, 341); 5-6 занятий эсперанто-кружка (МЯ, 1935, 1, 18); срав. также: эсперкружок.

эсперанто-курсы, мн.ч.: Конференция призывает все рабочие организации к созданию эсперанто-курсов (МЯ, 1929, 3, 178); государственные эсперанто-курсы (МЯ, 1929, 6, 340).

эсперанто-литература: Библиотека техникума пополнилась недавно небольшим количеством эсперанто-литературы (МЯ, 1929,

3, 165); эсперанто-литература (МЯ, 1929, I, III); Продажа эсперанто-литературы проводится двумя книжными магазинами (МЯ, 1929, 6, 340); срав. также: эсперлитература.

эсперанто-лото: эсперанто-лото (МЯ, 1935, I, 20).

эсперанто-музей: международный эсперанто-музей (МЯ, 1929, 4-5, 284).

эсперанто-объединение: К началу первой мировой войны наряду с профессиональными эсперанто-объединениями ... существовали общенациональные союзы рабочих-эсперантистов (МЯ, 1930, 4-5, 209).

эсперанто-организация: постановление об эсперанто-организациях (МЯ, 1929, I, 54); Все живые силы, творящие язык и содействующие его развитию и обогащению, постепенно уходят от нейтральных эсперанто-организаций (МЯ, 1929, 4-5, 195); срав. также: эсперорганизация.

эсперанто-передача: Эсперанто-передачи раз в неделю нас не удовлетворяют (МЯ, 1929, 6, 344); слышны эсперанто-передачи (МЯ, 1935, 16, 29).

эсперанто-преподаватель: Организация повышенных заочных курсов - это одна задача и подготовка эсперанто-преподавателей - это вторая (МЯ, 1929, 4-5, 271).

эсперанто-пресса: отзывы советской и международной эсперанто-прессы (МЯ, 1929, 3, 167).

эсперанто-работа: Такое совещание было связано в июне текущего года; оно подытожило всю эсперанто-работу (МЯ, 1929, 6, 339); срав. также: эсперработа.

эсперанто-радио: для слушания эсперанто-радио никаких преград не существует (МЯ, 1929, 2, 93); срав. также: эсперрадио.

эсперанто-связь: ... газета "Беднота", путем эсперанто-связи получавшая материалы по вопросам борьбы с хлебными вредителями (МЯ, 1929, I, 21).

эсперанто-сектор: создание эсперанто-секторов (МЯ, 1930, 4-5, 251); В 7 советах различного масштаба мы имели уже созданные эсперанто-сектора (МЯ, 1930, 6, 309).

эсперанто-секция: ознакомиться с работой эсперанто-секции (МЯ, 1929, I, 35).

эсперанто-служба: вступление эсперанто-службы у безбожников на втором этапе (МЯ, 1930, 6, 307).

эсперанто-союз: венгерский рабочий эсперанто-союз (МЯ, 1930, 4-5, 213); рабочий эсперанто-союз успешно реализовал среди своих членов 20-тысячный тираж советских учебных изда-

ний (МЯ, 1929, 4-5, 196).

эсперанто-текст: в программе чтение эсперанто-текстов (МЯ, 1930, 4-5, 265).

эсперанто-уголок: Все оформление эсперанто-уголка состояло из витрины с литературой...; дни работы эсперанто-уголка (МЯ, 1930, 4-5, 260, 261); срав. также: эсперуголок.

эсперанто-час: Эсперанто-час устраивается в конце каждой четверти всего курса; Под практическим эсперанто-часом следует разуметь подведение итога той штудировки языка, которая до сего момента протекала; Эсперанто-час. "Эсперантина" по всему курсу (МЯ, 1929, 4-5, 273, 275).

эсперанто-ячейка: Все бригады в количестве 15 комсомольцев по вызову эсперанто-ячейки женотдела вступили в члены СЭСР (МЯ, 1929, 6, 332); срав. также: эспер'ячейка.

LINGVOSOCIOKULTURA MOVADO KAJ LINGVO

(Pri esperantismoj en rusa lingvo)

Aleksandr D. Duliĉenko

La aŭtoro provas difini la fenomenon lingvosociokultura movado - LSKM, al kiu li alskribas ankaŭ movadojn por internacia lingvo (IL). La movadoj por la IL estiĝas en la XIX jc. (por Volapük, por Esperanto) kaj disvastiĝas en la XX jc. (por Latino sine flexione, Ido, Occidental-Interlingue, Novial, Interlingua ktp.). Sed nur la movado por Esperanto en la XX jc. kaj precipe hodiaŭ estas la plej fortega el ĉiuj. Idea "standardo" por ĉiu LSKM estas ĝia lingvo, dum celo estas supero de la lingvobaroj kaj alproksimigo de la popoloj per ĝi. La LSKM interagadas kun la gepatra lingvo de siaj partoprenantoj. Aperas la problemo de influo de la IL al la gepatra lingvo. Elementojn de tiu influo la aŭtoro nomas "esperantismoj". En la 20-30 jaroj en Soveta Unio sukcese disvastiĝas la revolucia proleta Esperanto-movado. En parolo de la rusaj esperantistoj kaj en tekstoj de la ruslingva esperantista gazetaro aktive uziĝas diversaj esperantismoj, kiuj por la lingvistiko kaj leksikologio precipe devas havi apartan valoron. La esperantismoj estas elektitaj el la revuo "Международный язык" por 1922-1936. Ĉiuj esperantismoj estas generitaj de unu vorto - de la nomo de la lingvo "Esperanto" per derivado: 1) sufiksa (эсперантский, эсперантист, -ский, эсперантизированный); 2) prefiksa (обще, внутри- k.a. + -эсперантский, по-эсперантски k.a.), 3) bazita sur kunmetado de vortoj (эсперанто=служба kaj эсперслужба, эсперантист-активист kaj активист-эсперантист kaj 4) vortaj mallongigoj per diversaj manieroj (literaj: СЭСР "Союз эсперантистов советских республик"; segmentaj - "silabaj": эсперкор "эсперантский корреспондент"; segmentaj-vortaj: Учэсперобюро "Учебное эсперантское бюро"; rektaj prunteprenoj el Esperanto). Al la nomitaj derivadaj tipoj de la esperantismoj estas necese ankaŭ aligi sintaksajn esprimojn kiel эсперантская речь, революционный эсперантизм ktp. La plejmulte de la esperantismoj de la 20-30 jaroj estas funkciaj ankaŭ hodiaŭ.

Al la artikolo estas aldonita "Vortaro de la esperantismoj en rusa lingvo" - entute 83 vortoj distribuitaj laŭ radikaloj эспер-, эсперант-, эсперанто-, эсперантист-kaj ilustritaj per ekzemploj de la uzado.

МЕСТО АПОСТЕРИОРНЫХ ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В. А. Корнилов

Среди различных интерпретаций термина "интерлингвистика" весьма симптоматичной является концепция М. Вандрушки (интерлингвистика как "новое сравнительное языкознание", как сопоставление разносистемных и неблизкородственных языков). Эта концепция справедливо критикуется как совершенно неприемлемая в статье А. Д. Дуличенко [8, 70-71]. А симптоматична концепция М. Вандрушки в том смысле, что сам факт ее существования убеждает в своевременности, в необходимости как более четкого отмежевания интерлингвистики в традиционном смысле слова от различных направлений сопоставительного языкознания, так и внимательного рассмотрения точек соприкосновения интерлингвистических исследований лингвопроектов и языков, предназначенных для международного общения, с сопоставительными исследованиями этнических языков. Иными словами, речь идет о замене тезиса "интерлингвистика как новое сравнительное языкознание" проблемой "интерлингвистика и сопоставительное языкознание".

О сопоставительном языкознании написано в последние годы очень много, и трактуются различные его направления далеко не единообразно. Наиболее адекватным сути дела представляется рассмотрение сопоставительного языкознания как совокупности пяти следующих направлений: 1) сравнительно-историческое языкознание; 2) ареальная лингвистика; 3) лингвистическая типология; 4) лингвистика перевода; 5) сравнительно-сопоставительная (конфронтационная) лингвистика [1]. Эти направления различаются характером и задачами исследования, объектами, единицами эквивалентности, эталонами сравнения и т. д. Однако все они противостоят интерлингвистике, будучи традиционно ориентированными на этнические языки как данности (как системы или тексты) без учета их места на международной арене. Интерлингвистика по своей сути призвана заниматься международными языками и/или лингвопроектами. Однако, по-видимому, все указанные пять направлений могут быть пред-

ставлены и в интерлингвистике. Особенный интерес представляет собой область исследований, пограничная между собственно сопоставительным языкознанием и интерлингвистикой, охватывающая сопоставление этнических языков и интерлингвистических объектов как равноправных вариантов общечеловеческого языка.

Постоянное расширение круга объектов, изучаемых языковедами, — одна из характерных черт современного состояния мировой лингвистики. Непрерывно расширяется круг живых этнических языков и их территориальных и социальных диалектов, попадающих в поле зрения лингвистики; большее внимание стало уделяться полинациональным языкам (английскому, французскому, испанскому, португальскому, немецкому и др.) и их региональным вариантам, языкам межнационального общения (и прежде всего русскому языку); наряду с "нормальными" литературными языками рассмотрению подвергаются "литературные микроязыки"; предметом все более серьезного изучения становятся пиджины и креолизированные языки. Представляется необходимым включение в круг постоянных объектов лингвистического изучения таких результатов языковой деятельности человечества, как апостериорные искусственные вспомогательные международные языки (ИВМЯ) в форме многочисленных лингвопроектов и немногих ограниченно функционирующих (эсперанто, интерлингва, идо) или функционировавших (волапук, окциденталь-интерлингве, новиаль, нео и некоторые другие) на их основе языков или "почти языков".

В данной статье представлены лишь два фрагментарных очерка (из выполненных автором пяти) о месте апостериорных языков в ареальной лингвистике и в лингвистической типологии. Это вовсе не означает, что остальные три типа сопоставительного языкознания менее важны для интерлингвистики. Применительно к большинству апостериорных лингвопроектов вполне оправдывают себя некоторые методы сравнительно-исторического языкознания (впрочем, это положение нуждается в дополнительной серьезной аргументации ввиду своей неочевидности). Лингвистика перевода чрезвычайно важна для современной эсперантологии как в плане осмысления практики перевода, так и для решения многих теоретических задач. Еще более важное значение для адекватного описания лингвопроектов, достигших уровня хотя бы ограниченно функционирующего языка,

для их преподавания имеет сравнительно-сопоставительная лингвистика.*

I. Ареальная лингвистика и язык эсперанто

"Ареальное языкознание сопоставляет языки независимо от степени их родства с целью определения в них общих элементов, образовавшихся в результате взаимного влияния самих языков и стоящих за ними культур или воздействия на них третьих языков" [4, 6-7 ; срав. также: 5, 37].

Ареально-лингвистические исследования актуальны и для функционирующих ИВМЯ. Так, в частности, чрезвычайно важным представляется изучение национально-эсперантского двуязычия (индивидуального и коллективного), национально-эсперантской интерференции, влияния родных языков на фонетические, лексические, грамматические особенности устной и письменной речи на эсперанто (или на другом апостериорном языке).

С первых международных конгрессов эсперантистов обнаружилось достаточно четкие тенденции фонетической интерференции родных языков и эсперанто: особенности фонетического строя родного языка отчетливо сказывались в разговоре на эсперанто. Как пишет Э.Прива, "dum la Bulonja kongreso estis ankoraŭ tre rimarkeblaj kelkaj naciaj "manieroj" en la elparolo. Multaj Francoj volonte akcentis la lastajn silabojn, Germanoj diris b por p, aŭ zet por sed, Slavoj moligis ĉiujn n kiel nj⁺, Angloj longigis vokalojn ĝis duobligo ou por o, ej por e. Tamen la kompreno estis perfekta. Post dudek jaroj tiuj diferencoj multe malkreskis" [27, II, 195].

Из многочисленных публикаций, в которых затрагиваются вопросы фонетической интерференции в речи разноязычных эсперантистов, отметим работу Е.А. Бокарева [17], где особо выделяется интерференция фонологическая. Е.А. Бокарев обратил внимание на наиболее серьезные - фонематические ошибки в произношении, характерные для представителей различных наций: русские в безударных позициях склонны смешивать o и a - отсюда смешение слов komrago - kamrago, ofero - afero, bono - bona, venos - venas и т.д.; e и i - letero - litero; g

* В работах Д. Бланке [16] сформулированы важнейшие задачи, стоящие перед конфронтационной лингвистикой применительно к языку эсперанто.

⁺ По-видимому, речь идет о смягчении п перед гласными переднего ряда i и e.

и h - galo - halo, gardi - hardi и т.д.; китайцы и японцы смешивают r и l: rado - lado, rano - lano, revi - levi и т.д.; у англичан r иногда выпадает - verki - veki, surda - suda, karto - kato и т.д.; у немцев, датчан и эстонцев можно наблюдать смешение звонких и глухих согласных - brava - prava, baki - paki, vino - fino и т.д.; у скандинавских эсперантистов встречается смешение c - ĉ, s - ŝ, ĝ - z - placo - plaĉo, muso - muŝo, ruĝa - ruza и т.д.; у французов, итальянцев и некоторых других иногда не произносится h, откуда смешиваются пары слов horo - oro, havo - avo [17].

Значительно менее существенной является интерференция на уровне аллофонов. Поэтому, вопреки К.Калочар [24], неправильной и бессмысленной (*malgrava kaj sen-signifa*) считает Е.А. Бокарев так называемую "проблему широты (точнее открытости/закрытости) и долготы гласных" [17].

В письменной речи регулярно проявляется синтаксическая интерференция. Рецензенты, анализируя язык новинок на эсперанто, упрекают их авторов в синтаксических галлицизмах, английских, германских. Время от времени на страницах эсперантистской прессы вновь начинает довольно остро дебатироваться вопрос о славизмах в синтаксисе эсперанто. Разумеется, не каждый подобный упрек оправдан: иногда он как раз свидетельствует о национально-эсперантской интерференции у того, кто упрекает. Об этом напоминает известная англоязычная эсперантистка М.Боултон, автор более двух десятков книг: *"Nescianto ofte akuzas francon pri "francismo", hungaron pri "hungarismo", kiam la frazo estas tute internacia"* [18, № 4, 13]

Из-за национально-эсперантской интерференции возникает различного рода ошибки в словоупотреблении. Для апостериорных языков в еще большей степени, чем для этнических, справедлива мысль: "Как и всякий живой противоречивый процесс, противоречие между тенденцией к общему, интернациональному, общечеловеческому и тенденцией к особому, этническому находит каждый раз свое конкретно-историческое решение" [12, 78]. Словоупотребление родного языка может спровоцировать ошибочное калькирование слова или устойчивого идиоматического оборота. Воспользуемся несколькими словами из известного текста, приводимого Л.Заменгофом для иллюстрации типичных "славянских" ошибок в словоупотреблении: доложить - *alkuŝigi* (вместо *raporti*), в настоящее время - *en efektiva tempo* (вместо *en nuna tempo*), домой - *al domo* (вместо *hejmen*) и

т.д. [29]. Составители "Полного иллюстрированного словаря" (PIV)[26] обнаруживают ошибки в словоупотреблении у самого Заменгофа. В словарной статье "bronzo" они дают примечание: "Поскольку еврейский язык имеет лишь одно слово для бронзы и меди, З. использует kurgo вместо bronzo не только в библии, но также и в других произведениях". В словарной статье amбай примечание 1 гласит: "З. неоднократно использовал амбай в значении простого "du"...

Случаи не рекомендуемого авторами PIV словоупотребления Л. Заменгофа, вызванные влиянием одного из языков, которым он владел, крайне немногочисленны, но они подчеркивают сложность и важность учета межъязыковой интерференции и необходимость глубокого изучения ее на материале ИВМЯ.

Ошибка в словоупотреблении может быть вызвана подстановкой слова родного языка вместо эсперантского. М. Боултон приводит пример того, как английский начинающий эсперантист, желая упомянуть жабу (bufo) под влиянием англ. toad употребил слово todo [18, № 4, с. 12]. На одной из встреч советских эсперантистов оратор преспокойно использовал слово kal-ko, полагая, что соответствующий лингвистический термин в эсперанто совпадает с русским "калька", в то время как kalko - это "известь", а русское слово "калька" на эсперанто переводится pauvafo. Самыми серьезными ошибками такого рода М. Боултон считает употребление хорошего эсперантского слова - интернационализма, но с оттенком значения, характерного не для эсперанто, а для родного языка. Она призывает не забывать, что "корреспондент может отыскать слово в словаре, но не может мысленно сделать обратный перевод нашего эсперанто на наш национальный язык, чтобы понять, что мы намеревались написать" [18, № 4, с. 12].

Научное изучение подобного индивидуального национально-эсперантского двуязычия имеет большое значение как для совершенствования методики преподавания эсперанто представителям соответствующей национальности, так и для общей методики преподавания иностранных языков. Очень важно было бы сравнить, например, характерные ошибки интерференционного характера при изучении русскими языка эсперанто и английского, а также такого рода ошибки при изучении англичанами эсперанто и русского языка. Полученные данные, соответствующим образом собранные и описанные, сослужили бы большую службу для лингводидактики иностранных языков, так как интерферен-

ционные ошибки представителей определенной этнической группы в более простом, чем этнические языки, ИВМЯ могут явиться основой для углубленного анализа таких ошибок в иностранных этнических языках. Поэтому представляется оправданным призыв А. Доусона серьезно изучать особенности использования языка эсперанто носителями конкретного этнического языка [19], хотя использование им в этих целях термина "диалект", естественно, вызывает серьезные возражения. Сам А. Доусон изучает особенности эсперанто в устах русских. Было бы целесообразно перепроверить результаты его исследований на более широком и более конгениальном материале.

Явления национально-эсперантской интерференции, рассматриваемые синхронно, относятся, по терминологии У. Вайнрайха, к "микроскопическому" подходу, которому "может быть противопоставлено 'макроскопическое' исследование результатов воздействия одного языка на другой" [2, 32].

Наиболее существенное влияние на систему лингвопроекта этнические языки оказывают в период его создания. Здесь необходимо различать языки, сознательно положенные автором лингвопроекта в его основу, и языки, бессознательно повлиявшие на создание лингвопроекта в силу знакомства с ними его автора.

Довольно много работ посвящено исследованию вклада германских языков в эсперанто. В работе [24], где дается беглый обзор таких работ, подчеркивается роль не столько немецкого и английского языков, сколько языка идиш в становлении "германского компонента" эсперанто (см. также [20]). Здесь же высказывается интересная гипотеза о роли волапюка в выборе ряда германских морфем для первичного словаря эсперанто. Очень любопытны замечания М. Арнольда о трудностях разграничения эсперантских слов немецкого и английского происхождения [15]. В последнее время изучается также вклад русского языка в эсперанто [9, 74-108].

В 1980 г. в Иллинойском университете (США) состоялся специальный симпозиум на тему "Влияние родного языка на эсперанто", где рассматривался как "микроскопический" аспект проблемы (на материале немецкого, венгерского, китайского и японского языков), так и "макроскопический" (один из докладов назывался "Заменгофские германизмы"). Совершенно необходимо "макроскопическое" исследование влияния отдельных этнических языков в ходе эволюции эсперанто (анализ путей вхождения в эсперанто неологизмов, архаизации одних лексем

и вытеснения их неологизмами, тенденций к проникновению других лингвистических явлений из этнических языков и т.д.).

При анализе различных лингвопроектов в аспекте ареальной лингвистики важно не забывать о взаимовлиянии различных ИВМЯ (эсперанто не только повлиял на идо, но и в некоторых моментах своей эволюции испытал определенное его влияние; многочисленные "эсперантоиды" невозможно понять без учета влияния на них эсперанто, идо и - в меньшей мере - друг на друга).

Перспективным для исследователей двуязычия (многоязычия) представляется изучение речевой деятельности тех интерлингвистов, которые в своей практике использовали (используют) для переписки несколько ИВМЯ (было бы интересно, например, сопоставить тексты, написанные А.Кофманом на эсперанто, идо и окцидентале или О.Есперсеном - на эсперанто, идо и двух различных вариантах его новиаля; ждут своего исследователя многочисленные лингвопроекты П.Стояна и созданные им образцы текстов на них и т.д.). Близость большинства современных лингвопроектов друг с другом делает их своеобразными вариантами некоего общего интерлингвистического инварианта. Разумеется, в подобных исследованиях не следует забывать, что многоязычие в сфере ИВМЯ никогда не выступает в чистом виде, а является лишь частью многоязычия, включающего этнические языки.

2. Лингвистическая типология. Некоторые параллели искусственных и этнических языков

Для лингвистической типологии любой конкретный язык является вариантом человеческого языка в целом, выступающего в качестве инварианта для многих тысяч языков и диалектов мира*.

При последовательном, принципиальном проведении указанного подхода не может вызывать сомнений правомерность типологического рассмотрения и таких специфических лингвистических объектов, каковыми являются искусственные языки. К сожалению, в исследованиях по лингвистической типологии они еще не заняли достойного их места.

Лингвистическая типология - дисциплина многоаспектная.

* Общее число лингвонимов в словнике словаря "Языки и диалекты мира" - около 30 000 [14, 11]; впрочем, "почти 50% употребляемых в лингвистике лингвонимов представляют собой дублиеты" [14, 4].

"Типологические исследования различаются в зависимости от 1) числа привлекаемых языков; 2) объема рассматриваемого материала; 3) целей исследования; 4) характера обнаруженных расхождений; 5) уровня анализа; 6) направления исследования" [4, 11]. В соответствии с этим выделяются: 1) универсальная и специальная типология; 2) типология общая и частная; 3) классификационная и характерологическая; 4) качественная и количественная; 5) структурная и функциональная; 6) семасиологическая и ономазиологическая.

В рамках статьи невозможно детально раскрыть место апостериорных языков в каждом из видов лингвистической типологии. Поэтому лишь фрагментарно остановимся на некоторых сторонах проблемы.

Для универсальной типологии, связанной с проблемой "гипотетического, абстрактного языка-эталона", апостериорные языки представляют частный интерес, поскольку каждый из них содержит универсалии общечеловеческого языка и некоторые грамматические категории (как правило, набор грамматических категорий в апостериорном языке беднее, чем в этническом).

В специальной типологии, когда сравнивается ограниченное количество языков (минимум — два), в качестве исходного члена сравнения может быть избран один из сопоставляемых языков. Особую важность для интерлингвистики (да и для лингвистической типологии) приобретают такие исследования, в которых за основу принимается апостериорный язык. Если исследование носит характер частного сравнительно-типологического исследования, за основу удобно принимать тот язык, где исследуемые элементы языковой структуры представлены более развернуто.

Так, при сопоставительном изучении глагольных категорий в качестве исходного небезынтересно было бы принять волапук с его усложненной системой внутриглагольных противопоставлений.

Рассматривая, например, категории лица и числа в глаголе настоящего времени, мы можем взять систему форм волапукского глагола* *penön; penob, penol, penog, penom, penof, penon, pe-*

* Система форм глагола в данном случае дается не для классического волапука, а для его варианта, пропагандировавшегося в XX в. А. де Йонгом. При изложении других фактов из языка волапук использован в основном материал, содержащийся в [10].

поу, penobs, penols, penors, penoms, penofs, penons, penoys, penov и констатировать, что на уровне непосредственно глагольной словоформы этим 15 формам соответствует одна единственная эсперантская форма: *skribas*, две английских формы: *write, writes*, шесть русских форм: пишу, пишешь, пишет, пишем, пишете, пишут и т.д. Продолжая сопоставление далее, мы должны будем отметить, что в отличие от волапюка, в английском и эсперанто глагольная форма обязательно должна сопровождаться соответствующим местоимением, а в русском употребление местоимений 1 и 2 л. при глаголе настоящего времени факультативно (хотя в то же время достаточно употребительно, в противоположность, например, чешскому, польскому и другим славянским языкам).

Далее мы должны указать, что категории лица и числа выражаются в волапюкском глаголе независимо друг от друга (в форме *penobs -ob-* указывает на первое лицо, а *-s-* на множественное число), благодаря чему глагольная система волапюка противопоставляется глагольным системам флективных языков и сближается с таковыми в агглютинативных языках*.

Анализируя состав 7 личных форм волапюкского глагола, мы заметим, что в 3 л. противопоставлены категории лица-нелица, а внутри категории лица субъекты глагольного действия противопоставлены по полу: *penon* соответствует эспер. *ĝi skribas*, *penom - li skribas*, *penof - ŝi skribas*; что во 2 л. существует особая форма вежливости: *penog* соответствует русскому "Вы пишете" (применительно к одному лицу), а *penogs* - та же форма вежливости по отношению к нескольким лицам; что в ряду значений лица глагола особое место занимает неопределенное лицо: *penou* соответствует эспер. *oni skribas*, англ. *they write*, рус. "пишут" (в неопределенно-личном значении).

Аффиксы, обозначающие инфинитив (*-ön*) и причастие (*-öl*), занимают в волапюкском глаголе ту же позицию, что и суффиксы лица (*penön* писать, *löfön* любить, *pezöl* пишущий, *löfölo* - любя), в то время как аффиксы времени и наклонения занимают иные позиции: морфемы повелительного, сослагательно-го, условного наклонений всегда стоят после морфем, обознача-

* Особняком в этом плане стоят безличные формы с морфемой *-ov*, где *-s* не указывает на множественное число, так как *-ov* в целом выражает безличность: *reinos* - идет дождь (дождит), *no penov* - не пишется и т.д.

чающих лицо (*penolöd* пиши, *penoföd* - пусть она пишет, *penoböv* - я писал бы), а морфемы, обозначающие время, занимают место перед корнем (*äpenof* - она писала, *iäpenols* - вы писали - давно, перед другим действием). Аффикс, выражающий значение страдательного залога (*p-*, в настоящем времени *pa-*), располагается перед аффиксами времени и обычно находится в абсолютном начале слова (*pened pæpenon* - письмо пишется), а аффиксы, указывающие на возвратность (*-ok-*) и взаимность (*okis*), помещаются после аффиксов лица и числа (*löfobsok* - мы любим себя; *löfobsokis* - мы любим друг друга). Подобное позиционное размежевание указанных морфем облегчает свободное соединение различных категорий в глагольных формах (в частности, инфинитив волапюкского глагола может стоять в любом времени; причастие автоматически приобретает любое из имеющихся в системе языка времен путем замены морфем перед корнем, любое лицо легко сочетается со значением любого наклонения). Благодаря всему этому поистине огромным оказывается число форм одного и того же глагола.

Остановимся на этом несколько подробнее. Если даже ограничиться собственно глагольными формами (без учета причастий и деепричастий), мы получаем 16 форм (вместе с инфинитивом) в каждом из шести времен и четырех залогов, дающие в результате 384 наиболее простых глагольных форм, к которым необходимо добавить 256 форм ирреальных наклонений (это уже 640 форм). К этому можно прибавить формы постоянного действия (*äpenob* - я всегда пишу, *peilöfom* - он всегда был любим, его всегда любили), формы, отличающиеся от исходной транзитивностью - нетранзитивностью* (*redikön* - краснеть, становиться красным, *redükön* - заставлять краснеть, делать красным) и некоторые другие. Такое изобилие производных форм глагола, оказавшееся губительным для реального существования языка, представляет интерес для исследований по лингвистической типологии. Поиски средств выражения той или иной формы, той или иной категории, эксплицитно выраженной в волапюке и отсутствующей в сопоставляемом языке, стимулирует углубленное изучение последнего.

Приведем, например, некоторые волапюкско-эсперанто-русские параллели в сфере причастий:

<i>penöl</i>	- <i>skribanta</i>	- пишущий
<i>äpenöl</i>	- (<i>skribanta antaŭe</i>)	- писавший
<i>eäpenöl</i>	- <i>skribinta</i>	- написавший

* Эту категорию можно толковать как форму особого залога (ср. побудительный залог в тюркских языках).

ipenö1	- (skribinta - antaŭ alia ago)	- (написавший - ранее другого действия)
openö1	- skribonta	- (который будет писать)
upenö1	- (skribonta - ĝis difinita momento)	- (который напишет)
rapenö1	- skribata	- (пишущийся)
päpenö1	- (skribata antaŭe)	- (писавшийся)
perenö1	- skribita	- написанный
pipenö1	- (skribita - antaŭ alia ago)	- (написанный - до момента другого действия)
ropenö1	- skribota	- (который будет писаться)
rupenö1	- (skribota - ĝis difinita momento)	- (который будет написан)
pöpenö1	- skribenda	- (который должен быть написан)
penölo	- skribante	- (во время письма)
äpenölo	- (skribante antaŭe)	- (когда писал)
ipenölo	- skribinte	- написав

Это неполное сопоставление причастных форм трех языков - лишь иллюстрация, подсказывающая пути дальнейшего сопоставления и выявления соответствий в сравниваемом материале: более богатая и разнообразная система причастий и деепричастий в волапюке помогает более пристально взглянуть на партиципальность и смежные с ней явления в языках с менее развитой системой партиципальных форм.

Классификационная типология, имеющая целью "создание типологической классификации языков, выявление их типологических группировок и соотношений" [4, 13], легко может расширить круг объектов изучения за счет апостериорных языков, которые, по всей видимости, легко укладываются в рамки различных классификационных схем, применяемых в современной типологии языков. Определяя место апостериорных языков в подобных схемах, легко заметить тенденцию к типологическому однообразию большинства этих языков: они по большей части агглютинативны, принадлежат к языкам номинативного строя, синтетизм обычно преобладает над аналитизмом (индекс синтетичности Дж. Гринберга [6], как правило, более 2) и т.д. Од-

нако классификация естественных и апостериорных языков по более частным признакам может привести к нетривиальным выводам и обогатить методику классификационно-типологических исследований.

Характерологическая типология, стремящаяся "выявить специфические особенности данного языка, его своеобразие среди других языков", представить в обобщенном виде глубинные особенности... языка среди других языков [4, 13, 25], весьма актуальна для любого апостериорного языка. Констатация своеобразия языка особенно показательна, когда она осуществляется на материале сопоставления с типологически близким языком (близким по всей совокупности признаков или только по некоторым из них).

Авторы лингвопроектов нередко сами подчеркивают характерные типологические черты своих языков, отличающие их от других апостериорных языков. Так, О.Есперсен считал одним из достоинств своего языка новияль наличие в нем особой формы неопределенного числа (наряду с единственным и множественным) [23, 89-90]. Эта форма отличается от определенных форм числа отсутствием окончания (*urbea* - города, *urbe* - город, как один из городов, *urb* - город как абстрактное понятие, распространяющееся на любой из городов и на все города вместе). У существительных, обозначающих живые существа, отбрасывание окончаний *o* или *a* одновременно нейтрализует половые различия (*leono* - лев - самец, *leona* - львица, *leon* - любой лев). О.Есперсен считает эту форму удобной для фраз типа: *Leon es krue!* (= Львы жестоки).

Для типологического изучения новияля интересно замечание О.Есперсена о том, что натолкнул его на мысль о такой категории японский идиом, сетовавший на отсутствие в известных ему ИВМЯ свойственной японцам и китайцам формы неопределенного числа [23, 89].

Способ абстрагирования от половых противопоставлений предусмотрен автором лингвопроекта о.о В.И.Венгеровым (*edelo* - супруг, *edino* - супруга, *edo* - кто-то из супругов) [3, 153]. Любопытно, что аналогичная форма предлагалась также в "католическом языке" А.Липтая [28, 50].

Создание детального характерологического описания такого нормально функционирующего в течение почти столетия ИВМЯ, как эсперанто, явилось бы исключительно важным событием как для интерлингвистики, так и для лингвистической типологии. "Plena analiza gramatika" [25] может послужить хорошей основой для такого описания.

Если предметом типологического исследования является пара языков, оно во многом сближается со сравнительно-сопоставительным исследованием. Однако существенно то, что при этом такие исследования будут различаться не только своими целями и задачами, но и принципами выбора языков для сопоставления. Выбор сравниваемых языков в сравнительно-сопоставительном исследовании строго задается конкретной ситуацией, нуждами практического преподавания языка А носителем языка Б. При типологическом исследовании выбор сравниваемого языка может беспредельно варьироваться в зависимости от того, какой язык может в большей степени — по сходству или по контрасту — подчеркнуть, заставить осознать особенности исходного языка. Так, рассматривая особенности волапукского глагола, в частности, непривычный для европейских языков способ префиксального выражения значения времени, исследователь сможет справедливее судить о них, если привлечет для сопоставления один из языков банту, где показатели времени также выражаются префиксами.

Сопоставим некоторые формы глагола в языках волапук и суахили*

o- <i>pen</i> -ob	- ni-ta-andika	- я буду писать
(Pened)p-ä- <i>pen</i> -on	- (bana) li-li-n- -andik-wa	- (письмо) писалось
ä-löf-ob-s-ok-is	- tu-li-pend-ana	- мы любили друг друга.

В глаголах обоих языков значение времени передается морфемой, стоящей перед корнем; аффикс лица субъекта в волапукском глаголе занимает место после корня, в суахилийском соответствующая морфема со значением лица, а в 3 л. еще и класса, располагается перед аффиксом со значением времени; аффиксы со значением взаимно-возвратного залога в обоих языках располагаются после корня, а аффиксы, выражающие значение страдательного залога, в волапукском глаголе, в отличие от суахилийского, занимают место перед аффиксом и значением времени.

Если ограничиваться в основном лишь названными категориями, т.е. сознательно упрощая реальную сложность системы

*Примеры из языка суахили даны по [7; 11; 13]. Автор с благодарностью воспользовался также консультацией преподавателя языка суахили в Университете Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы Л.А. Коптилиной.

Таблица

Строение глагола в волапке, суахили и русском языке

№ морфемы	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4
Язык							
Волапк	Показатель залога: (страд.-р действ.-нуль)	Показатель времени: (наст.-нуль, после р - а)	Лексическая основа глагола	Показатель лица субъекта	Показатель числа: (множ. - единств. - нуль)	Показатель залогов (возвратного, взаимного и др.)	
Суахили	Показатель лица, числа (класса)	Показатель времени	Лексическая основа глагола	Показатель залога (действ.-нуль)	-	-	
Русский	-	Показатель вида (только в сочетании с +1; м.б. нулевым)	Лексическая основа глагола	Показатель вида (только в сочетании с -1; м.б. нулевым)	Показатель времени (в наст. и прост. будущем - одновременно - числа и лица)	Показатель числа и рода (в прошедшем времени)	Показатель возвратности (невозвратности)

глагольного словоизменения в изъявительном наклонении в обоих языках, можно таким образом представить строение глагольной формы в них (для сравнения представим в виде аналогичной схемы строение русского глагола – см. таблицу).

Распределение позиций показателей времени, числа, лица (а также рода или класса) таково: в русском языке все они располагаются в постпозиции к глагольной основе, в суахили – в препозиции, в волапюке распределяются по обеим позициям. Если учесть, что в суахили в препозиции к глагольной основе могут располагаться также морфемы, указывающие на объект действия (*ninakupenda* – я тебя люблю) или на согласование в классе с объектом действия (*watoto wanakisoma kitabu* – дети читают книгу), на возвратность глагольной формы (*ninajizuulu* – я увольняюсь; ср. *wapaniuzulu* – они увольняют меня), то тенденция суахилийского глагола к префиксации становится еще более очевидной. Волапюкские глагольные формы в препозиции к глагольной основе могут дополнительно содержать указание на постоянство действия (*aißfoß* – я всегда люблю) и т.д. Таким образом, отдельные особенности волапюка, которые рассматривались иногда как сугубо априорные, находят параллели в этнических языках за пределами Европы.

Научное изучение апостериорных языков перспективно в связи с этническими языками. Интерлингвистика и различные направления сопоставительного языкознания (в частности, ареальная лингвистика и лингвистическая типология) имеют много точек соприкосновения. Привлечение отдельных апостериорных плановых языков к конкретным сопоставительным исследованиям этнических языков может весьма обогатить такого рода исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барнет В. К проблеме языковой эквивалентности при сравнении. – В кн.: Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М.: МГУ, 1983.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. – Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972.
3. Венгеров В.И. Омо – язык человека. Курс всемирного языка. – Свердловск: изд. автора, 1927.

4. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. - Л.: Просвещение, 1977.
5. Григорьев В.П. О некоторых вопросах интерлингвистики. - ВЯ, 1966, № I.
6. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. - В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Иностранная литература, 1963.
7. Громова Н.В., Федорова Н.Г. Русско-суахили учебный словарь. - М.: Русский язык, 1978.
8. Дуличенко А.Д. Интерлингвистика. - In: *Interlinguistica Tartuensia* I. Актуальные проблемы современной интерлингвистики (Ученые записки ТартуГУ, вып. 613). Тарту, 1982.
9. Колкер Б.Г. Вклад русского языка в структуру эсперанто. - In: *Interlinguistica Tartuensia* 3. История и современное состояние интерлингвистики. (Учен. зап. ТартуГУ. Вып. 671). Тарту, 1984.
10. Коровина М.И., Эндернейт Г.А. Всемирный язык Шлейера *volapük*. Полный учебник. - СПб., 1889.
11. Мячина Е.Н. Краткий очерк грамматики языка суахили. - В кн.: Суахили-русский словарь. Под ред. Ольдерогге Д.А. М.: ГИИМС, 1961.
12. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. - Л.: Наука, 1972.
13. Федорова Н.Г. Учебник языка суахили. - М.: УДН, 1963.
14. Языки и диалекты мира. Проспект и словник. - М.: Наука, 1982.
15. Arnold M. Ĉu germana aŭ angla. (Pri ĝermanaj vortoj en Esperanto) - In: *Der Esperantist*, Berlin, 1982, № 1.
16. Blanke D. Konfronta lingvistika komparo de etnolingvo kaj planlingvo: kelkaj problemoj de la germana kaj de Esperanto. - In: *Miscellanea interlinguistica*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1980.
17. Bokarev E.A. Fonemo kaj sono en Esperanto. - In: *Nuntempa Bulgario*, Sofio, 1966, № 11.
18. Boulton M. Kiel ni altigu la nivelon de nia lingvoscio? - In: *Bulgara Esperantisto*, Sofio, 1982, № 4, 5.
19. Dawson A. Ni bezonas dialektologion de Esperanto. - In: *Esperanto*, Rotterdam, 1983, № 3.
20. Gold L.D. Towards a Study of Possible Yiddish and Hebrew Influence on Esperanto. - In: *Miscellanea interlinguistica*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1980.

21. Golden B. Pri la esploro de la germana komponento. - In: Der Esperantist, Berlin, 1982, № 6.
22. Golden B. Pri la influo de la germana lingvo sur Esperanton. - In: Paco, 1981 (eldono de GDR).
23. Jespersen O. An international language. - London, 1928.
24. Kalocsay K. Lingvo, stilo, formo. Studoj. -- Budapest, 1931.
25. Kalocsay K., Waringhien G. Plena analiza gramatiko de Esperanto. 4-a, tralaborita eld. - Rotterdam, 1980.
26. Plena Ilustrita Vortaro de Esperanto. Represo de la dua eldono. - Paris: SAT, 1981.
27. Privat E. Historio de la lingvo Esperanto. 1887-1927. - Hago: Internacia Esperanto Instituto, 1982.
28. Szerdahelyi I. La hungara modelo en interlingvistiko. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest: Tankönyvkiado, 1980.
29. Zamenhof L. Lingvaj respondoj. - Paris: SAT, 1925.

LOKO DE APOSTERIORAJ LINGVOJ EN KOMPARA LINGVISTIKO

Vladimir A. Kornilov

En lastaj jardekoj ĉiam pli kaj pli komplikigas kaj diversigas kompreno de la kompara lingvistike, kies kvin plej gravaj subdividoj estas rigardataj: 1) tradicia kompar-historia lingvistike de genetike parencaj lingvoj; 2) areala lingvistike, studanta interfluojn de kontakta lingvoj kaj iliajn interferencojn en parolo de dulingvuloj; 3) lingva tipologio de ĉiuj lingvoj de la mondo aŭ de karakteraj trajtoj de apartaj lingvoj; 4) lingvistike de tradukado; 5) "nova kompara lingvistike" - alfrontaj studoj de diversaj lingvoj sendepende de ilia genetika parenceco cele de ilia instruado al allingvanoj.

Aŭtoro de la artikolo opinias, ke ĉiuj la kvin subdividoj tre gravas ne nur por etnaj, sed ankaŭ por artefaritaj lingvoj (eĉ la unua el la kvin); ke apliko de ilia problemaro kaj metodoj tre utilas ne nur por interlingvistike, sed ankaŭ por mem kompara lingvistike, ĉar konstanta diversego de studataj lingvaj objektoj estas unu el plej rimarkindaj trajtoj de la nuntempa lingvistike entute.

En du partoj de la artikolo temas pri problemoj de areala lingvistike aplike al esperanto (dulingvismo, interferenca influo de etnaj kaj aposterioraj lingvoj sur indviduan kaj tutlingvan nivelojn de planlingvoj kaj aliaj) kaj pri problemoj de lingva tipologio (kiel ekzemplo de fruktodona apliko de aposteriora planlingvo en lingva tipologio estas rigardata kelkajn volapuko - etnolingvajn paralelojn, aparte kelkajn tipologiajn similaĵojn en la verba vorte-strukturo en lingvoj volapük kaj svahilo).

PREFIKSA UZADO DE REFLEKSIVA PRONOMO „SIN“

P. Čeliaskas

Laŭ „Plena analiza gramatiko“ (PAG) en Esperanto estas kvin veraj prefiksoj: be-, eks-, ge-, mal-, pra- kaj la sesa neoficiala pseŭdo-. Tamen „Plena ilustrita vortaro“ (PIV) nomas prefiksoj ankaŭ jenajn: ĉef-, dis-, ek-, fi-, mis-, re-. PAG nomas ilin prefiksoidoj, ĉar laŭ sia vortkonstrua principo ili neniel diferencas de veraj radikoj. Prefiksoidoj funkcias: kiel adverba adjekto (miskonduti = konduti mise), kiel predikat-adjektivo (disiri = iri disaj), kiel maldekstra elemento en flankelementduoblo (diskarnigi = igi disa karno). La veraj prefiksoj similan dispartigon de vorto ne permesas: bopatre, gefiloj... Do prefiksoidoj estas elementoj, gluitaj antaŭ verabaj radikoj. Krom ĉef-, dis-, ek-, fi-, mis-, re- kaj neoficiala retro-, prefiksoido povas esti:

a) ĉiu prepozicio: antaŭpagi = pagi antaŭe, apudmeti = meti apude, senkulpigi = igi sen-kulpa, enlitigi = igi en-lita;

b) kelkaj adverboj, ekzemple pli-: plibonigi = igi pli bona, pligrandigi = igi pli granda, plivoli = voli pli (multe);

c) verбай radikoj, ekzemple bat-, fin-: batmortigi = mortigi bate, finlegi = legi fine (ĝis fino):

Tamen PAG ne ĉiam estas konsekvenca: eĉ substantivan radikon vir- ĝi nomas prefiksoido, kiu same kiel ĉef- kaj fi- plejofte estas uzata ne kun verбай, sed kun substantivaj radikoj: ĉefministro, ĉefurbo, fihome, fingo, virbovo, viranaso...

PAG malaprobas prefiksoidan uzadon de adjektivoj kaj rekomendas:

a) korekti eĉ Zamenhofajn vortkunmetojn: altlernejo = supera lernejo aŭ ĉeflernejo, bongusto = bona gusto, bonordo = bona ordo, penmano = manpleno, plenluno = plena luno, k.t.p.;

b) toleri jam enradikiĝintajn vortojn, kiel junedzo, etbieno, rapidvagonaro, sekvino, solinfano..., sed ne krei novajn similajn vortkunmetojn.

Laŭ aŭtoroj de PAG ili estas neimitindaj germanismoj kaj francismoj. Adjektivo-substantivaj kunmetoj estas frem-

daj al Esperanto kaj ili povas submini la bazon de la Esperanta vortsistemo. Pro tia uzado la tuta konstruaĵo ekŝanceliĝus, ĉio fariĝus malkontra kaj malfirma.

Tamen sufiĉas pri diferencoj inter prefiksoj kaj prefiksoidoj, kiu ne estas grava kaj esenca. Ĉi tie mi volas pritrakti unu aspekton de prefiksa uzado de refleksiva pronomo s i n.

Pri pronomo „si” ni scias, ke ĝi estas uzata nur kun la tria persono por montri, ke la ago estas direktita al la aganto mem. Ni devas diri: mi vestas min, vi vestas vin, tamen li vestas sin. Se ni diros „li vestas lin”, tio signifos, ke li vestas ne sin mem, sed alian personon. Ĉi tia formo de refleksivo estas kopiita laŭ angla, franca, germana kaj aliaj lingvoj. Tia uzado de refleksiva pronomo estas logika, tamen ne plej simpla: oni devas memori kelkajn situaciojn por diversaj personoj. Pli simple estus: kiam subjekto aplikas la agon al si mem, por ĉiuj personoj uzi pronomon „si” -- mi lavas sin, vi lavas sin, li lavas sin... Tiel oni diras en slavaj, baltaj kaj aliaj lingvoj. En Esperanto tia uzado estus malkorekta kaj kontraŭfundamenta.

Tamen jam L. Zamenhof uzis akuzativon de pronomo „si” prefikse. En „Plena vortaro” (PV) kaj PIV ni trovas jenajn vortojn: sinakuzo; sindefendo; sinteno, -ado; sindeteno; sindevigo, -ado; sindono, -a, -ema; sinforgeso, -ado; singarda, -eco, -emo; sinĝena, -ado; sinkaptado; sinklino; sinmortigo; sinfero; sinregado; sinsekvo, -a. En tia okazo „sin” perdas ĉian ligitcon kun la tria persono. La vorto estas uzata kun ĉiuj personoj kaj ni diras: mia sindevigo (ne mindevigo), via sindefendo (ne vindefendo), lia singardemo. Kaj tio estas memkomprenebla: ja estus ege neoportune, kiam la prefikso ŝanĝiĝus depende de la persono.

Kion diras PAG pri tia prefiksa uzado de „sin”? Ĝi asertas, ke tia uzado aperis pro bezono distingi inter la aktiva kaj pasiva formo de „mem”. La ĝusta formo estus si- (simortigo, sifido), sed sendube la formo sin- estas pli belsona kaj ankaŭ pli klara. Cetere, sin en tiu ĉi funkcio tute perdis sian originan sencon kaj akiris la sencon de pasiva mem. Tion montras, ke ĝin oni devas uzi ankaŭ por la unua kaj dua personoj. Tamen regulaj kunmetoj kun sis- koncernas nur la trian personon (miaflanke, viaflanke, siaflanke).

Laŭ PIV kaj PAG analizante cititajn vortojn kaj ekzemplojn, ni tamen rimarkas unu interesan cirkonstancan: tie

estas donitaj nur substantivoj kaj adjektivoj, inter ili ne troviĝas ĉe unu verbo, kvankam ĉiuj derivaĵoj estas faritaj el verbaj radikoj. Ĉu ni povas imagi, ke ekzistas substantivoj kuro, kurado, frapo, frapado k.s., sed mankas verboj kuri, frapi? Ĉu ni povas ekzisti arbo sen trunko kaj radikoj? Logiko postulas: se estas vortoj sindefendo, sinregardo, devas esti ankaŭ verboj sindefendi, sinregi k.t.p. En PIV ili mankas verŝajne nur tial, ke en tiu verko tro fortas franca influo. Ĉi tiun logikan paŝon faris E. Bokarev en „Esperanta-rusa vortaro“ (1974). Tie sur la paĝoj 393-394 ni trovas ankaŭ verbojn: sindeteni, sindevigi, singardi, singeni, sinmortigi, sinregi; aperas eĉ du novaj vortoj (sintaksi, sintrotaksi), sed mankas sindefendi (?). Enkonduko de sin-prefiksaj verboj far E. Bokarev estas komprenebla, ĝin postulas lingva logiko kaj reguleco de Esperanto.

Kaj plue el tio sekvas interesa afero, se ni provas konjugacii iun verbon: mi sinĝenas, vi sinĝenas, li sinĝenas, ni sinĝenas... Jen kion ektimis la francaj kompilintoj de PV, PIV kaj PAG — laŭ ili oni devus diri nur: mi ĝenas min, vi ĝenas vin, li ĝenas sin, ni ĝenas nin...

Konkludo, al kiu ni ĵus aliris, estas: prefiksa uzado de „sin“ kun infinitivo permesas plisimpligi konjugacion de reflektivaj verboj. Plivastiginte uzadon de prefiksoido sin- ni povas diri ne nur: mi lavas min, vi savis vin, ni banos nin, sed ankaŭ: mi sinlavas, vi sinsavis, ni sinbanos...

Eble la nova formo estas kontraŭfundamenta? Tute ne, ĝi logike sekvas el laŭfundamenta evoluo de la lingvo, kaj ĝi povas paralele ekzisti kun la malnova formo. Tamen nin esperantistojn tro multe influas gepatra lingvo. Do por angloj, francoj, germanoj eble sole ĝusta ŝajnos la malnova formo, ĉar ili tiel esprimas refleksivecon en siaj lingvoj. Tamen neniu povas kontraŭi, ke la nova estas pli simpla (unu formo por ĉiuj personoj, anstataŭ ses). Por homoj parolantaj slavajn, baltajn kaj aliajn lingvojn la nova formo estus pli proksima kaj kutima.

Signojn de oportuneco de prefiksa uzado de sin- ni trovas en la lingvo mem. En ekzemploj de PIV pronomo „sin“ iam staras post infinitivo: volvi sin, defendi sin, esprimi sin, ĝeni sin, enmiksi sin, trompi sin. Tamen plejofte ni trovas ekzemplojn, kie „sin“ staras antaŭ verbo; kvankam ĝi estas skribita dise, en parolo ĝi kunfandiĝas kun la verbo:

oni ne povas sin movi laŭ ĉiu vento aparte; sinjoroj sin batas, servantoj vundojn ricevas; kiu sin gardas, tiu sin savas, ĉiu sin gvidas, kiel li vidas; la sumo baldaŭ sin kaŝos; ŝi ne havas, per kio sin vesti; sin montri ĉe la fenestro; sin orienti en nekonata urbo k.t.p. Kelkloke ankaŭ por la unua kaj dua personoj oni diras: mi min kaŝis; mi havas la honoron min prezenti; vi devas vin klini antaŭ ĝiaj kapricoj; kiel vi vin sentas?

El multego da similaj ekzemploj sekvas: unue — pozicio „pronomo-verbo“ estas pli oportuna, bonsona kaj pli vaste uzata; due — pro kufandiĝo de vortoj ni aŭdas kaj prononcas la pronomon „sin“ kvazaŭ prefikson, kvankam en skribo ĝi staras aparte. Restas nur kunigi ambaŭ vortojn ankaŭ en skriba formo.

Prefiksa uzado de sin- havas ankoraŭ unu aspekton: „sin“ montras, ke la ago estas direktita al la subjekto mem, ĝi ne transiras al alia objekto, do transitiva verbo fariĝas netransitiva; mi sindevigas ĉion fari ĝustatempe; vi ne sinregas disputante; ni sindetenis en voĉonado; ŝi sinmontris ĉe la fenestro; vi ne sinĝenu; mi havas la honoron sinprezenti.

Prefiksa uzado de refleksiva pronomo estas konfirmita kaj fiksita en ĉefaj lingvaj verkoj de Esperanto (PV, PIV, PAG). Ĉi tie mi volis nur atentigi pri pluaĵ eblecoj de ĝia uzado ankaŭ kun la verboj. Mi ne malkovris Amerikon — la unuaj paŝoj (ĉu vere la unuaj?) de tia uzado estas faritaj en „Esperanta-rusa vortaro“ de E. Bokarev. Nur la tempo kaj lingvopraktiko povus montri, ĉu tia formo, evoluigante paralele kun la malnova, sukcesus venki ĝin, kiel sufikso -i- elpuŝis malnovan sufikson -uj- en landnomoj.

L. Zamenhof en „Antaŭparole“ al „Fundamento de Esperanto“ skribas: "Se ia aŭtoritata centra institucio trovos, ke tiu aŭ alia vorto aŭ regulo en nia lingvo estas tro neoportuna, ĝi ne devos forigi aŭ ŝanĝi la diritan formon, sed ĝi povos proponi formon novan, kiun ĝi rekomendes uzadi paralele kun la formo malnova. Kun la tempo la formo nova iom post iom elpuŝos la formon malnovan, kiu fariĝos arĥaismo, kiel ni tion vidas en ĉiu matura lingvo. Sed prezentante parton de la fundamento, tiuj ĉi arĥaismoj neniam estos eljetitaj, sed ĉiam estos presataj en ĉiuj lernolibroj kaj vortaroj samtempe kun la formoj novaj, kaj tiamaniere ni havos la certecon, ke eĉ ĉe la plej granda perfektigado la unueco de Esperanto neniam estos rompata kaj neniu verke Esperanta eĉ el la plej frua tempo iam perdos sian valoron kaj kompreneblecon por la estontaj generacioj".

ПРЕФИКСАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ

Петрас Челяускас

В статье дается общий анализ префиксальности в языке эсперанто на основе ее кодификаций в авторитетных словарях и грамматиках; специально рассматривается статус возвратного местоимения "sin", используемого в качестве префикса в глагольных и отглагольных словах; высказывается мысль о правомерности функционирования в эсперанто не только романо-германских моделей типа "я умываю меня", но и моделей типа "я умываюсь", что, в частности, закрепила уже практика и "Эсперанто-русский словарь" (1974) Е.А. Бокарева.

ОБ ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Э. ВАЛЯ
(с библиографическим приложением по данным
"Kosmoglott" и "Cosmoglotta")

А.Д. Дуличенко

История отечественной интерлингвистики еще не написана. Но уже сейчас ясно, что она должна быть написана, ибо то, что сделали наши предшественники, важно не только само по себе, как показатель уровня научного познания, которого они достигли, но и по той причине, что многие разработки и идеи, высказанные ими в конце XIX – в течение XX вв., намного опередили свое время. Введенные в контекст нашего времени и наших нынешних научных представлений, они воспринимаются нами зачастую как некое откровение и одновременно стимулируют к дальнейшим размышлениям. Потому так важно представить современной науке теоретическое наследие наших крупнейших соотечественников-интерлингвистов.

В этом направлении в настоящее время кое-что делается. Однако это только начало. Показательно, что это начало связано с именем выдающегося лингвиста И.А. Бодуэна де Куртене, проявлявшего, в отличие от большинства своих современников, глубокий интерес к интерлингвистической проблематике. Еще в 1960 г. В.П. Григорьев опубликовал работу "И.А. Бодуэн де Куртене и интерлингвистика" /сб. "И.А. Бодуэн де Куртене (к 30-летию со дня смерти)", М., 1960, с. 53-66/, в которой рассмотрел ряд проблем, волновавших Бодуэна де Куртене. Среди них вопрос о международном языке вообще и о конкретных вопросах международного искусственного языка, в том числе о проектах межславянского языка в истории славян; при этом актуальными остаются для современного языкознания мысли Бодуэна де Куртене о соотношении стихийного и сознательного в развитии языка. В последние годы получила освещение также интерлингвистическая концепция одного из крупнейших деятелей движения за международный язык в нашей стране Э.К. Дрезена /см. работу автора настоящей публикации "Концепция международного и всеобщего языка Э.К. Дрезена. (Фрагмент истории довоенной отечественной интерлингвистики)", в изд.: *Inter-*

linguistica Tartuensia 2. Тарту, 1983, с. 89-121; с библиографией работ Э.К. Дрезена/. В частности, здесь рассмотрены взгляды Дрезена на возможность международного языка и международного искусственного языка в особенности, разрабатывавшиеся им теоретические вопросы сознательного регулирования языка, взгляд на структурные типы международного искусственного языка и их соотношение с национальными языками, основанная на принципах материалистической диалектики концепция всеобщего и международного языка, ряд вопросов общеперлингвистического характера, в том числе вопрос о сущности самой науки о международном языке, называвшейся им "космоглоттика". В настоящем выпуске серии "*Interlinguistica Tartuensia*" публикуется фрагмент работы С.Н. Кузнецова "Лингвистическая и социальная история идиом-нейтрали", посвященной одному из активнейших деятелей движения за международный искусственный язык рубежа двух веков В.К. Розенбергеру. Пока остается мало известной интерлингвистическая сторона занятий известного советского востоковеда Н.В. Юманова. Его многочисленные работы в этой области были помещены в основном в 20-30-е гг. в периодических изданиях, доступ к которым в настоящее время весьма затруднителен. Однако и Юманов-интерлингвист постепенно начинает открываться нам (С.Н. Кузнецов подготовил к печати его "Избранные труды по языкознанию. Проблемы космоглоттики"). До сих пор остается неосмысленным вклад в разработку интерлингвистической теории, сделанный П.Е. Стояном, В.Е. Чехихиным, Я. Линцбахом и другими. Среди них - Э. Валь, известность к которому как к интерлингвисту пришла в 20-30-е гг.

Об Э. Вале как интерлингвисте у нас написано очень мало. В "Словаре лингвистических терминов" О.С. Ахмановой (1966) он упомянут в статье, посвященной созданному им международному вспомогательному языку окциденталь. О том, насколько связанное с Валем слабо известно "большой лингвистике", говорит факт неверного написания его фамилии как "Э. де Вааль", а языка - как "оксиденталь" (с. 286). Специально об этом интерлингвисте известна лишь заметка П. Аристе "Ed. Wahl - *interlingvistika arendaja*", вышедшая в год столетия со дня его рождения (см.: *Noorte Nääl, Tallinn, 1967, № 12, lk.2*). В последние годы в связи с освещением деятельности интерлингвистического общества "Космоглот(т)" о некоторых сторонах интерлингвистических занятий писал также С.Н. Кузнецов (см.: *Interlinguistica Tartuensia* 3. Тарту, 1984, с. 149-156).

Эдгар Валь родился на Украине в 1867 г., а умер в 1948 г. в Эстонии, в Таллине. Он не был профессиональным языковедом, однако идеей международного языка увлекался еще в молодости. Начал он с волапука, затем изучал эсперанто; вскоре, однако, отошел от него, обратившись к поискам новых путей к международному искусственному языку. В 1909 г. Валь выступил со своим проектом искусственного языка под названием *Auli*, что расшифровывается как *Auxiliari lingue international*, т.е. "вспомогательный международный язык". По существу, это апостериорная система, базирующаяся на романском языковом материале и элементах, которые выходят за рамки этого материала. Предлагаемый ниже образец текста дает об этом представление: "Mi ne statuí in comensa l alfabet e l grammatica e pos deve adaptar l vocabularie a ili, ma just contraromen, mi prende tut material international de paroles, suffixes, finitiones, formes grammatical etc., e pos mi pena organizar cel material, meter it in ordin, compilar, interparolar e extraparolar e criblar".

Из содержания этого фрагмента видно, что Валь в процессе лингвопроектирования просматривал интернациональные элементы (слова, суффиксы, грамматические формы) в языках Европы с тем, чтобы, систематизировав их, приблизиться к основам международного языка, опирающегося на "естественные" языки. В этом направлении, которое в интерлингвистике называется натуралистическим, он и пошел. Почти полтора десятка лет понадобилось Валью для окончательной формулировки основных принципов международного языка "естественного типа". Теоретические установки Валья были реализованы к 1922 г. в лингвопроекте, названном *Occidental* - окциденталь, т.е. "западный (язык)". Окциденталь - типичный образец натуралистического лингвоконструирования, что проявляется уже внешне - в имеющих консервативный характер графике и орфографии по типу ряда европейских языков. В языковом отношении это апостериорная система, значительно приближенная к грамматическим и словообразовательным структурам романских и германских языков. Грамматическую схему окцидентала можно представить в следующем виде. В алфавите с -[к] перед непередними гласными, перед согласными и в конце слов и [ц] перед гласными переднего ряда, j - [ж], v - [з] и [э], t перед -io, -ie произносится как [ц], w - похоже на [ў], y - [и], ah - [ш], ch - [ч] и т.д. Ударение не имеет строго фиксированного места.

В качестве определенного артикля выступает *li*, неопределенного — *un*. Категория рода отсутствует, но для обозначения лиц мужского и женского пола используются соответственно показатели *-o* и *-a*. Категория множественного числа выражается с помощью *-is/-es*, а падежные значения — посредством предлогов. Прилагательное определенных показателей не имеет, однако чаще всего его характеризуют суффиксы *-i* или *-e*. Формы сравнительной степени образуются посредством *plu...quam*, превосходной — *li maxim*. Количественные числительные от I до IO: *un, du, tri, quar, quin, six, sett, ott, non, deci*; II — *dec-un, 20 — duant* и т.д.; порядковые числительные образуются с помощью показателя *-esim; unesim, duesim* и под. Личные местоимения: *yo, tu, il, illa, it; nor, vu, ili*; элементом словоизменения здесь является только винительный падеж типа *me, te...*, *nos, vos*. Притяжательные местоимения имеют вид: *mi, tue, su; nor, vor, lor*. Глагольная система характеризуется следующими особенностями: инфинитив выражается посредством *-(e)r*, формы прошедшего времени — *-t*, настоящего — сочетанием личного местоимения с глагольной основой (без инфинитивного показателя), будущее — *vu + инфинитив*. В окциденталь введены также другие сложные (аналитические) формы прошедшего и будущего времени типа *yo ha venit, yo hat venit, yo va har venit, yo vell har venit*. Повелительное наклонение выражается глагольной основой, равной настоящему времени, сослагательное — сочетанием *vell + инфинитив*. Причастия: прошедшего времени — на *-t*, настоящего — на *-nt*. Производные наречия, как правило, имеют показатель *-men*. Служебные части речи: союзы типа *e, que, si, quam, quel, con, o, malgre* и т.д., предлоги *in, de, per, sin, por, pri, sur, inter, al* и под.

В качестве образца научно-популярной прозы на окцидентале могут служить несколько пунктов из "Аксиом для интерлингвистов", опубликованных Валем в 1922 в жур. "Kosmoglott" (№ 11-12, с. 67-68):

- 1) *Li max facil es to, quo noi ja conosse.*
- 2) *Plu noi aprende del natura, plu noi mastrisa it.*
- 3) *Li ver facilitá de un regul grammatical resulta ne de su simplicitá intern, ma solmen per application in practica.*
- 4) *Li unic lingue international ja existe, quancam in pluri dialectes.*
- 5) *Li diferentias inter diversi dialectes del mundlingue es minu quam inter li dialectes german..."*

В первые годы функционирования окциденталя Валь пытался испытать язык также в области художественной литературы. На окциденталь он сделал ряд переводов произведений Лермонтова, Гете, Мюссе и других.

Движение за распространение языка окциденталь начато вновь организованным в 1921 г. в Таллине обществом "Kosmoglott" (впервые же общество было основано в 1916 г. в Петрограде инициативой В.Е. Чехихина, при поддержке И.А. Бодуэна де Куртене, В.К. Розенбергера, Э.К. Дрезена, П.Е. Стояна, В.Ф. Шмурло, а позднее также Н.В. Диманова, Э. Валя, эстонского интерлингвиста Я. Линцбаха и др.). Председателем его был Я. Линцбах, секретарем — Э. Валь. Но фактически общество функционировало благодаря деятельности Валя. С 1927 г. инициатива распространения окциденталя переходит Международной ассоциации Космоглотта (Association International Cosmoglot-ta), с 1928 г. — Союзу окциденталя (Occidental-Union). До второй мировой войны сторонники окциденталя действуют в Австрии, Чехословакии и некоторых других странах Европы. Для пропаганды языка были изданы учебники, учебные пособия и словари на различных языках. В 1949 г. вместо лингвонима "окциденталь" был введен лингвоним "интерлингве" (interlingue)*. Поэтому с 1949 г. Союз окциденталя именуется Союзом интерлингве — Interlingue-Union (его местонахождение — Швейцария). Это было сделано для того, чтобы подчеркнуть международный характер языка, не замыкающийся в рамках только европейского, романо-германского, ареала. В настоящее время движение за распространение языка окциденталь-интерлингве, ослабевшее и значительно по составу участников и степени оформленности уступающее эсперантскому, представлено небольшими группами сторонников в Швейцарии, Чехословакии, ГДР, Швеции и некоторых других странах.

Цельную интерлингвистическую концепцию Э. Валя представить пока затруднительно по крайней мере по двум причинам. Во-первых, Валь не был профессиональным языковедом, в отличие, например, от Н.В. Диманова или О. Есперсена, создателей собственных проектов международного искусственного языка и авторов исследований по конкретным теоретическим вопросам лингвопроектирования и общим проблемам интерлингвистики. Это

* Не смешивать с интерлингва — interlingua, созданным в 1951 г. Ассоциацией международного вспомогательного языка — International Auxiliary Language Association.

замыкало его в рамках только языкового конструирования и движения за международный искусственный язык. Такая направленность его разысканий и деятельности в целом оставалась на периферии лингвистической науки. К тому же (и это во-вторых) преимущественное большинство его интерлингвистических публикаций появлялось в изданиях, которые не могли конкурировать с солидными лингвистическими изданиями. Издания эти являются сейчас большой библиографической редкостью; найдется не так уж много библиотек, где они хранятся в более или менее полном комплекте. Архив Валь не сохранился или, по крайней мере, до сих пор не найден. Потому нам неизвестны многие факты из его жизни и его интерлингвистических занятий. Валь много печатался в различных журналах, бюллетенях, циркулярах, издававшихся в различных странах и имевших то или иное отношение к вопросу о международном языке либо не имевших вовсе. Потребуется большая и упорная работа по разысканию всего того, что он написал относительно международного языка вообще и международного искусственного языка в частности. По крайней мере, первые поиски обнадеживают. Так, недавно был обнаружен "интерлингвистический манифест", с которым в самом конце 1921 г. выступил Э. Валь от имени вновь организованного общества "Kosmoglott". Этот программный документ показывает, что для отечественной интерлингвистики всегда был характерен широкий и фундаментальный подход к проблемам международного языка. Ввиду особой исторической и теоретической важности этого документа, приводим его здесь полностью:

"Общество мирового языка "Kosmoglott".

Под этим названием учреждается в г. Ревеле новое общество, ставящее своей целью:

а) научно-философское исследование проблемы создания мирового языка вообще и международного языка - в частности. б) критическое рассмотрение существующих попыток решения данной проблемы. в) поощрение новых опытов, оказание помощи их авторам и г) возбуждение интереса в современном обществе к данной проблеме вообще и отдельным работам - в частности.

В отличие от других обществ международных языков данное общество не ставит своей целью пропаганды одного определенного языка. Оно стремится к выявлению достоинств и недостатков каждого отдельного опыта с целью притти в этой еще новой области, в которой работают пока лишь немногие преданные идее любители, к некоторым положительным выводам, способным

объединить всех и каждого. С этой целью общество предполагает устраивать лекции, диспуты, выставки и конкурсы, распространять соответствующую специальную литературу, входя в соглашение с зарубежными авторами, само издавать журналы и т.д.

При этом и самое понятие о мировом языке будет рассматриваться обществом шире, чем оно рассматривалось до сих пор до подобных учреждений. Сюда будут отнесены опыты не только словесного языка, но письменные в смысле идеографии. Эта последняя получила в настоящее время математическую разработку, благодаря чему решение проблемы мирового языка выходит далеко за пределы лингвистического опыта, становясь задачей общеполитической.

Само собой разумеется, что общество сможет достигнуть осуществления данной, весьма широкой и разносторонней задачи только при условии сосредоточения деятельности всех живых сил, так или иначе заинтересованных решением этой проблемы. По уставу членами общества могут быть также и лица, живущие вне города Ревеля." ("Последние известия", Ревель, 1921, № 311, 30 декабря, с. 4; опущен адрес, по которому желающим предлагается обращаться в общество "Kosmoglott").

Позднее этот текст лег в основу "Устава общества 'Kosmoglott'" и был опубликован в 1922 г. (см.: Kosmoglott, 1922, № 6, juli, p. 33).

Знакомство с интерлингвистическими работами Э. Валя спустя почти полвека после их создания показывает, что некоторые из них не утратили научной ценности до настоящего времени. И тем не менее об интерлингвистическом наследии Валя известно мало. Показателем этого может служить изданная в ФРГ в 1976 г. антология мировой интерлингвистики под названием "Плановые языки" ("Planysprachen. Beiträge zur Interlinguistik". Hrsgb. von R. Naupenthal. Darmstadt, 1976), в которой не нашла места ни одна из работ Э. Валя. Между тем Валь много писал по общетеоретическим вопросам интерлингвистики, связанным с разработкой основных принципов построения международного искусственного языка, пытался увязать принципы интерлингвистического натурализма с особенностями структур крупнейших европейских языков. Немало сделано Вальем и по теории лингвопроектирования. Уже в 30-е гг. было широко известно и получило всеобщее признание так наз. "правило Валя" — оно отражено, например, в первом интерлингвистическом словаре 1931 г. Д. Силадьи (см.: D. Szilagi. Versus interlin-

guistica. Dictionario terminologico de interlinguistica. - In: Schola et vita, a. VI, Milano, 1931, N 4-5, p. 118; имеется также издание в форме книги). В соответствии с этим правилом при лингвопроектировании основа настоящего времени глаголов образуется от инфинитива отсечением его суффикса -r(e) или -er(e); далее, если презентная основа оканчивается на гласный, то к ней добавляется t, а если на согласные d, g, g, то эти согласные заменяются согласным s. Это дает возможность образовывать большое число производных слов, близких к их интернациональному виду, срав.: crea(r) > creat; creator; decid(er) > decis; decision и под.

Особого внимания заслуживают интерлингвистические дискуссии, в которых участвовал Э. Валь. В 20-е гг. он дискутировал с Н.В. Шмановым по ряду вопросов лингвопроектирования и, в частности, тех лингвопроективных принципов, на которых строится язык окциденталь-интерлингве. Дискуссия возникла после того, как Шманов опубликовал в идиотском журнале "Mondo" статью "40 погрешностей окциденталя" (под псевдонимом "Т. Ryzik", см.: "40 peki di Occidental" - Mondo, 1924, № I-2, p. 34-42; продолжение см.: "La '40 peki di Occidental' en "Kosmoglott" - Mondo, 1925, № 5, p. I4I-I47). Э. Валь ответил на эти публикации Шманова статьями в журнале "Kosmoglott". Не менее важна для теоретической интерлингвистики и теории лингвопроектирования дискуссия между Э. Валем и известным датским языковедом О. Есперсеном, которая прошла при их непосредственной встрече в 1935 г. Рассуждения двух крупных специалистов в области лингвопроектирования - тема особого разговора, и мы вернемся к ней в специальной работе. Здесь же только укажем на уникальность условий проведения этой интерлингвистической дискуссии: она проходила устно, при этом каждый из ее участников говорил на созданном им международном искусственном языке - Валь на окцидентале, а Есперсен на новиале!...

Как мы уже заметили, язык Э. Валя имеет в настоящее время некоторое распространение. Проявлением внимания к тем теоретическим принципам, которые были воплощены в окциденталь-интерлингве, следует считать эксперимент шведского ученого К.Э. Шёстедта (С.Е. Sjöstedt), который в 60-е гг. реформировал это язык и издал на нем в Упсале огромный по объему (более чем на 900 страницах) научный труд "Le axiome de paralleles de Euclides a Hilbert".

Из этого краткого рассмотрения видно, что Э. Валь-интер-

лингвист занимает достойное место в науке о международном языке. Предлагаемая библиография части его работ как раз и призвана привлечь внимание к теоретическому наследию этого отечественного интерлингвиста. Особенностью библиографии является ее ограниченность рамками только одного (при том весьма важного) периодического издания, в котором публиковал свои работы Валь, — журналом (биллетенем) "Kosmoglott" за 1922—1926 гг. и его продолжением журналом (биллетенем) "Cosmoglotta" — за 1927—1939 гг. Первый печатался в Таллине (Ревеле) и был органом общества "Kosmoglott"; в первые годы статьи в нем печатались на различных международных искусственных языках; сам Валь публиковал свои работы только на окцидентале (за редким исключением). Журнал "Cosmoglotta" печатался только на окцидентале (за редким исключением) как орган Международной ассоциации Космоглотта, затем Союза окцидентала в Австрии. Всего издано 37 номеров журнала "Kosmoglott" (+ 6 номеров приложения к нему); "Cosmoglotta" выпущен в количестве 91 номера (+ 25 номеров приложений), всего, включая приложения, — 159 номеров. К сожалению, трудно найти библиотеку, которая имела бы полный комплект этого редкого издания. Мы опирались на фонды Научной библиотеки Тартуского государственного университета и Литературного музея АН ЭССР им. Фр.Р. Крейцвальда (г. Тарту). "Kosmoglott" представлен в обоих фондах, однако некомплектно; "Cosmoglotta" имеется лишь в фонде Научной библиотеки университета и также неполностью. Поэтому в настоящую библиографию не вошли работы Э.Валя, опубликованные им в следующих номерах "Kosmoglott": № 5—6 (23—24) за 1924 г., № 5(29), 7(31) за 1925 г. Из комплекта "Cosmoglotta" отсутствуют следующие номера: № 58—61 за 1929 г., № 4(71) за 1930, № 1(74), 5(78) за 1931 г., № 1(80), 3(82) за 1932 г., № 1(86), 2(87), 4(89), 5(90) за 1933 г., № 4(95), 5(96), 6(97) за 1934 г., № 4(115) за 1937 г., № 2(120), 5(123) за 1938 г., № 1(124) за 1939 г., а также некоторые номера приложения "Serie B". Надо сказать, что с переводом журнала в Австрию сокращалось постепенно и число работ Э.Валя.

Второй особенностью библиографии является "пономерной и погодовой" характер ее представления с тем, чтобы по работам можно было судить о направлении содержания интересов Валя. Библиография носит аннотированный характер, однако содержание работ Валя, затрагивающих конкретные вопросы структуры окцидентала, как правило, не раскрывается. Неаннотированы и

те работы, содержание которых раскрывается в заглавии. В тех случаях, когда работа была опубликована без фамилии Э. Валя, мы использовали квадратные скобки без написания фамилии ("пустые квадратные скобки"). Материалы без названия заключены в ломаные скобки < >. В общей сложности библиография включает 280 публикаций Э. Валя - статей, заметок, рецензий, реплик, откликов на те или иные события, статьи или книги.

Принятые сокращения

"К." - жур. "Kosmoglott"	Окц. - окциденталь
МИЯ - международный искусственный язык	Эсп. - эсперанто
МЯ - международный язык	

K o s m o g l o t t

1922

№ 1, februar

1. []. A nor letores (p. 1-2).
Актуальность проблемы МЯ, цели общества "Kosmoglott" и его органа.
2. Linzbach J., Wahl E. de. W.K. Rosenberger (p. 2).
Некролог интерлингвиста В.К. Розенбергера (1849-1918).
3. Linzbach J., Wahl E. de. A la Société des Nations. Communiqué concernant la question d'une langue universelle (p.3-4).
4. Qual instrucciones da nos li historie de lingue universal (p. 6-8).
5. []. Notas linguistic (p. 8).
Объяснение некоторых принятых форм и сокращений в Окц.
6. Questiones de ortografie international (p. 9-10).
7. W[ahl] E. Li Evolution de lingues e Ido (p. 10).
8. Li principies de Occidental (вкладыш, 4 стр.).

№ 2, marte

9. W[ahl] E. Ido e li scientie (p. 11-12)

№ 3, april

10. Li incorrectibil defectes de Esperanto (p. 13-14)
11. []. Li Redaction. Responses a pluri amicos de Kosmoglott (p. 14-15).

Журнал "К." является органом одноименного общества, основанного В.К. Розенбергером в Петрограде; орфография названия журнала ("Kosmoglott")

- не связана с языком Окц.
12. []. *Avisé* (p. 15-16).
Сообщение о публикации в жур. "К." словаря Окц.
на 8 языках
13. []. *Rectifications* (p. 16).
Полемика с идистами.
14. []. *Fanatisme Esperantistic!* (p. 16).
Полемика с эсперантистами.
№ 4, mai
15. W[ahl] E. *Li formulo de prof. O. Jespersen: "Max facila por la max multi"* (p. 18-19).
Предлагается вместо этой формулы Есперсена своя:
"Max facil por li majorité de ti, qui deve aplicar it".
16. []. *Declaration* (p. 19).
Реплика в связи с газ. "Eugorasia".
17. A Senior Feus-Dessau (p. 19).
Полемика с идистом.
18. []. *Un Comparation* (p. 20).
Сравнение текста на Эсп. и Окц.
19. W[ahl] E. *Lingual questiones* (p. 20-22).
Вопросы морфологии и словообразования Окц.
20. < Ответ на >: A.C. *Ex epistol de Sr. Creax-Rue-Suisse*
(p. 22-23). См. также № 19.
21. []. < Без названия >. Относительно корня *-leg-*.

№ 5, junio

22. []. *Li Facilitá del Esperanto* (p. 25).
23. W[ahl] E. *Du Formules* (p. 26-27).
О языковом развитии, проблеме МИИ, Волапке и Эсп.
24. W[ahl] E. *Videant Consules* (p. 27-28).
Проблемы графики и орфографии, словообразования и проч. в Окц.
25. *Timore de Esperantistes* (p. 28-29).
В связи с XIV конгрессом эсп-ов в Хельсинки.
26. W[ahl] E. *Lingual questiones. "mi" o "yo"* (p. 29-30).
27. []. *Response*. Ответ на: J. Roselló-Ordines. *Analytic conjugation* (p. 30-31).
28. []. *Tu (possessiv)* (p. 31).

N 6, juli

29. []. Li Comité. Li societé Kosmoglott (p. 33).
Устав общества, условия сотрудничества.
30. []. Red. <Без названия>. Отношение к Эсп.
31. W[ahl] E. Senior Peus accapte (p. 36).
Полемика с идистом.
32. W[ahl] E. Ответ на: J. Rosselló-Ordines. "Mi" e "yo
(io)" (in un dialect special). J. Rosselló-Ordines. Con-
jugation analitic o sintetic (p. 36-37).
33. W[ahl] E. Receptar, reciver (p. 37).
34. W[ahl] E. Preterit -v (p. 37).
35. []. Neolatine (p. 38).
Отклик на проект Дж. Семприни.
36. W[ahl] E. Рец. на: Nov latin logui, de Karl Pompiati,
Vienna, 1918 (p. 38).
37. W[ahl] E. Fut: va sómpra (p. 37-38).
Почему будущее время оформляется в Окц. по-
средством va.
38. W[ahl] E. Nor Criticantes (p. 39-40).
В связи с материалом в "L'Esperanto", N 5.
39. In afere proprí (p. 40).
Исправление недоразумения относительно сооб-
щения о XIV конгрессе эсперантистов в Хель-
синки (см. № 25).

N 7-8, auguste-septembre

40. []. Red. Li question del Lingue International avan
li forum del Liga de Naciones (p. 41-42).
41. W[ahl] E. Logica in vive e lingue (p. 45).
42. W[ahl] E. Ex epistol de Sr. P. Ahlberg (p. 46).
Относительно выражения в Окц. падежного отно-
шения творительного орудия с помощью предло-
гов.
43. W[ahl] E. <Без названия>. О тенденции европейских
языков выражать повелительное наклонение ана-
литически, но кратко.
44. W[ahl] E. Diego Starrenburg. Gramatico di la Mundolingua.
Edition holandes... Calle de Principe, Valencia [1922?]
(p. 46-47).

Дан схематический очерк проекта.

N 9, octobre

45. []. Red. Li judicament del Liga de Naciones (p. 49-50).
46. W[ahl] E. Li signification exact de sufices (p. 50-51);
N 10, novembre, p. 57-58
Уточнение семантики суффиксов в Окц.
47. []. Red. "Calumniare andacter..." (p. 54).
В связи со статьей П. Стояна в "Esperanto Tri-
fonta" (89), направленной против общества
"Космоглотт" и его печатного органа.
48. [] Specimen de parolformation in "Ro" de Rev.
Edw. P. Foster. Nomines pro Numeros (p. 55).

N 10, novembre

49. W[ahl] E. <Без названия>. В связи с напечатанной здесь
же (с. 60-61) статьей: J. Baptiste. Interna-
tionalitá preponderant Roman (p. 61). Указы-
вается, что в Окц., кроме романских, имеют-
ся также германские корни (приводится спи-
сок).
50. W[ahl] E. Un critica de Occidental (p. 61-63).
Полемика с идистами.
51. W[ahl] E. <Без названия>. Ответ на письмо J. Meazzini
относительно prejudicialo (prejudicio)
в Окц.

N 11-12, decembre

52. []. Red. Invitation ad abbonament (p. 65).
53. W[ahl] E. Li natural evolution (p. 65-66).
Критика эсперанто; принципы натурализма.
54. W[ahl] E. Interessent Documentes (p. 67).
В связи с публикациями в разных изданиях ма-
териалов о МЯ.
55. []. Axiomas por mundlinguistes (p. 67-68).
Основные интерлингвистические принципы (всего
10 пунктов).
56. W[ahl] E. Critica (p. 68-70).
На публикацию J. Meazzini в Corriere Balcani-
co Esperantista (№ 12) в связи с вопросом
звукового состава, международной слов, сло-
вообразования в МЯ.

57. <Без названия>. Объявление о вхождении "Космоглота" в членство в Academia pro Interlingua 1923 г. (с. 72).
58. [] .<Без названия>. Небольшое объявление к корреспондентам (с. 72).

1923

№ 1, marte

59. [] . Red. A nor letores (p. 1-2).
Новая ситуация в связи с изданием; сотрудничество с Academia pro Interlingua.
60. W[ahl] E. Critica (p. 3-7).
Полемика с идистами; вопросы корня, орфографии.
61. [] . Li signification de suffixes. Continuation ex № 10 (p. 8-9).
-or, -er, -ist, -ism... начало см. № 46.
62. [] . Li Redaction. Anglo-germanic projectes (p. 15).

№ 2, mai

63. W[ahl] E. Li psicologic leyes de derivation in abstract verbal substantives (p. 18-19).
64. [] . Resumé pri li presse mundlingual (p. 21-22).
Обзор изданий "Sennaciens Revuo", "Nova Epoko", "Export Esperantist", "Mondo" etc., в том числе материалов, касающихся Окц.
65. W[ahl] E. Li Polemica con Marques de Beaufront (p. 23-27).
Относительно двойных букв, корней, показателя множественного числа -s и др.

№ 3, julij

66. [?] . Li ortografic question in Lingue International (p. 29-32).
Орфографические особенности главных европейских языков и МИЯ, спорное в связи с шипящими и свистящими.
67. W[ahl] E. Li suffix is-ar (p. 32-33).
68. W[ahl] E. Quel, qui (p. 33-34).
К критике Бофроном местоимений в Окц. как неестественных.

69. W[ahl] E. Occidental in "Mondo" (p. 34-35).
70. W[ahl] E. Li Polemica de Sr. de Beaufront pri c, k, t, z (p. 35-37).
Пolemika с идистами.
71. W[ahl] E. Instructiv Correctures (p. 37-38).
Замечания об употреблении элементов идо.
72. W[ahl] E. Рец. на: Latin as the international auxiliary language by Roland G. Kent (p. 39).
73. In personal afere (p. 40).
О статье П.Альберга в "Mondo", № 4.

N 4, septembre

74. []]. Red. Li Resolution del Comission del Liga de Naciones por intellectual coloboration. (Scrit in Occidental) (p. 42-43).
75. []]. Red. Un document interessent. (Scrit in Occidental) (p. 44-45).
76. W[ahl] E. Impressiones del Congresses. (Scrit in Occidental) (p. 45-46).
О конгрессах сторонников различных систем МИИ.
77. []]. Resp. del Red. Ответ на: J. Weisbart. Proposo por la Idisti. (Skribita en Ido) (p. 49).
78. W[ahl] E. Germanic Radicas (Scrit in Occidental) (p. 49-50).
Пolemika с идистами.
79. W[ahl] E. Li duplic negation. (Scrit in Occidental) (p. 50-51).

N 5, novembre

80. []]. Un question principal in L. I. (Scrit in Occidental) (p. 54-55).
О принципах МИИ, о том, что он "должен быть латынью демократии" ("демократической латынью").
81. Li congress- raporte de "Mondo". (In Occ.) (p. 55-56).
82. []]. Resp. del Red. Ответ на: Epistul rectificatori de Dr. Edmond Privat - Genève (p. 57).
83. W[ahl] E. Quam. (Scrit in Occidental) (p. 59).
84. Pronunciation del L. I. (Scrit in Occ.) (p. 59-60).

85. W[ahl] E. Li plurale per -i. (In Occidental) (p. 60).
 86. W[ahl] E. Li obsolet c. (In Occidental) (p. 60).
 87. []]. Latin in li policie-congresse. (In Occ.) (p. 60).
 88. W[ahl] E. Li Ido-Pressa. (Scrit in Occidental)(p. 61-62).

N 6, decembre

89. []]. Red. Invitation al abonnement (p. 65).
 90. W[ahl] E. National influentias in L. I. (Scrit in Occid) (p. 66).
 В лингвопроектах встречаются славянские и проч. элементы; Окц. построен на англо-германской грамматике и латино-романском слове.
 91. []]. Respons del Red. Ответ на: J. Rosselló-Ordinea. Participio passato et suo derivatione. (Scripto in Interlingua Sistemàtic) (p. 69).
 92. []]. Noto del Red. Заметка об: Ostrobotniano. Qualamaniere la internationa linguo esos atingebla? (Skribita in Ido) (p. 71-72).
 93. []]. Noto del Red. Заметка об: Pro la vorto "quik". G.A. Moore (p. 72).
 94. W[ahl] E. International Komun-lingue Medial de Josef Weisbart... (Scrit in Occ.) (p. 72-74).
 95. W[ahl] E. Unesal interlingu (Kompromis Esperanto-Ido-Occidental) de Erich Weferling... (p. 74-75).
 96. W[ahl] E. Jean Barral. - La Langue Fédérale. (p. 75).
 97. W[ahl] E. Quósimianí, a new international language by Wilbur M. Law Beatty... (p. 75).
 98. []]. Red. Libres de Propaganda (p. 75).
 Об идистских изданиях.
 99. W[ahl] E. Logical Shape of the auxiliary International Language by Dr. Max Talmey - New York City (p. 75).

- I00. []. Li editorie. Grav avise (p. 1-2).
О необходимости поддержки издания жур. "К.",
который является открытым для всех проектов
МИЯ.
- I01. W[ahl] E. Ne es egal qual lingue (p. 2-3).
- I02. W[ahl] E. Нуросcritic filantropie (p. 5-6).
В связи с Эсп. и Идо.
- I03. W[ahl] E. Germanic o Romanic radicas? (Scrit in Occi-
dental) (p. 7-8).
- I04. W[ahl] E. < Два примечания к статье >: "Aspiranto". Un
novi Reform-Еsperanto (Skriptati in li novi
lingue) (p. 8).
Сама статья тут же, с. 8-9.
- I05. []. Resp. de Red. Ответ на: Antido. Pri la
gramatikan fimayon (p. 11-12).
- I06. W[ahl] E. Li Mundlingual Presse (p. 12-13).
Обзор печати на разных МИЯ.
- I07. W[ahl] E. Рец. на: The Problem of an international
language and its solation in Ido. By Luther
H. Dyer (p. 13-14).
- I08. W[ahl] E. Рец. на: Esperanto and its Critics, an exa-
mination of some idist objections, by. W.E.
Collinson, prof. Univ. Liverpool (p. 14).
- I09. W[ahl] E. Обзор: Circulare N 4 de Academia pro Inter-
lingua, L'Antinationaliste, Sennacieca Revue
(p. 14-15).
- I10. []. Red. <Без названия>. (p. 15).
Об идистском издании, опубликовавшем ста-
тью на Окц.

N 3-4, (21-22), mai

- I11. W[ahl] E. E. Rivalitá (p. 1-2).
О движении за МИЯ.
- I12. W[ahl] E. Un Opinion de Professor Ostwald (p. 2).
В связи с работой "Farbnormen und Farbhar-
monien".
- I13. W[ahl] E. Responce (Scrit in Occidental). Отклик на:
J. Rosselló - Ordines. Participio passate
et suo derivatione (Scripto in Interlingua
Sistemátic) (p. 4-5).

- Сама статья опубликована тут же, с. 2-4.
- II4. W[ahl] E. Ex Correspondentie de nor letores (p. 6-7).
- II5. W[ahl] E. Li vel'i Adam... (p. 8).
О двойном отрицании.
- II6. [] . <Отклик на>: E. Dresden. Esquiss de historie del idé de lingue international, Moskva, 1922 (p. 8-9).
- II7. W[ahl] E. <Отклик на>: B. Migliorini. Esperanto e Interlingua (p. 9).
- II8. W[ahl] E. <Отклик на>: G. Meazzini. Dizionario Italiano-Esperanto (p. 9).
- II9. W[ahl] E. <Отклик на>: World English. By J.W. Hamilton. St. Paul, Minn., U.S.A. (p. 9).
- II0. W[ahl] E. Li criticas de Bulletin Français Ido (p. 9-11).

1925

N 1-2 (25-26), januar-februar

- I21. W[ahl] E. S finale de plurale o de verbal tempores (p. 6-8).
- I22. W[ahl] E. Sovent usat paroles (p. 8-9).
- I23. In afere personal (p. 9-10).
Полемика с идистами.
- I24. [] . Ex mundolingual presse (p. 10-12).
Обзор эсперантской и идистской прессы.

N 3-4 (27-28), mai

- I25. W[ahl] E. Accentuat litteres (p. 13-14).
- I26. W[ahl] E. <Отклик на>: R.R. Pri li litter-combination - ct (p. 14-15).
Типа abstract, -ionв Окц.
- I27. W[ahl] E. Vee victis (p. 16-17).
Образец спряжения и глагольных форм в лингвопроекте Монарио I А. Лаваньини; сложнее, чем в санскрите, кельтском и т.д.
- I28. W[ahl] E. Changes in li lingue international (p. 17-18).
Ситуация в Волапуке, Эсп. Идо и др. МИЯ.
- I29. W[ahl] E. Analytic o syntetic? (p. 18-19).
Проблема аналитизма и синтетизма в МИЯ.
- I30. W[ahl] E. Li 3 infinitives (p. 19-22).
Инфинитив с -ar, -er, -ir в Окц.

- I31. []. *Ex li mundlingual presse* (p. 22-24).
Обзор в основном эсперантской печати.
- I32. W[ahl] E. Рец. на: *International Radio Lexiko en Ido e Germana, Angla, Franca, Italiana e Hispana* da K. Feder e J. Nordin. Stockholm, Edite-rio P. Ahlberg (p. 24).
N 6 (30), octobre
- I33. []. *Red. International Auxiliary Language Association in U.S.A. - I.A.L.A.* (p. 29).
Информация об организации; на языке Окц.
- I34. W[ahl] E. *Curt joza* (p. 29-30).
В связи с планированием проведения в Женеве конференции по вопросам МЯ ("conferentie inter-systemal").
- I35. W[ahl] E. *Incorrect metodes* (p. 30).
Полемика с эсперантистами об отношении I.A.L.A. к Эсп.
- I36. []. *Denove li "40 peki de Occidental" in Mondo* N 5 - 1925 (p. 30-33).
Полемика с Т. Ryzik'ом (он же Ешманов) о том, что Окц. труден для носителей восточных языков; разъяснение вопросов графики, форм слова и т.д.; первая реакция на публикацию Т. Ryzik'a под тем же названием (*Mondo*, 1924, № 1-2, p. 34-32) в жур. "К.", 1924, decembre (№ 5-6? № 6?) p. 1-7.
- I37. []. *Evenimentes in nor camp* (p. 33-34).
О распространении Окц.
- I38. []. *Ex li mundlingual presse* (p. 34).
Полемика с идистами; относительно форм слов *lernar* и *rigo* (словообразовательные и проч. особенности).
- I39. W[ahl] E. Рец. на: E. Dresen. *W poiskah vseobahcheho yazyka. (In vercha del lingue universal).* Moskva 1925 (p. 35).
Книга оценивается положительно; замечания касаются лишь случаев неточной передачи ряда собственных имен.
- I40. W[ahl] E. <Сообщение и оценка изд.>: *La tempo e la Geologio - La Cienci e la Kredo de Pierre Termier, tradukita da J. Gross* (p. 35).

- I41. W[ahl] E. Отклик на: *Język Neogromanski de J. Szonimski, Warszawa (p. 36)*.
 О словообразовании, некоторых грамматических особенностях лингвопроекта; точное его название и фамилия автора: *Język Neogromański de J. Szonimski*.
- I42. W[ahl] E. *Latino viventi per Fibula... (p. 36)*.
 Проект усовершенствованной латини, близкий к средневековому латинскому языку.
- I43. []. *Li "Vocabularium German-Occidental" de Sr J. Gär... (p. 36)*.
 Словарь подготовлен; о необходимости финансовой поддержки в связи с изданием.

1926

N 1 (32), januar

- I44. []. *Red. Al nov annu 1926 (p. 1)*.
 В связи с изданием журнала в 1926 г.
- I45. []. *Li actual situation del mundlingual problema (p. 1-2)*.
 О движении за МИЯ; полемика с эсперантистами.
- I46. W[ahl] E. *Espersanto-scientie (p. 2-3)*.
 Polemika со П. Стояном об эволюции в Эсп.
- I47. W[ahl] E. *Li metode de Ido fender paroles (p. 3-4)*.
- I48. W[ahl] E. *Aplication universal del Occidental (P. 4)*.
 Polemika с эсперантистами.
- I49. W[ahl] E. *Critica de mundlingual projectes (p. 4-6)*.
 О лингвопроекте Unilingue (1923) А. Лаваньи.
- I50. W[ahl] E. *Remarca del Redaction (p. 7)*.
 О статье: J. Weisbart. *Antikristike*. *Skribat in Medial European* (напечатана тут же, с. 6-7).
- I51. []. *Ex li mundlingual presse. Un jolli perspective (p. 8)*.

N 2 (33), marte

- I52. W[ahl] E. *Eufonie e Cacofonie in L. I. (p. 10)*.
 В связи с Идо.
- I53. []. *-1. A chascun idé su paroli (p. 10-11)*.
 Реакция на публикацию в бюллетене "Roia".

- I54. Avis a mult correspondentes (p. 11).
- I55. []. Interessent contradiciones (p. 11).
Племика с идистами.
- I56. W[ahl] E. Correctur de erra (p. 12).
Исправления к статье, см. № I47.
- I57. []. Ex li mundlingual presse (p. 12).
Обзор эсперантской и идиетской прессы.
- I58. []. Bibliografie (p. 15).
Материалы в "Academia pro Interlingua",
№ 6, 1925.
- I59. []. Precision e comprensibilitá (p. 18).
В связи с оценкой идистами Окц.

№ 3 (34), mai
- I60. []. Novas (p. 18-19).
Обзор периодики и событий в движении за МИЯ.
- I61. []. Li pronunciation del L. I. (p. 20).
- I62. W[ahl] E. Рец. на: E. Lanty. La langue Internationale
(p. 20).
- I63. W[ahl] E. Рец. на: L. de Beaufront. Kompleta Gramatiko
detaloza di la Linguo Internaciona Ido (p.
20-21).
- I64. W[ahl] E. Mundlingual presse (p. 21).
Обзор изданий: Mondo, № 3 (181), Academia
pro Interlingua, № 2, Union (J. Weisbart).

№ 4 (35), juli
- I65. []. Red. Van esperas (p. 27).
О признании обществом London League of Na-
tions Union языка Эсп.
- I66. []. Plagiatores (p. 27).
- I67. []. Red. Petition a omni coidealistes (p. 27).
Обращение к сторонникам МИЯ с анкетой: дан-
ные о себе; знание тех или иных МИЯ, учас-
тие в движении и оценка современного поло-
жения его
- I68. []. Novas (p. 28).
Практика посылки международных телеграмм на
Окц.
- I69. []. Mundlingual Presse (p. 28-29).
Обзор различных периодических изданий.

170. []]. *Nov-aparitiones* (p. 29).
О лингвопроектах Месо С.Бонда и *Unilingue*
А.Лаваньини.

№ 5 (36), septembre

171. []]. *Li nov clar lingue telegrafic* (p. 42).
О принятии Союзом телеграфистов языка Эсп.
172. [?]. *Faun. Esperanto-Kryptogramm?* (p. 42-43).
Текст на Эсп. и его перевод на Окц.
173. []]. *Esperanto?* (p. 43).
О сообщениях эсперантской печати в связи с
трудностями в использовании Эсп.
174. W[ahl] E. *Li mortov parla* (p. 43).
Выдержки об Эсп. из идистской печати; выска-
зывания Л. Кутюра.
175. []]. *Red. Un interessent Opinion* (p. 44).
Письмо Дрезена Э. о публикации в № 4; выдерж-
ки в переводе на Окц.
176. []]. *Excerptes del mundlinguistic presse* (p. 45-46).
Обзор различных изданий на МИЯ.
177. []]. *Red. Ex por samr* (p. 46).
Информация различного рода.

№ 6 (37), novembre

178. *Grav avis a nor letores* (p. 47).
Сообщение о переводе издания журнала в *Maer
bei Wien* и изменением названия на "*Cosmoglot-
ta*"; при этом журнал будет выходить исклю-
чительно на Окц.
179. []]. *Occidental e Paneuropa* (p. 48).
180. W[ahl] E. "*Linguala Questioni in Mondo*" (p. 54).
И сравнение Идо с Окц.
181. []]. *Esperanto* (p. 55).
О сокращении передач на Эсп. Венском радио.
182. []]. *Rectification* (p. 55).
Э. Дрезен об ошибках в публикации № 5 отно-
сительно книги "На путях к международному
языку".
183. []]. *Novas ex por samr* (p. 55).
184. []]. *Ex li presse* (p. 56).
Обзор печати на МИЯ.

Supplement al "Kosmoglott", 1926, N 1

- I85. [] Red. Ad introduction (p. 1).
В связи с популярностью и распространением языка Окц. необходимость в издании научно-литературного биллетеня.
- I86. W[ahl] E. Lermontov. Culmines del montes... Segun le version russ trad. E. W. (p. 2).
- I87. W[ahl] E. Heinrich Heine. Ein Fichtenbaum steht... trad. E. W. (p. 2).
- I88. W[ahl] E. Lermontov. In supra la azur celesti... Ex russ trad. de E. W. (p. 2).
- I89. W[ahl] E. Ramon de Campoamor. - "Los dos miedos". Li du timores. Trad. E. W. (p. 3).
- I90. W[ahl] E. Alfred de Musset. Li cortine de mu vicina. Ex frances trad. E. W. (p. 4).
- I91. W[ahl] E. Alfred de Musset. Cante. Ex frances trad. E. W. (p. 4).
- I92. W[ahl] E. Longfellow. Li flech e li cant. del Angles trad. E. W. (p. 4).
- I93. W[ahl] E. Lydia Koidula. Max car donation. Traductet ex estonian de E. W. (p. 4).

Supplement N 2

- I94. Gagel C. Li Hypotese de Wegener pri translocation del Continente. Trad. de E. de W. (p. 5-7).
- I95. W[ahl] E. Proverbies (p. 8).
- I96. W[ahl] E. Ex "Doloras" de Ramon de Campoamor. Ex hispan trad. de E. W. (p. 8).

Supplement N 3

- I97. W[ahl] E. Proverbies (p. 12).

Supplement N 4

- I98. [] Red. Exemples de Modell-prosa (p. 15).
О планах создавать на Окц. художественную прозу.
- I99. W[ahl] E. Hymne al feminas. Ex "Gösta Berling" de Selma Lagerlöf. Trad. del sved. E. W. (p. 15-16).

Supplement N 6

200. W[ahl] E. Li "micti tormentes" del Continente de Sent M'Ahesa. Autorisat traduction de E.W. (p.19-21).

Cosmoglotta

1927

N 38 (1), januar, februar

201. Postulationes a Lingue International (p. 7-9).
202. W[ahl] E. Рец. на: J. Robert, E. Pigal. Der Weg zur europäischen Verständigungssprache (p. 13).
203. W[ahl] E. Panasia (p. 14).
Относительно языковых проблем в Азии.

N 39 (2), marte-april

204. []. Occidental Judicies de linguistes (p. 17).
Высказывания об Окц. профессора Тартуского ун-та А.Сааресте, а также А.Л. Герарда.
205. Esque Occidental es romanophil? (p. 18-21).
206. Oriente e Occidente (p. 24-25).
В связи со статьей в "Esperanto", N 1, 1927.
207. W[ahl] E. Russ scientie e L.I. (p. 25).
Относительно мнения акад. А.Ферсмана о МЯ.
208. Interlingua Systematic. J. Rossello-Ordines. Lingua intelligibil, sine studio, ad primo visu. Grammatica cum textu in interlingua et in Franc (p. 25-27).
209. Рец на: Mondolinguo - Weltsprache, li organ del german idistes... (p. 27-28).

N 40 (3), mai-junio

210. Facilitá del aprension (p. 35-39).
Полемика с эсперантистами.
211. []. Faun. Antipodes (p. 42-43).
Отклик в связи с предложениями реформ Идо.
212. W[ahl] E. Monario (p. 46).
Рец. на: Interlexico del lingue arico-semitic Monario-italiano-français-english-deutsch de A. Lavagnini. Roma, 1926.

N 42 (5), septembre-octobre

- 2I3. W[ahl] E. Li possibil future evolution del L. I. (p. 86-87). O брошyre Э. Сэпира, переведенной на Идо: La problemo de Internaciona Lingui Helpanta.
- 2I4. W[ahl] E. Response. Ответ на: J. Rossello-Ordines. Interlingua Systematic. Replica (p. 89). Сама реплика тут же, с. 87-89; см. также № 208.

N 43 (6), novembre-décembre

- 2I5. W[ahl] E. Exceptiones e li vive (p. 93-95).
O "естественной эволюции" языка и проч.
- 2I6. W[ahl] E. Mi - nu, yo - mi (p. 96-97).
- 2I7. W[ahl] E. Li mollat sones n' e l' (p. 97-99).
- 2I8. W[ahl] E. Nov projectes de L. I. (p. 100).
Обзор изданий: W.J. Wengerow. Omo, li lingue del hom, 1926; Sverdl.; Cosman, lingue universal de H. Milner; Quósmianí de W.M.L. Beatty.

1928

N 44 (1), januar

- 2I9. W[ahl] E. Обзор: Heroldo de Esperanto, N 45 (p. 14).

N 46 (3), marte

220. Phonetic o historic scrition (p. 37-39).
221. W[ahl] E. Рец. на: E. Dresen. Za vseóbnim yazykom. Tri veka iskání. (Detre commun lingue. Tri sécules de serchado. 1928. Statal edition del SFSR, con preparolie del academian N.J. Marr).
Относительно критики Э.Дрезеном (в кн. "За всеобщим языком") Э.Валя его окриденализма.
222. In personal affere (p. 46-48).

N 48 (5), mai

223. Futur evolution natural in L. I. (p. 69-72).
224. W[ahl] E. Response. Ответ на: H. Milner. Cosman? (scrit in Cosman) (p. 83).

№ 49 (6), junio

225. W[ahl] E. *Indianic paroles international* (p. 100).
В английском, испанском и португальском языках

№ 51, 52 (8, 9), august-septembre

226. W[ahl] E. *Criterie de L.I.* (p. 138-139).

№ 53 (10), octobre

227. <Обзор>: "Idisto Katolika", № 5, 6 - 1927 (p. 146).

228. W[ahl] E. <Без названия> (p. 148).

Сообщение о подготовке Всемирной Ассоциацией эсперанто "Библиография международного языка".

229. *Saxonic genitiv de Jespersen per -n* (p. 156-157).

В Новиале О.Есперсена.

230. *Naturalitá e artificialitá* (p. 158-159).

№ 54 (11), novembre

231. *Li direction nu secueud* (p. 165-169).

В связи с развитием идеи МИЯ; проблемы распространения Окц. и т.д.

232. *Simplic, duplic, triplic* (p. 177-179).

В связи с книгой Есперсена "An International Language", в которой затронуты вопросы языка Окц.

233. *Personal remarca* (p. 179-180).

Относительно книги Есперсена "An International Language" и утверждений в ней о том, что Окц. является производным от Новиала О. Есперсена и Реформ-Неутрала В.К. Розенбергера.

№ 55 (12), decembre

234. W[ahl] E. <Без названия> (p. 189).

О Н.В. Юрманове, авторе проекта этем, востоковед.

235. W[ahl] E. *Accentuation del adverbial finale -men* (p. 189).

236. *Response*. Ответ на статью: О. Jespersen. *Pri finale -n in novial* (p. 192-194).

1929

N 57 (2), februar

237. International o romanic (p. 27-33).

238. W[ahl] E. < Без названия > (p. 36-37).

Сообщение о заседании 6 декабря обществом "Космоглотт" в связи с 10-летием со дня смерти В.К. Розенберга.

N 62, 63 (7, 8), juli, august

239. Mollat vones n' l' e lor transcripion (p. 125-133).

N 64 (9), septembre

240. Duplic consonantes (p. 155-159).

241. W[ahl] E. < Без названия > (p. 161-162).

В связи с публикацией в "Schola et vita",
N 6, 7.

N 66 (11), novembre

242. Nykl A.R. Universal ethica basat sur un nov revision de lu Bon e Nal. Trad. E. W ahl (p. 181-189).

243. W[ahl] E. Duplic consonantes (p. 196).

244. W[ahl] E. Replica (p. 197).

О замечании от редакции на статью № 242.

N 67 (12), decembre

245. Analytic e syntetic (p. 220-222).

В формах глагола.

1930

N 2 (69), marte, april

246. W[ahl] E., J[ano]tt[a] K., P[igal] E. Рец. на: Bibliografic de Internacia lingvo de P.E. Stojan (p. 25-30).

1933

N 3 (88), mai, junio

247. Li accentu in li scientific paroles in -ie (p. 33-35).

1934

N 2 (93), februar

248. suffixes con simil signification (p. 19-20).

249. -atu, -ità, -ité, -esse, -ie, -erie (p. 20).

В связи с Идо.

250. Suffixes por geografic nomines (p. 29).

N 3 (94), marte

251. Important avis por omni correspondentes con Estonia (p. 39).

+ + +

252. Linguistic responses (p. 53-?).

253. Styl e harmonie in lingue international (p. 81-?).

254. Li futur lingue auxiliari de Europa (p. 84-?).

+ + +

N 7 (98), septembre-octobre

255. Linguistic responses (p. 101-102).

Формы типа altri, bentost, che, con, desde, durant...

256. [] .<Без названия > (p. 112).

Письмо организаторам Swiss Association por Occidental (письмо от 23 сентября 1934 г.).

N 8 (99), novembre-decembre

257. Linguistic responses (p. 117-118).

Суффиксы ita, ité, артикль lu etc.

1935

N 1 (100), januar-februar

258. W[ahl] E. Internationalita e regularita (p. 3-4).

N 2 (101), marte-april

259. Some weak points of Occidental summarized (p. 17-19).

Под таким названием "The British Esperantist" напечатал статью У.Э. Коллинсона и Дж. Бучанана.

260. Linguistic exploraciones. Pronunciation de ch (p. 20-21).

N 4 (103), juli-august

261. Linguistic responses (p. 61-62).
Относительно *seme*, *masca* - *mascara*, *esce*.
262. Li mult Occidental suffixes. (Scrit in simplificat ortografie) (p. 51-52).
С фотографией автора (1935).
263. [] . < Без названия > (p. 61).
В связи с письмом: "Un lettre de Sr. J. Weisbart (Scrit in "Mundi-latin").

1937

N 1 (112), januar-februar

264. Rd. Charles Kemp in memoriam (p. 1).
Составитель словаря английско-окциденталя.

N 2 (113), marte-april

265. W[ahl] E. Li ciel clara se (p. 17-18).
В связи с публикацией в "Novialist", № 10.

N 7 (118), novembre-decembre

266. Li lingue international - un artistic problema (p. 97-98).
С фотографией Э.Валя "эпохи Волапюка".

Serie B - "Informationes", N 2 (10), april

267. Esque vermen Occidental es caotic? (p. 17-21).

Serie B - "Informationes", N 5 (13), octobre

268. [] . < Без названия > (p. 78).
Письмо Э.Валя в связи с 70-летием и получением большого числа поздравлений и т.д.

1938

N 1 (119), januar

269. Facilisant irregularitas (p. 1-2).

N 3 (121), may

270. W[ahl] E. (Trad.) Arvid Balk: Li voce del continentos (p. 45-47).

Serie B - "Informationes", N 15 (1), februar*

271. [] < Без названия > (p. 11).
Мнение относительно МИЯ и Окц. на современном этапе.

Serie B - "Informationes", N 18 (4), julí

272. Li pronómines personal (p. 41-43).

Serie B, N 20 (7), octobre

273. Richesses natural o patologic (p. 73-75).
274. W[ahl] E. Quelc linguistic responses (p. 84).

1939

N 3 (126), may

275. W[ahl] E. < Ответ на > P. Mitrovitch, Un interlinguistic central organ e un central biblioteca (p. 34).

Serie A, N 3 (126), may

276. [] Li convergentie de sufires (Ex li copie-libre de Edgar de Wahl, scrit in julí 1908) (p. 38-40).
Autorisat adaptation ex "Auli" (Proto-Occidental), de Ilmari Federn.

Serie A, N 4 (127), julí

277. Quelc remarcas pri parol-finales (Ex li copie-libre de Edgar de Wahl, secun lettres adressat à W. Rosenberg er 11. junio e 20 julí 1908) (p. 49-50).

278. Li accentu in li lingue international (p. 54).
В связи с публикацией в "Schola et vita", N 3.

Serie A, N 5 (128), septembre-décembre

279. Qualcun yo ha laborat (p. 65-66).
280. Li procrust-lette de Esperanto (Ex li copie-libre de Edgar de Wahl, scrit in julí 1908) (p. 67-68).
Ex "Proto-Occidental" de J. Federn.

* Оригинал напечатано: Januar.

PRI LA INTERLINGVISTIKA AGADO DE E. de WAHL
(Kun bibliografia aldono laŭ "Kosmoglott" kaj
"Cosmoglotta")

Aleksandr D. Duličenko

Edgar de Wahl (1867-1948) estas konata interlingvisto, unu el la kreintoj de la t.n. naturalisma skole en interlingvistiko kaj kreinto de la internacilingva projekto Occidental (ekde 1949 - Interlingue). En la artikolo estas priskribitaj principoj de la internacia lingvo de "natura tipe" (principoj de la naturalismo en lingvoprojektado), ellaboritaj de E. de Wahl. Speciale estas prezentitaj gramatika skemo de Occidental-Interlingue kaj informoj pri la nuntempa stato de la Interlingue-movado. Por historio kaj teorio de la interlingvistiko ankaŭ gravas la polemiko en la 20-aj jaroj inter E. de Wahl kaj la interlingvisto akad. N.V. Juŝmanov pri teori-aj ("naturaj") kvalitoj de Occidental, interlingvistika diskuto en 1935 inter E. de Wahl kaj la dana lingvisto kaj interlingvisto, kreinto de la internacilingva projekto Novial (1928) prof. dr. O. Jespersen (interese ke ili ambaŭ diskutis en "sia" lingvo, t.e. E. de Wahl - en Occidental, O. Jespersen - en Novial).

Tre grava estas la rolo de E. de Wahl en la interlingvistika societo "Kosmoglott" kreita en 1916 en Petrograd kaj revivigita per lia iniciato fine de 1921 en Revel (Tallinn). La aŭtoro de la artikolo publikigas la verkitaĵon de E. de Wahl "interlingvistikan manifeston" (1921) de la societo "Kosmoglott", kiu ĝis nun ne estis konata en interlingvistiko. La "interlingvistika manifesto", verkita en rusa lingvo kaj publikigita en iu tiama ruslingva eldonaĵo de Tallinn, enhavas ĉefajn principojn de scienca aliro al la problemo de la internacia (kaj monda) lingvo. Al la artikolo estas aldonita bibliografio de interlingvistikaj artikoloj, notoj kaj notetoj, recenzoj ktp., kiujn E. de Wahl publikigis en la scienca organo de la interlingvistika societo "Kosmoglott" (1922-1926) kaj en ĝia posteule "Cosmoglotta" (1927-1939). La bibliografio estas printita kaj prezentita en kronologia kaj "ponumera" ordo (mankas nur kelkaj numeroj de "Kosmoglott" kaj "Cosmoglotta"). Entute ekzistas 159 numeroj: "Kosmoglott" - 37 + 6 aldonoj, "Cosmoglotta" - 91 + 25 aldonoj. En 1922-1939 E. de Wahl publikigis sur iliaj paĝoj ĉirkaŭ aŭ pli ol 300 artikolojn, notojn kaj recenzojn (sua bibliografio enhavas 280 titolojn).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ИДИОМ-НЕУТРАЛЯ
(часть I)

С.Н. Кузнецов

Идиом-неутраль (Idiom Neutral) принадлежит к числу тех немногих систем плановых (= международных искусственных) языков, которые были реализованы в человеческом общении и тем самым переступили порог, отделяющий проект языка от подлинного языка в его социальном бытовании.

В свое время И.А. Бодуэн де Куртене, заинтересовавшись истоками человеческой речи, установил ряд различий между "языком" животных и языком человека. Переход от первого ко второму в процессе эволюции человеческого рода он назвал термином "человечение языка" (нем. *Vermenschlichung der Sprache*) [1, I, 258 и сл.]. Интерлингвистика также имеет дело с "человечением языка", но совершенно особым, связанным с превращением некоей языковой схемы в полнокровный и развивающийся языковой организм, действующий по своим собственным законам в человеческом коллективе. Установить факторы, обуславливающие возможность перехода проекта в язык, и законы последующего функционирования языка - одна из наиболее важных задач интерлингвистики [см. 2; 11]. Однако сделано на этом пути еще крайне мало, чему препятствует, несомненно, недостаток фактических сведений по истории тех или иных систем, реализовавшихся в общении. Между тем конкретные формы "человечения" этих систем весьма разнообразны: лишь один плановый язык - волапок, - будучи первым коммуникативно реализованным языком, возник как бы "на пустом месте", не имея прототипов среди ранее использовавшихся систем. Все другие, следующие за волапоком, плановые языки вступали в конкурентные отношения с уже практиковавшимися языками, имевшими больший или меньший круг приверженцев. При этом начинали проявлять себя закономерности еще одного типа, также мало изученные интерлингвистикой, - законы "борьбы за существование", выживания одних систем и упадка других. Жесткий отбор, направляемый не биологическими, а социолингвистическими факторами, выявлял устойчивость или неустойчивость отдельных

систем. Так, эсперанто, пройдя через ряд кризисных моментов своей истории (соперничество с другими системами, расколы в рядах своих сторонников), неизменно подтверждал свою стабильность, тогда как остальные системы оказывались неустойчивы и, как правило, недолговечны.

Таким образом, история искусственных языков, получивших коммуникативную реализацию, — это не только история тех или иных изменений внутри самого языка (лингвистическая история), это также и не отделимая от нее социальная история данной системы, иначе говоря, история взаимодействия лингвистических структур с социальным фактором (коллективом носителей данного языка).

Изучение указанного взаимодействия, выявление причин, способствующих или препятствующих "человечению" планового языка, его упрочению или гибели, способно пролить новый свет на законы функционирования языка в человеческом обществе. В этом смысле каждый опыт осуществившегося перехода проекта планового языка в коммуникативно реализованный язык является драгоценным для интерлингвистики. Опыт же идиом-неутрала во многом является уникальным и бесспорно заслуживающим самого пристального внимания — тем более что история этого языка неразрывно связана с развитием отечественной интерлингвистики, восходящей своими истоками к двум некогда соперничавшим системам — эсперанто и идиом-неутралу.

Предыстория идиом-неутрала

Создание идиом-неутрала явилось непосредственной реакцией на тот негативный опыт, который был накоплен практикующими волапюкистами. В этом смысле можно сказать, что идиом-неутраль — одновременно и наследник, и антагонист волапюка, его "зеркальное отражение", в котором с необычайной отчетливостью запечатлены сдвиги в отношении общества к структуре международного языка. Волапюк, появившийся в 1879 г., привлек внимание публики теми самыми качествами, которые позднее стали препятствовать его применению и в конечном счете вызвали разочарование в нем. По мысли создателя волапюка Й.М. Шлейера, этот язык призван был стать проще и богаче естественных языков. Первое достигалось введением фонетического написания, сокращением длины слов, устранением трудных звуков, грамматических исключений, многозначности и синонимии слов. Второе должно было явиться следствием без-

границного разнообразия словообразовательных и грамматических показателей, различающих все мыслимые оттенки значения. Эти свойства волапука составили ему хорошую рекламу, но для практического употребления оказались помехой, так как результатом произвольного "исправления" словаря явилось искажение облика интернациональных слов (plim вместо "комплимент", kadem вместо "академия" и т.п.), а результатом "обогачения" грамматики — построение чрезвычайно сложной грамматической схемы с сотнями допустимых форм.

Поэтому уже с момента создания волапука его конструкция несла в себе зачатки будущих реформ, и последние не замедлили себя обнаружить, как только язык стал практиковаться в общении. Виднейший французский волапукист О.Керкгофс возглавил оппозиционное Шлейеру течение в волапуковском движении, требовавшее радикального упрощения грамматики. По его словам, "совершенство международного языка должно состоять не в многообразии форм, а в их простоте; всякий грамматический нюанс, который не выражается одновременно в четырех основных языках Европы — французском, английском, немецком и русском, — должен безоговорочно изгоняться из международного языка как бесполезный и излишний" [23, 5]. Подобного рода упрощения грамматики Керкгофс стал вводить уже в первые свои учебники волапука (1885), которые, в переводах на различные языки, разошлись по многим странам мира, вызвав широкое сочувствие идее реформ.

Именно для необходимого совершенствования языка II всеобщий конгресс волапукистов (6–9.8.1887, Мюнхен) создает "Международную академию волапука" ("Kadem Bevünetik Volapüka"). Она была избрана 9.8.1887 в составе 17 членом, представляющих 12 стран мира. Директором Академии стал О.Керкгофс; от России в нее вошел известный деятель волапуковского движения петербургский инженер В.К. Розенбергер. Последнему предстояло не только сыграть в Академии выдающуюся роль, но и оставить подробный очерк ее деятельности [14].

В год мюнхенского конгресса О.Керкгофс издал "Критический обзор упрощений, подлежащих введению в волапук" [24] и предложил членам новоизбранной Академии программу работы, касающуюся всех сторон языка — алфавита, грамматики, словарного состава и словообразования. В свою очередь Й.М. Шлейер, которому мюнхенский конгресс присвоил почетный титул "возглавителя" (sifal; позднее этот термин интерпретировался иногда в смысле "президент Академии"), предложил на рассмот-

рение Академии ряд языковых проблем наподобие следующей: "К чему следует более всего стремиться при образовании новых слов - к краткости или ясности?" [10, 148].

Решения, принятые Академией по языковым вопросам, передавались гласности посредством журнала "Le Volapük", издававшегося Керкгофсом в Париже и ставшего официальным органом Академии [38]. Между прочим, Академия одобрила следующие два принципа, которыми следовало руководствоваться при выборе корней: 1. Разрешается принимать любые корни, но по возможности следует предпочитать краткие корни, имеющиеся в национальных языках; 2. Необязательно сохранять исходную форму корня, но лучшая форма - та, которая ближе всего к исходной" [14, 292-293], например, *baromet* 'барометр', *telegraf* 'телеграф' предпочтительнее принятых в волапюке *balomet*, *telegaf*. Л.Кутюра и Л.Ло явно ошибаются, считая, что посредством этих двух решений "Академия порвала с основными принципами волапюка в пользу метода апостериори" [10, 148, примеч. 3]. На самом деле до подлинного апостериоризма здесь еще очень далеко, так как по-прежнему допускаются "любые корни", в том числе априорные (типа *bal* 'один', *tel* 'два', *kil* 'три') или с деформированной исходной формой (*baromet* вм. **barometr*) [22, 13], а именно таких корней в волапюке было большинство. Скорее указанные два принципа следует понимать как первое осознание неудовлетворительности методов априори и первую попытку найти альтернативные решения, которые помогали бы при выборе новых корней.

Из других решений Академии этого времени отметим одно весьма важное, которое пережило эпоху волапюка и вошло далее в грамматику идиом-нейтраля: определяемое (слово или предложение) всегда предшествует определяемому. Так, прилагательные и числительные ставятся после существительного (*buks gudik* 'книги хорошие'), сказуемое после подлежащего (даже при вопросе: *fat li rikoz?* 'отец ли говорит?'), дополнения после сказуемого, придаточное предложение после главного. Тем самым Академия отказалась от принципа свободного порядка слов [14, 293], которым руководствовался автор волапюка и который до известной степени оправдывал изобилие грамматических форм в этом языке (падежей, согласовательных форм прилагательных и т.п.).

В это же время наметился конфликт между Академией и Шлейером, претендовавшим на право вето на все решения Академии. Последняя была готова предоставить ему три голоса при

принятии решений по языковым вопросам, но отказала в праве вето, считая волапук достоянием публики, а не одного лишь его изобретателя.

Глубокие расхождения между Шлейером и Керкгофсом все же не смогли помешать проведению в Париже III всеобщего конгресса волапукистов, которым была отмечена кульминация волапукского движения. Конгресс, проходивший 19-21 августа 1889 г., принял Устав волапукской Академии из 21 пункта. Важнейшие из них были следующие:

1. Академия занимается исключительно пополнением и совершенствованием грамматики и словаря изобретателя [т.е. Й.М. Шлейера].

2. Академия является единственным авторитетом в языковых вопросах. (...)

13. Решения принимаются абсолютным большинством голосов. (...)

15. Резолюции, принятые Академией, должны немедленно представляться изобретателю. Если изобретатель не опротестует резолюции в течение 30 дней, они вступают в силу. Резолюции, которые не получили одобрения изобретателя, снова представляются Академии и вступают в силу лишь по принятии их большинством в две трети голосов. (...)

21. Данный устав может быть изменен только международным конгрессом " [37, 8; нем. пер.: 14, 310-313].

Как видно из этих формулировок, Академия получала от парижского конгресса широкую автономию и фактическую независимость от воли "изобретателя" (Datuval)¹.

¹ Отметим, как характерный признак эпохи, термин "изобретатель" в применении к автору волапука. В этом оказался своеобразный технологический подход к языку, с уподоблением его механизму, который можно "изобрести" (и на который, следовательно, возможно распространить авторское право, как на любое другое изобретение, что и пытался сделать Шлейер). Подобный взгляд на язык, игнорирующий его социальную природу, не встретил противодействия даже со стороны такого выдающегося лингвиста, как И.А. Бодуэн де Куртэн. "В области изобретений я могу указать на всемирный язык 'Volarik'", писал он в 1889 г. в статье "О задачах языкознания" (там же встречаются и такие выражения, как "изобретатель этого искусственного языка", "изобрести международный искусственный язык") [1, I, с. 220]. В статье же "Вспомогательный международный

Эти пункты устава не были санкционированы Шлейером, который с тех пор не принимал участия в деятельности Академии, а позднее вообще отказал ей в своем признании (см. ниже).

Что же касается реформирования грамматики волапука, то парижский конгресс не принял по этому поводу никаких решений. Программа реформ, намеченная Академией, не была выполнена ею до конца. Керкгофс предложил конгрессу на рассмотрение проект грамматики, в котором пункты, уже обсужденные и

язык" (1908) Бодуэн рассматривал такой язык в общем контексте изобретательской деятельности человечества: "XIX век, век изобретений, знаменующих собой громадный прогресс человечества в области господства над природой и использования ее энергии для общественных целей, действовал возбуждающе тоже в сфере лингвистической изобретательности и лингвистического синтеза. Все чаще некоторые умы начали ставить себе задачу создать искусственный язык для всех людей" [1, II, с. 146]. Эта концепция удержалась в интерлингвистике недолго. Еще в 30-х гг. советский эсперантолог Е.Ф. Спиридович относил создание вспомогательного международного языка к области "лингвотехнологии" [7, 29]. Между тем в интерлингвистике были высказаны по этому поводу и иные воззрения, лучше согласованные с природой планового языка (как и языка вообще). Розенбергер сочувственно цитирует мнение А. Липтая о том, что искусственный язык должен быть "не изобретен, а открыт" [12, 128; 14, 302], ибо его элементы можно обнаружить в разрозненном виде в пласте международных слов, имеющих в национальных языках. При таком подходе автор искусственного языка предстает уже не как "изобретатель", а "открыватель", что предполагает отказ от авторского произвола при определении форм языка (как и от авторского права на него). Впрочем, другие высказывания Розенбергера дают основание полагать, что ему не чужд был и "лингвотехнический" взгляд на искусственный язык (см. ниже изложение статьи [33]). Еще один подход продемонстрировал автор эсперанто, справедливо полагавший, что международный язык, как и всякий национальный, есть "достояние общественное", и поэтому предложивший считать себя не создателем, а "инициатором" этого языка [см. 5, 64-68].

санкционированные Академией, соседствовали с собственными предложениями Керкгофса (например, о спряжении глаголов и о местоимениях), но последние не нашли поддержки у ряда членов Академии. В этих условиях конгресс ограничился тем, что поручил Академии продолжить работы по составлению простой грамматики волапюка.

После конгресса работа Академии возобновилась, но уже с меньшей энергией и по иному плану. Вместо того, чтобы продолжить процедуру голосования по отдельным пунктам грамматики, директор Академии предпочел выставить на обсуждение свой проект в целом, поручив членам Академии рассмотреть его совместно с национальными обществами волапюкистов в соответствующих странах. Единственным следствием этого было то, что вместо одного проекта реформированной грамматики их возникло сразу несколько, причем некоторые были тогда же опубликованы в волапюкской печати. К концу 1890 г. насчитывалось уже 9 различных проектов, представленных членами Академии от 7 стран (в Германии и Франции было разработано по два проекта) [14, 296]: 1) Австрия: Prof. Dr. Siegfried Lederer, Prof. Dr. Alfons Ritter von Rylski (Wien) - совместный проект [32]; 2) Англия: George Day (London), Joseph Holden (Preston) - совместный проект; 3) Бельгия: Prof. Arthur Heyligers (Antwerpen); 4) и 5) Германия: Prof. Dr. O. Knuth (Steglitz b. Berlin); Friedrich Krüger (Hamburg); 6) Дания: Paul Plum (København) [33]; 7) Россия: В.К. Розенбергер (Петербург); 8) и 9) Франция: Prof. Hippolyte Guigues (Paris); Prof. Dr. Auguste Kerckhoffs (Paris).

В 1890 г. в России был создан еще один проект реформированной грамматики волапюка. Он принадлежал одной из сподвижниц В.К. Розенбергера, активной участнице Петербургского кружка волапюкистов Г.А. Эндернейт (H. Enderneitt). В печати этот проект появился в 1892 г. - за год до избрания Г.А. Эндернейт в Академию волапюка. Этот проект нам известен [21]. Он отличался довольно радикальным характером: алфавит волапюка сокращался до 20 букв, склонение существительных и местоимений упразднялось (значение дательного падежа передавалось с помощью *al*, родительного - с помощью *de*), степени сравнения прилагательных выражались аналитически (частицами *plu*, *lerlu* для сравнительной и превосходной степени), множественное число существительных (а при необходимости и прилагательных) выражалось как в волапюке - посредством *-s*, число глагольных форм существенно сокращалось (прежде всего

за счет упразднения форм лица и числа). Многие из этих черт позднее можно будет обнаружить в конструкции идиом-неутрала. Вместе с тем лексика оставалась волапюкской, так что реформа не выходила за рамки грамматики. Г.А. Эндернейт между прочим сообщает некоторые данные о проекте В.К. Розенбергера (см. выше, № 7). По ее словам, этот проект отличался минимальной ломкой грамматики волапюка (в нем, напр., сохранялся винительный падеж). Значительно дальше продвинулся по пути реформ датский проект П. Плума (№ 6). К этому проекту были близки и предложения Г.А. Эндернейт.

Реформистская волна 1889-1890 гг. обострила все внутренние противоречия волапюкского движения. Различные волапюкские общества вступали в ожесточенную полемику друг с другом, журналы, терявшие своих подписчиков, закрывались, рядовые сторонники языка покидали движение, навсегда разочаровавшись в идее международного языка либо перейдя к другим системам (в первую очередь к эсперанто)². Волапюкисты, сохранявшие приверженность волапюку, напряженно ожидали, какие действия предпримет директор Академии, но последний месяцами не давал о себе знать [14, 295-296].

В этих условиях петербургское общество волапюкистов "Zi-lak volapüköl"³ выступило с инициативой коллективного обра-

² Некоторые члены Академии занялись разработкой собственных проектов искусственного языка, окончательно отвернувшись от волапюка. К 1885 г. относится неизданный проект члена Академии Ч.Спрага (Charles E. Sprague, New York), к 1889 г. проект "Lengua Universal" Н. де Угарте (Prof. Nicolas de Ugarte, Guadalajara). В том же 1889 г. с проектом "Spokil" выступил бывший сподвижник О.Керкгофса, вице-президент французской волапюкистской ассоциации А.Никола (A. Nicolas), не входивший в состав Академии волапюка. В последующие годы отдельные члены Академии опубликовали и другие проекты; так, уже в 1893 г. появились: "Dil" Й. Фивегера, "Lingua Monde" Э. Френча, "Universala" Э.Хайнцелера.

³ Букв.: "Кружок говорящих на волапюке"; основан 28 ноября (н.ст.: 10 декабря) 1889 г. Этот кружок, развивший в свое время активную деятельность, удивительным образом остался неизвестным историкам отечественной интерлингвистики. Э.К.Дрезен ошибочно утверждал, что "в 1887 г. в Москве было образовано первое и единственное в России

чения к директору Академии, с тем чтобы побудить его поставить на голосование 9 вышеуказанных основных проектов, сгруппировав содержащиеся в них предложения по отдельным параграфам. Это обращение было подписано 23 членами Академии и 19 видными волапюкистами, однако действия не возымело. Вместо этого в декабре 1890 г. во втором (и последнем) номере только что основанного им "Официального журнала Академии" [34] О. Керкгофс вновь выступил с проектом полной грамматики волапюка, сопроводив его довольно нечеткими указаниями на предложения других членов Академии [25]⁴. Этот образ действий не мог, разумеется, привести к согласию соперничавшие между собой партии, и О. Керкгофс сложил с себя полномочия директора (циркуляром от 20.7.1891).

Академия избрала из своей среды "Временный комитет" ("Komitee büfüük") в составе трех лиц (P. Champ-Rigot, H. Guigues, A. Neuligers) местопребыванием в Париже. Комитет выпустил 6 циркуляров (с 2.11.1891 по 14.12.1892), посредством которых он уведомлял членов Академии о своей деятельности, и опубликовал от имени Академии так называемую "Нормальную грамматику" волапюка [22], в которой были сведены воедино все исправления волапюкской грамматики, уже одобренные Академией. Эта грамматика вызвала негодующую реакцию Шлейера, полностью ее отвергнувшего [27].

Комитет подготовил также выборы нового директора, которым стал представитель России в Академии волапюка - В.К. Розенбергер. Правда, дело и здесь не обошлось без осложнений, ставших уже привычным явлением в распадающемся волапюкском мире. Циркуляр Временного комитета от 14.12.1892 г., извещава-

волапюкистское общество" [3, 124]. Такое общество действительно существовало (его полное название: "Общество Московских Воляпюкистов"), но оно далеко не играло той роли в интерлингвистическом движении, какую принял на себя "Zilak volapüköl".

⁴ Из сказанного явствует, что реформирование волапюка в работах О. Керкгофса претерпело несколько стадий: оно наметилось уже в первых его учебниках волапюка (1885), а затем принимало форму эскизов полной грамматики в 1887, 1889 и 1890 гг. Нам, однако, не известно, чтобы какой-либо из этих эскизов носил название "Volapük reformé" или "Nuvo Volapük", которое приписывает ему П.Е. Стоян [16, 483].

ний Академии об избрании нового директора, был опротестован одним из членов комитета (А. Neuligera), и Розенбергер вступил на свой пост лишь 16 мая 1893 г., когда независимый волапкский клуб ("Volapükaklub de Leitmeritz"), призванный в качестве арбитра, подтвердил его полномочия.

Период директорства Розенбергера — с 16 мая 1893 г. по 16 мая 1898 г. — и явился временем разработки нового искусственного языка, позднее получившего название идио-неутраль.

Обратим особое внимание на следующее обстоятельство. Деятельность Академии составляла в ту эпоху один из двух фокусов, концентрировавших в себе жизненные силы движения за международный язык. Вторым таким фокусом был набиравший все большее число сторонников язык эсперанто, появившийся в 1887 г. Известно, что первый период развития эсперанто — до 1898 г. — носит название "русского", ибо эсперантское движение в это время локализовалось преимущественно в пределах Российской империи (т.е. в собственно России и Польше) [5, 71]. Этот период, как видим, частично совпадает с "русским" периодом в деятельности Академии, когда она направлялась теоретическими импульсами, исходившими от Розенбергера и его петербургских сотрудников. Таким образом, пятилетие 1893—1898 гг. было отмечено выдвижением на передний план российских участников движения за международный язык.

Несмотря на краткость, этот период оказался весьма важен как для самого движения, так и для рождающейся интерлингвистической теории. Предшествующий период 1879—1893 гг. явился временем экспериментальной проверки волапюка, доказавшей его практическую непригодность и заставившей искать новые принципы построения искусственного языка. Однако крах волапюка отвратил многих его сторонников от искусственного языка вообще. Движение за международный язык могло сохранить себя лишь после критической переоценки прежних концепций и освоения новых теоретических идей. Созданием подобной атмосферы идейного обновления интерлингвистика и обязана "русскому" пятилетию 1893—1898 гг.

То, что на протяжении этого пятилетия кризис был успешно преодолен, доказывается последующими событиями. В истории эсперанто "русский" период сменяется французским (1898—1905), и точно так же за "русским" периодом в деятельности Академии следует "американский" (1898—1908) — два сдвига, говорящие о новом (после волапюка) расширении географических рамок

движения за международный язык и обосновывавшей этот язык теории.

Перемещение руководящего центра Академии в Россию в 1893 г. было не случайно. Упомянутый выше петербургский кружок волапюкистов "Zilak volarüköl" оказался одним из немногих, который из кризиса волапюка смог вынести положительный урок и решительно сменить курс. Много позднее Розенбергер вспоминал: "В 1892 г., когда жизнь в волапюкском мире быстро замирала, журналы переставали выходить, клубы закрывались, директор Международной академии волапюка прервал работу и руководство оказалось в руках Временного комитета, почти уснувшего, - в С.Петербурге, в небольшом кружке сторонников всеобщего языка "Zilak volarüköl" активно билась жизнь. Каждый вторник происходили собрания, а в какой-либо другой день недели кроме того собиралась особая лингвистическая комиссия" [15, 54]. Эта комиссия, специально созданная для "обсуждения улучшений в волапюке", провела в 1892 г. 9 заседаний; протоколы первых двух из них (от 3/15 и 10/22 июля) были опубликованы В.К. Розенбергером [15].

Комиссия состояла из 6 человек (большинство из них были "русские немцы", среди которых волапюк, пришедший из Германии, впервые стал распространяться): М.И. Коровина, К.А. Михаэль (K. Michael), В.К. Розенбергер, О.П. Серк (O. Serck), О.В. Чохер (O. Zschocher) и уже упоминавшаяся Г.А. Эндернейт (H. Enderneitt). М.И. Коровина и Г.А. Эндернейт являлись авторами лучшего русского учебника волапюка (1889), "составленного по последним решениям Академии всемирного языка", т.е. включавшего уже ряд реформ волапюка [20]. Этот учебник проводил "строгое изгнание всякой грамматической формы, не свойственной главным языкам Европы", т.е. английскому, немецкому, французскому и русскому, а также и идиоматизмов, не существующих одновременно во всех этих четырех языках [там же, с. 73]. Такой подход соответствовал одному из важнейших положений О.Керкгофса, который считал излишним всякий грамматический нюанс, не представленный в тех же четырех языках (см. вл.е). Отсюда недалеко уже до идеи систематического сопоставления "контрольных языков" [6, 46] для обнаружения международных слов. И этот шаг был действительно сделан. В.К. Розенбергер предложил список новых корней, более международных, чем корни волапюка, напр., barb вм. волапюкского balib 'борода' или bel вм. jönik 'красивый'. Новые корни были выделены им путем сравнения 7 естественных языков - тех

четырёх, которые были приняты за основу Керкгофсом (английский, французский, немецкий, русский) и дополнительно ещё трёх (итальянский, латинский, испанский). Для указанных семи языков были предложены условные символы (соответственно e f d r i l a) [15, 55], так что каждый корень мог получить теперь своего рода формулу международности: barb - e f d i l a; bel - e f d r i l a. Хотя при этом ещё не шла речь о создании нового языка вместо волапюка и специально подчеркивалось, что волапюкские слова, включённые в 3-е издание словаря Шлейера (1885), по возможности должны сохраняться неизменными, процедура, предложенная Розенбергером, имела большое научное значение. Необходимость использования интернационализмов в это время все больше утверждалась в теории международного языка (а автор эсперанто ещё в 1887 г. взял этот принцип в основу своего проекта). Однако до той поры интернационализмы определялись чисто интуитивно, методом "проб и ошибок", который как раз и не гарантировал против возможных ошибок. Розенбергер впервые предложил способ отыскания интернационализмов, который должен был действовать автоматически, помимо воли и произвола автора искусственного языка, и который, тем самым, на место интуиции ставил осознанный научный подход. В этом стремлении найти научно обоснованные критерии для создания искусственного языка и состоит основной вклад авторов идиом-нейтраля в интерлингвистику.

Академия при Розенбергере (1893-1898)

Вступив в права директора Академии всемирного языка, Розенбергер стал издавать печатные циркуляры, посредством которых осуществлялась связь с членами Академии, жившими в разных странах [35]. Первые шаги директора были довольно неожиданными. Вместо того чтобы продолжить реформирование грамматики волапюка (чем до той поры занималась Академия), Розенбергер предложил отказаться от мысли немедленно ввести в употребление новые грамматические правила. По его мнению, следовало сохранить преемственную связь с тем языком, на котором были написаны основные произведения волапюкской литературы, учебники, словари и т.п. Поэтому он предложил принять решение о том, что "резолуции Академии относительно каких-либо улучшений [в волапюке] не должны сразу же использоваться в официальном языке Академии" (циркуляр 1, 15/27.1.1893). Академия, согласившись с этими доводами, постановила, что ее официальным языком останется волапюк, со-

новывающийся на 3-м (наиболее распространенном и переведенном на ряд языков) издании волапюкского словаря Шлейера (1885) и на "Нормальной грамматике" Академии (1892), но с устранением из нее некоторых существенных новшеств. С этой целью было издано "Приложение к Нормальной грамматике" [26], которым аннулировались отдельные произведенные ранее реформы. На этом "официальном языке Академии" (salariik Kadema) и публиковались циркуляры Розенбергера. Он предпринял также попытку издавать "Труды Международной академии всемирного языка" [37], но единственный вышедший в свет номер этих "трудов" (от 1.8.1893) был позднее причислен к циркулярам директора за № 3а.

Состав Академии при Розенбергере существенно обновился. Некоторые прежние члены оставили Академию, зато пришли новые, в том числе представители России: трое участников петербургского кружка волапюкистов (Г.А. Эндернейт, О.В. Чохер, О.П. Серк - последний, впрочем, на правах не члена, а секретаря и казначея академии) и эсперантист, член петербургского общества "Эсперо" В.Ф. Шмурло, не удовлетворявшийся деятельностью этого общества (циркуляр 30, 31.8.1896)⁵. В 1895 г. членом Академии стал М.А.Ф. Хоумс (США), которому предстояло возглавить ее после Розенбергера, а в 1896 г. еще один средставитель США, Б.Маккенсен, оставивший заметный след в ее деятельности. В разное время были приняты и другие члены - каждый обычно на пятилетний срок, после чего некоторые переизбирались и на последующие сроки. В целом состав Академии варьировал на протяжении директорства Розенбергера от 22 до 26 членов; всего к созданию идном-нейтраля оказа-

⁵ Еще одним членом Академии от России был А.И. Гаррисон (англичанин по происхождению), избранный в нее в 1887 г. Таким образом, Россия была представлена в Академии лицами немецкого, английского и польского (В.Ф. Шмурло) происхождения, но не включала ни одного собственно русского. Этот факт лишь на первый взгляд кажется парадоксальным; на самом деле он стоит в связи с той общей закономерностью, что движение за международный язык в первую очередь находило благоприятную почву в среде национальных меньшинств, непосредственно ощущавших неудобства языкового барьера. Показательно, что многие авторы известных систем международных языков (эсперанто - Л. Заменгоф, окциденталь - Э.Валь) происходят именно из этой среды.

лись причастны за этот период 40 членов Академии от 16 стран трех континентов. Приведем их полный список с указанием длительности пребывания каждого члена в составе Академии [по I4, 3I0-3I3 с некоторыми добавлениями и уточнениями]: Австрия - 1) S. Lederer (4.2.1894-17.11.1894); 2) A. Röhr (24.1.1894-31.8.1896); Бельгия - 3) H. Dieckx (25.4.1892-29.11.1893); 4) J. Waegenaere (7.6.1894-7.6.1909); Бразилия - 5) E. Nunes Pires (25.4.1892-25.4.1897); Великобритания - 6) A. Henderson (25.4.1892-15.9.1910); Германия - 7) J. Frost (18.5.1896-1907 ?); 8) F. Hoffmann (30.7.1893-1.1.1910); 9) F. Krüger (5.1889-12.11.1894); 10) K. Lentze (15.11.1893-15.11.1908); 11) H. Petersen (7.6.1894-18.3.1898); 12) Chr. Schmidt (4.3.1896-1.1.1910); Дания - 13) P. Plum (4.1889-20.8.1909); Египет - 14) B. Fraga (25.4.1892-12.10.1894); Испания - 15) N. de Ugarte (5.1889-1.10.1894); 16) J.G. de Urquijo é Ibarra (30.7.1893-26.3.1897); Италия - 17) A. Actis (11.1887-24.9.1894; 4.5.1895-4.5.1910); 18) E. Bertolini (21.11.1894-1.1.1910); 19) V. Mazzanti (14.5.1894-31.8.1896); 20) R. Oreglia d'Isola (30.7.1893-30.7.1908); Мексика - 21) A.F. Martinez (12.8.1896-31.3.1903); Нидерланды - 22) M.J. Verbrugh (31.5.1896-1.1.1910); Россия - 23) А.И. Гаррисон (J.H. Harrison, 11.1887-4.5.1895); 24) В.К. Розенбергер (W. Rosenberger, 9.8.1887-15.9.1910); 25) О.В. Чохер (O. Zschocher, 30.7.1893-29.5.1901); 26) В.Ф. Шмурло (W. Shaurlo⁶ 6.11.1896-6.11.1906); 27) Г.А. Эндернейт (H. Enderneitt, 30.7.1893-15.9.1910); Румыния - 28) J.P. Licherdopol (11.1887-18.3.1898); США - 29) E.W. Earle (31.5.1896-15.9.1910); 30) E.D. French (15.11.1893-8.12.1906); 31) M.A.F. Holmes (29.11.1895-15.9.1910); 32) S. Huebsch (1.11.1893-1.11.1908); 33) B. Mackensen (31.5.1896-15.9.1910); 34) Ch.E. Sprague (9.8.1887-31.8.1896); 35) M.W. Wood (5.1889-20.8.1904); Франция - 36) H. Baines (24.1.1894-29.5.1895); 37) H. Guigues (11.1887-29.5.1895); 38) A. Morel (4.1889-29.5.1895); 39) C. Roussey (24.1894-12.10.1894); Швеция - 40) J. Runström (15.11.1893-17.7.1894).

Вице-директором Академии в период 1893-1898 гг. был датчанин П.Плум. Академия сохраняла в это время свое первоначальное волашпекское название - "Kadem Bevünetik Volarþík", но осмысление этого названия изменялось. Слово Volarþík в на-

⁶ Сохраняем латинское написание этой фамилии, как оно приводится в публикациях Академии. Более правильным является, однако, написание по польскому образцу: Szmurlo.

звании Академии может пониматься либо как собственное имя — наименование конкретной системы всемирного языка Шлейера, либо как нарицательный термин ("всемирный язык"), применимый к любой системе искусственного языка вообще. С 1887 по 1892 г. Академия являлась высшей языковой инстанцией волапюкского движения, так что слово *Volapük* понималось в первом смысле, и точный смысл названия Академии был — "Международная Академия Волапюка" (что, правда, не всегда отражалась в переводах того времени, см. [20]). С 1893 г. Академия стала на путь построения нового языка и фактически оказалась за пределами волапюкского движения. Поэтому слово *Volapük* получило второе осмысление, и перевод названия применительно к этому периоду должен быть — "Международная академия всемирного языка". Нужно, кроме того, учитывать, что именно в 1893 г. Шлейер образовал параллельную Академию [10, 151], так что разрыв "*Kadef Bevünetik Volapüka*" с волапюкским движением закрепился и организационно. В противоположность Академии Керкгофса-Розенбергера шлейеровская Академия ("*Kadefesef Volapüka*") не оставила никаких следов в истории интерлингвистики, хотя численно она превышала первую: в 1900 г. в шлейеровскую Академию входило 54 члена [8, 102]. В дальнейшем под именем Академии будет подразумеваться именно та Академия, которая была создана в 1887 г. Мюнхенским конгрессом волапюкистов и руководилась последовательно Керкгофсом, Временным комитетом, Розенбергером, Хоумсом.

При Розенбергере Академия занималась разработкой словаря, грамматики, словообразования и фонетики международного языка. Директор публиковал в циркулярах (№№ 1-45, 1893-1898) свои предложения по этим вопросам, которые Академия в большинстве случаев принимала, но иногда вносила в них существенные изменения. Списки обсуждавшихся и принятых слов регулярно помещались в циркулярах; все остальные вопросы (по грамматике, словообразованию и фонетике) после обсуждения и голосования принимали форму резолюций Академии (всего в 1893-1898 гг. было принято 126 резолюций).

Директорство Розенбергера отчетливым образом распадается на два этапа: 1) 1893-1895 (циркуляры 1-19, 15/27.1.1893-30.11.1895; резолюции 1-26); 2) 1895-1898 (циркуляры 20-45, 20.12.1895-15.5.1898; резолюции 27-126). На протяжении первого этапа преодолевалось идейное наследие волапюка, составлялись первые списки слов, принятых Академией, и был опубликован проект грамматики нового языка, принадлежащий

Розенбергеру. Второй этап был отдан составлению словаря и грамматики идом-нейтрали, выработанного Академией на базе вышеуказанного первоначального проекта Розенбергера.

"Lingu Nov" (1893-1895)

Розенбергер резко изменил основное содержание работ Академии. Если раньше ее внимание было приковано к вопросам грамматики, то Розенбергер перенес центр тяжести на обсуждение проблем словарного состава. При этом была изменена не только процедура работы, но и сам подход к определению доминирующих сторон языка. В волапке грамматика господствовала над лексикой: в угоду грамматическому правилу, требовавшему чтобы корни начинались и кончались согласным (для легкости соединения с префиксами и суффиксами), корни, заимствованные из естественных языков, нередко подвергались усечению: *academia* > *kaedem*. Теперь грамматика подчинилась лексике: корень заимствовался в той форме, которую он имел в естественных языках, а словообразовательные и грамматические элементы подбирались с тем расчетом, чтобы они подходили к этим корням [I4, 303].

Для начала Розенбергер предложил пересмотреть весь словарь волапка под углом зрения его соответствия основным европейским языкам. В качестве таковых были приняты те же 7 языков, о которых шла речь выше, но в ином порядке: английский (e), французский (f), немецкий (d), испанский (s), итальянский (i), русский (r), латинский (l)⁷. В циркуляре За ("Труды Академии...") Розенбергер опубликовал список волапкских слов, имевших сходную форму в национальных языках и поэтому не нуждавшихся в изменении (*delfin*, *legion*, *metal* и т.п.); таких слов в этом списке приведено 122. Во втором (циркуляр 6) и третьем (циркуляры 8, 10, 12) списках перечислялось в общей сложности 426 слов, взятых из национальных языков и имевших большую международность по сравнению со

⁷ Возможно, изменение порядка следования этих языков обязано знакомству с докладами Американского философского общества, которое в 1887 г. пришло к выводу, что международный язык должен строиться при учете "шести основных живых языков, располагаемых в порядке их значимости и распространения", а именно, английского, французского, немецкого, испанского, итальянского и русского [9]. Разумеется, здесь речь идет о том соотношении языков, которое было актуальным для конца XIX в.

словами волапка (*fabrik* вм. *fablūd*, *balsam* вм. *baia* и т.п.). Вместе с тем на первых порах в эти списки включались только такие слова, которые не противоречили волапкской грамматике: все корни начинались и кончались согласными, корни с недопустимыми в волапке звукосочетаниями избегались и т.п. Из всех предложенных таким образом слов Академия одобрила 370 (67,5%).

Для того чтобы снять грамматические и фонетические ограничения на внешний облик корней, Академия приняла по предложению Розенбергера 26 отдельных резолюций по языковым вопросам. Резолюции 1, 2, 21 разрешали употреблять двух-, трех-, четырех- и даже пятисложные корни (чем преодолевался моносиллабизм корней в волапке); были отменены ограничения на употребление в корнях звука *r* (рез. 7, 8), звуков *b*, *d*, *g*; *v* в конце слов (рез. 13, 16, 17; Шлейер опасался, что *b*, *d*, *g* в конце слова будут оглушаться, а *v* — смешиваться с окончанием мн.ч. *-s*); были допущены корни, включающие скопления согласных (рез. 10, 15, 22), а также начинающиеся и кончающиеся на гласный (например, *akva* 'вода', *lingu* 'язык' — рез. 18, 19).

Академия допустила к употреблению корни, отдельные части которых фонетически совпадают с префиксами или суффиксами (рез. 3, 4, 5, 6), и даже такие, которые целиком совпадают друг с другом, при условии что эти корни принадлежат разным частям речи (например, *libr* 'книга' и *libr* 'свободный') (рез. 23h). Из этого следует, что Академия не считала нужным последовательно избегать в международном языке омонимии морфем (как это делалось в волапке и эсперанто). Зато Академия пыталась бороться против возможной синонимии и вариативности морфем. Так, резолюция 23g устанавливает, что "если в национальных языках существуют различные корни с одинаковым значением, напр., *vid* и *vis*, *redig* и *redakt*, *frang* и *frakt*, *kreak*, *krev* и *kret*, *kolig* и *kolekt*, то следует использовать форму более известную, более общую, напр., *via* — 'видеть', *redakt* — 'редактировать', *frakt* — 'ломать', *kreak* — 'расти', *kolekt* — 'собирать'". Резолюция 26 гласит: "Корень никогда не изменяется; производные слова образуются исключительно посредством префиксов и суффиксов и сложением нескольких корней". Именно этот запрет на варьирование корней явился в последующем причиной новых попыток реформирования языка Академии.

Академия допустила употребление связанных корней, не

встречающихся без суффиксов (напр., *katol-ik* 'католический' - рез. 9), стечения же связанных морфем, разложимые лишь в национальных языках, постановила считать одним неделимым корнем (например, *original, perpendicular* - рез. 25).

Наконец, было постановлено, что непроездовые существительные (рез. 14) и прилагательные (рез. 12) не должны иметь специальных показателей частей речи (как это имеет место в эсперанто и, применительно к прилагательным, в волапюке); кроме того, было отвергнуто характерное для волапюка стремление снабжать отдельные группы существительных классифицирующими суффиксами (как в прежних системах философских языков), например, *-in* для названий химических элементов, *-it* - для птиц, *-ip* - для болезней и т.п. (рез. 20).

Все указанные резолюции устраняли груз волапюкского наследия и расчищали дорогу для построения нового языка, использующего материал международных слов. В этом смысле данные резолюции являются производными от некоего общего принципа, который позднее получил название "принципа международнойности" [6, 64]. Непреходящую заслугу Академии составляет формулирование этого принципа, имеющего фундаментальное значение для интерлингвистики.

Принцип этот был первоначально предложен В.К. Розенбергером в следующей форме: *stäm ut binom gudikün, kel ratuvom in glerüka yulorik mödikün* (циркуляр 6, 1.11.1893), т.е.: "тот корень является наилучшим, который имеется в большинстве основных европейских языков". Академия, по предложению Ф.Кригера, внесла в эту формулировку небольшое изменение: *stäm ut binom gudikün, kel ratuvom as vöd netik u as fegina-vöd in glerüka yulorik mödikün* (рез. 11, 28.2.1895), т.е. "тот корень является наилучшим, который имеется - в качестве национального или иностранного (т.е. исконного или заимствованного) слова - в большинстве основных европейских языков".

Принятие этого принципа, как уже подчеркивалось, означало переход от произвольного составления словаря международного языка на основе авторской интуиции к (почти) автоматическому его пополнению интернационализмами, выделенными путем сравнения европейских языков. При этом Академия идет еще дальше и устанавливает правила транскрипции международных слов в создаваемом ей языке; так, буквосочетание *ph* следовало заменить на *f*, *ch* - на *k*, *ae* и *oe* - на *e* (*foefog, Krist, diet, homeopat* - рез. 23f, 24k, 23f). Отметим, что, устанавливая правила такой транскрипции, Академия наделила свой

язык двумя весьма характерными для него чертами:

а) моносибиллянтностью (термин Н.В. Ишманова [18]), т.е. использованием единственного свистящего согласного *z*, в котором сливаются четыре этимологически различных звука национальных языков: собственно *z* (например, *sistèm* 'система'), *z* (*bazàr* 'базар' - рез. 23e), *s* (перед *e*, *i*: *selebr* 'знаменитый' - рез. 23b) и *t* (в суффиксе *-tion*: *nasion* 'нация' - рез. 23c) - ср. фран. *système*, *bazàr*, *célèbre*, *nation*;

б) тяжелыми скоплениями согласных в конце слов, например, *ankr* 'якорь' при англ. *anchor*, фран. *ancrè*, нем. *Anker* (рез. 23d); принятию более удобной для произношения формы (напр., *anker*) мешало правило ударения, принятое Академией: ударение должно было падать перед последним согласным слова (см. ниже, прим. 8), поэтому если разбить конечную группу согласных вставкой гласного, то ударение получит место, не свойственное ему в национальных языках (**ankér* при нем. *Anker*); между прочим, по той же причине префикс и предлог *inter* в языке Академии принял форму *intr* (чтобы избежать **intér*).

Однако указанные правила передачи международных слов не получили безусловного характера. Хотя Академия и стремилась избегать произвола при составлении словаря международного языка, она не считала, что эта процедура может быть доведена до полного автоматизма, который исключит необходимость санкционирования словаря "сверху". Резолюция 24 прямо указывает: "Правила образования корней, данные в резолюции 23, являются общими и не обязательными; Академия должна рассматривать и санкционировать каждый корень по отдельности". Почему это должно было быть так, помогает понять пример, приводимый Розенбергером [14, 298]: в списке предложенных им корней имелся корень *frat* 'брат' (вм. волапок. *blod*); данный корень является интернациональным (*efdsirl*), поэтому он должен был войти в словарь международного языка. Однако член Академии П.Плум возразил против его формы, предложив в свою очередь *fratr* (что и было утверждено Академией). Отсюда видно, что Академия склонялась к автоматизму в самом выборе корней, но не в определении их конкретной формы: последняя должна была устанавливаться Академией. Чтобы максимально избежать произвола, Академия принимала или отвергла корни посредством голосования (что, впрочем, лишь заменяло индивидуальный произвол коллективным мнением, но не позволяло полностью отказаться от него). В дальнейшем те же принципы были положены

в основу деятельности Академии идо.

После того как Академия одобрила большинство предложенных им корней и приняла указанные резолюции, Розенбергер почитал своевременным вновь вернуться к вопросам грамматики и в апреле 1895 г. опубликовал разработанный им полный "Проект грамматики" нового языка [29]. К нему был предложен образец текста - письмо, написанное Розенбергером д-ру медицины О. Петерсену в Петербург; письмо датировано 27 января 1895 г. Приведем из него отрывки с параллельным переводом:

Amiko estimabl! Ante
brevtemp mi aprendav, ke vo
komitav tradukar votr artikl
medisunik in lingu fransik. It
es motiv pro mi proponar a vo
skribar artikles sekvant no
plu in lingu rusik, ma in lin-
gu nov, kel av tal kvalitets,
ke omnihom kultived de sitemp
komprend it sine aprendasion
anterior. (...)

Mi av persuadasion, ke
ist lingu es usabl no sole
pro skribasion, ma et pro par-
lasion; sikause mi propos a
vo usar it no sole pro artik-
les sientik publiked in ga-
sets, ma et pro raportes e
pro disputs in kongres intr-
nasionik de medisunistes, kel
avero lok in Moskva in anu
1897. (...)

Fasilitet pro aprenda-
sion de ist lingu konsist no
sole in usasion de parols,
kels deveniav ya posesasion
de leplumult nasions uesteu-
ropik, ma depend et de sirkum-
stans, ke gramatik de it av so-
le regles, ma no ekseptasion;

Уважаемый друг! Недавно
я узнал, что вы поручили пе-
ревести вашу медицинскую
статью на французский язык.
Это для меня повод предло-
жить вам писать следующие
статьи более не на русском
языке, а на новом языке, ко-
торый имеет такие качества,
что всякий образованный че-
ловек настоящего времени по-
нимает его без предваритель-
ного изучения.

Я имею убеждение, что
этот язык можно использовать
не только для письма, но и
для (устной) речи; поэтому я
предлагаю вам применять его
не только для научных ста-
тей, публикуемых в газетах,
но и для докладов и диспу-
тов на международном съезде
врачей, который будет иметь
место в Москве в 1897 г.

Легкость изучения этого
языка состоит не только в
использовании слов, которые
уже стали достоянием боль-
шинства западноевропейских
народов, но (она) зависит и
от (того) обстоятельства,
что его грамматика имеет

ulteriore, et formes gramatikik es selekted ko prekauteplugrand intr formes de lingu nasionalik, tale, ke et formes gramatikik es konosed per omni homo kultived. (...)

только правила, а не исключения; кроме того, и грамматические формы отобраны с наименьшей предосторожностью среди форм национальных языков, так что и грамматические формы известны всем образованным людям.

Мы привели указанный текст с достаточной полнотой, так как он отчетливо обрисовывает основные принципы предложенного Розенбергером проекта и, кроме того, позволяет представить отношение этого проекта к последующему проекту идиом-неутрала. Последнее до сих пор оставалось неразъясненным [4, 124-125], поскольку сведения о проекте 1895 г., даваемые в литературе, были недостаточны и частично ошибочны.

Следует, во-первых, подчеркнуть, что автором проекта является только В.К. Розенбергер, а не руководимая им Академия, хотя он и послужил отправным пунктом для ее собственной системы. Во-вторых, необходимо внести ясность в вопрос о датировке и названии проекта Розенбергера. Н.В. Диманов имеет его "Lingu internazionik" и относит к 1896 г. [19], основываясь на данных Л.Боллака [7a]. Между тем то и другое ошибочно, а написание internazionik и вовсе невозможно (в проекте Розенбергера для данного слова принята орфография intnasionik, см. текст; разъяснение по поводу intr- было дано выше). Э.К. Дрезем принимает название "Lingu Internasionik" и дату - 1895 г. [3, 172-173]. То же повторяет за ним П.Е. Стоян [16, 188, 518]. Обращение к первоисточникам показывает, однако, что указанное название к данному проекту никогда не применялось. В цитированном тексте Розенбергер называет свою систему "lingu nov", т.е. попросту "новый язык", и это название сразу же было подхвачено корреспондентами Розенбергера (см. их письма на "lingu nov" в журнале "Linguist" [32]), а также и редакцией этого журнала, опубликовавшей даже сравнительные тексты на ряде систем международного языка, в том числе на "Lingu Nov" [31]. Термин же "lingu intnasionik", хотя, как мы увидим, и был действительно употреблен Розенбергером (притом именно в 1896 г., в чем Боллак и Диманов правы), имел совершенно иное значение и никогда не прилагался к проекту, опубликованному Розенбергером в 1895 г. Источником ошибки является Л.Боллак, произволь-

но перенесший данный термин на проект "нового языка" и без проверки процитированный Лимановым.

Итак, теперь можно считать установленным, что проект Розенбергера 1895 г., легший в основу идиом-неутрала, носил название "Lingu Nov". Каковы его лингвистические особенности?

"Lingu Nov" имеет простой алфавит из 21 буквы (a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, v, y), которые произносятся как в волапке: с (ч), у (я). Орфография — строго фонетическая. Ударение падает на гласный перед последним согласным слова⁸; исключения составляют формы мн.ч. на -s после гласной, сохраняющие то же ударение, что и в ед.ч. (lingu - lingu 'язык - языки').

Артикль отсутствует, как и в волапке. Множественное число выражается с помощью -s (или -es, если основа оканчивается на v или на два согласных): nation - nations, kongres - kongreses, forma - formas. Падежи отсутствуют, их значение передается предлогами и порядком слов: rosa 'роза, розу', de rosa 'розы', a rosa 'розе'. Пол одушевленных существительных выражается с помощью -o, -a: amiko 'друг', amika 'подруга'.

Степени сравнения образуются префиксами plu-, lerplu-: grand - plugrand, lerplugrand 'большой - больше - наибольший' (ср. проект реформированной грамматики волапке Г. Эндернейт).

Личные и притяжательные местоимения независимы друг от друга по форме:

mi	я	- nos	мы	mie	мой	nostr	наш
vo	ты (Вы)	- vos	вы	votr	твой	vostr	ваш
il	он	- ils	они (муж.)	} sie	его,	lor	их
ila	она	- ilas	они (жен.)				
it	оно	- its	они (неодуш.)				
					ee		

⁸ Это правило, навеянное закономерностями ударения в испанском языке, было предложено Э.Валем и принято Д.Лоттом в его собственном проекте международного языка [13, VI]. Оно позволяло зачастую лучше сохранять этимологическое место ударения, чем в эсперанто, где ударение всегда падает на предпоследний слог слова (ср. в эсперанто lilfo 'лилия' и у Лотта lflia). Однако в некоторых случаях и из этого правила встречаются исключения (ultimatum, inter; отсюда в проекте Розенбергера форма intr, o которой мы говорили выше).

Глаголы в инфинитиве имеют окончание *-ar* (*amar* 'любить'), в действительном причастии *-ant* (*amant*); в страдательном причастии *-ed* (*amed*). Настоящее время индикатива не имеет окончаний (*mi am* 'я люблю'), прошедшее время выражается суффиксом *-av* или вспомогательным глаголом *avag*, корень которого совпадает с тем же суффиксом, отсюда: *mi amav* = *mi av amed* 'я любил'⁹. Будущее время имеет суффикс *-ero*, а сослагательное наклонение *-erio* (*mi amero* 'я буду любить', *mi amerio* 'я любил бы'); обе формы могут иметь также показатель прошедшего времени (будущее в прошедшем: *mi amavero* или *mi avero amed*; сослаг. прош.: *mi amavero* или *mi avero amed*). Страдательный залог образуется с помощью глагола *esav* 'быть': *mi es amed*, *mi esav amed* и т.п.

Производные наречия оканчиваются на *-e* (*noct - nocte* 'ночь - ночью'), производные предлоги - на *-u* (*okasion - okasionu* 'случай - по случаю чего-либо')¹⁰.

Словообразование "нового языка" отличается некоторыми весьма характерными чертами. Все словообразовательные префиксы и суффиксы взяты из национальных языков; ни одного произвольно созданного (априорного) элемента здесь нет (в противоположность волапюку и эсперанто). Однако форма и значение этих элементов подверглись упорядочению, что повлияло на их сочетаемость. В результате отдельные морфемы, каждая

⁹ Суффикс *-av* восходит к латинскому языку (лат. *am-avi* 'я любил') и этимологически отличен от корня *av*, взятого из романских языков (*av-ar* < фр. *avoir*, ит. *avere* < лат. *habere*). Однако фонетическое совпадение этих морфем натолкнуло Розенбергера на удачную мысль приравнять друг к другу две формы прошедшего времени - синтетическую (*am-av*) и аналитическую (*av amed*). В дальнейшем в структуре идиом-неутрала это отождествление двух форм не удержалось.

¹⁰ В волапюке производные наречия имели окончание *-o*, а производные предлоги *-u*. Последнее было изменено Академией на *-i*, что и вошло в "Нормальную грамматику" 1892 г. [22]; это решение было вновь отменено Академией в 1893 г. [26]. Теперь в проекте Розенбергера мы находим для производных наречий окончание *-e* (заимствованное, несомненно, из эсперанто), а для производных предлогов - окончание *-u* (восходящее к "Нормальной грамматике").

из которых имеет прототип в национальных языках, в некоторых сочетаниях дают формы, резко отклоняющиеся от форм национальных языков. Так, суффиксу отглагольных существительных придана единообразная форма *-asion* (*dekor-asion*, срав. англ. *decoration*), которую Розенбергер применяет и в тех случаях, когда национальные языки пользуются другими суффиксами (*skrib-asion*, *us-asion* — англ. *script-ure*, *us-age*) или другой формой того же суффикса (*posev-asion* — англ. *possession-ion*), иногда изменяя при этом и корень (*aprend-asion* — англ. *apprehens-ion* от *apprehend*). Точно так же обобщение суффикса отыменных прилагательных *-ik* привело к появлению ненатуральных комбинаций типа *nasion-ik*, *gramatik-ik* (англ. *national*, *grammatical*).

Проект "Lingu Nov" вызвал значительный интерес среди сторонников международного искусственного языка. Но реакция их была неоднозначна. Те из волапкистов, которые упорно не желали замечать близящегося конца волапка, приняли проект Розенбергера враждебно. Подобные прием он встретил и у некоторых членов Академии; это, между прочим, говорит о том, что не все члены Академии ясно представляли себе ее задачи, как их понимал Розенбергер, и не помыслили о создании нового языка. Так, 29.5.1895 три представителя Франции в Академии (H. Vaines, H. Guignes, A. Mogel) покинули ее, не желая участвовать в "разрушении изумительного творения Шлейера" (циркуляр 18, 20.9.1895). С тех пор Академия уже не включала представителей Франции, что, конечно, сузило диапазон ее деятельности. Аналогичным образом реагировали многие национальные общества волапкистов. В феврале 1896 г. 17 волапкских клубов Австрии, Бельгии, Германии, Нидерландов и Швейцарии опубликовали резкий "Протест против так называемой международной академии и против проекта нового всеобщего языка" [30].

Однако в той части движения за международный язык, которая освободилась от иллюзий и предрассудков волапкской поры, проект Розенбергера получил благоприятную оценку и сразу же вызвал подражания и имитации. Знаменательным событием явился переход не теоретическую платформу Академии влиятельного клуба всемирного языка в Нюрнберге ("Nürnbergger Welt-spracheverein"). Роль этого клуба в движении за международный язык известна. Основанный в 1885 г. в качестве клуба волапкистов, он в декабре 1888 г. перешел к эсперанто и в немалой степени способствовал распространению этого языка

изданием первого эсперантского журнала "La Esperantisto", разноязычных учебников и произведений эсперантской литературы. Вместе с тем клуб поддерживал идеи реформ в эсперанто и выступил одним из главных инициаторов попытки реформировать этот язык. Против собственного желания, Л. Заменгоф предпринял в 1894 г. такую реформу, неудача которой (она была сорвана преимущественно голосами русских и польских сторонников эсперанто [5, 70]) заставила клуб отойти от эсперантского движения. После опубликования проекта Розенбергера руководство клуба письмом от 4.12.1895 сообщило директору Академии, что одобряет направление ее работ, и предложило кандидатуру своего президента К.Шмидта (Chr. Schmidt) в члены Академии (циркуляр 20, 20.12.1895). Академия кооптировала К.Шмидта в свой состав (4.3.1896).

Проект Розенбергера сразу же породил дальнейшие предложения по разработке грамматики международного языка.

Э.Хайнцелер, бывший член волапокской Академии (1891-1893) и автор собственной системы международного языка ("Universala", 1893), в январе 1896 г. опубликовал краткую, но достаточно подробную грамматику, "адаптированную к проекту Розенбергера" [28a]. Он предложил ввести артикли (un, le), изменить формы некоторых местоимений (jo, tu, elo, ela, el..., mon, ton, von...) и страдательного причастия (amat), ограничиться в спряжении аналитическими формами (наст.: am, прош.: av am, буд.: vol am и т.п.). Образец текста: In teat: Elo: "Sinyors es purtan plumodest ka sinyoras.- Ela: "Kvar?" - E[lo]: "Ekio! Kontempla sinyorinas sa avantu nos? Elas av tale alt kapels, ke nos pot vedar prese nil?" - E[la]: "Si, Tu av rason, sinyors es plumodest, prinsipale ist sinyor avantu nos, kel sed non sole sin kapel, mas anke sin kapelatur."

Эскиз другого проекта представил Андельфингер [28], ограничившийся малосущественными коррекциями алфавита, грамматики (он, в противоположность Хайнцелеру, предлагал пользоваться только синтетическими формами спряжения, отмечая аналитические формы как "германизмы" и "галлицизмы") и словообразования. При этом он справедливо обратил внимание на некоторую непоследовательность Розенбергера в передаче латинизмов: если лат. aqua дает аква, то лат. lingua должно давать lingva, а не lingu. Поэтому он предложил название "Lingva Nov" (вместо "Lingu Nov"), но это название приложимо, разумеется, лишь к его собственной модификации проекта Розенбергера.

ЛИТЕРАТУРА

(а) Общие и историографические работы

1. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I-II. - М., 1963.
2. Дановский Н.Ф. Эволюция эсперанто. - В кн.: Проблемы интерлингвистики: Типология и эволюция международных искусственных языков. М., 1976.
3. Дрезен Э. К. За всеобщим языком. (Три века исканий). - М.; Л., 1928.
4. Дуличенко А.Д. Из истории интерлингвистической мысли в России. - В кн.: Проблемы интерлингвистики: Типология и эволюция международных искусственных языков. М., 1976.
5. Кузнецов С.Н. Основы интерлингвистики. - М., 1982.
6. Кузнецов С.Н. Основные понятия и термины интерлингвистики. - М., 1982.
7. Спиридович Е.Ф. Языкознание и международный язык. - М., 1931.
- 7а. Bollack L. Résumé historique des projets de la langue internationale. - In: Bollack L. Résumé théorique de La Langue Bleue - Bolak - langue internationale pratique. Paris, 1899, p. 120-121.
8. Bonto van Bylevelt W. Régularisons la situation. - In: Academia pro Interlingua. Discussiones, 1910, N 4, 1 junio.
9. Brinton D.G., Phillips H., Snyder M. Reports of the Committee appointed October 21, 1887, to examine into the scientific value of Volapük. Supplementary Report of the Committee appointed to consider an international language. - In: Proceedings of the American Philosophical Society, 1888, v. XIV, № 127.
10. Gouturat L., Leau L. Histoire de la langue universelle. 2. tirage. - Paris, 1907.
11. Danovskij N. Esenco de l'transiro "projekte - lingvo" ap-like al "I[nternacia] L[ingvo]". Parte I. Lingvistika. - In: Filologe, Sofie, 1979, N 14-15.
12. Liptay A. Eine Gemeinsprache der Kulturvölker. - Leipzig, 1981.

13. Lott J. Un lingua internazional: Grammatika et vokabular pro angleses, germanes, romanes et pro kultivates de tut mond. - Wien; [Imprimeria:] Leipzig, 1890.
14. Rosenberger W. Kurzgefasste Geschichte der Internationalen Weltspracheakademie. - In: Rosenberger W. Wörterbuch der Neutralsprache. Leipzig, 1902, S. 289-306 (S. 307-309: Statuten der Internationalen Weltspracheakademie; S. 310-313: Verzeichnis der Mitglieder der Internationalen Weltspracheakademie).
15. [Rosenberger V.] Pro histor de Idiom Neutral. - In: Progres, S. Petersburg, 1906, N 5, p. 54-56; N 6, p. 63-64.
16. Stojan P. Bibliografio de Internacia Lingvo. - Genève, 1929.
17. Waringhien G. Lingvo kaj vivo: Esperantologiaj eseoj. - La Laguna, 1959.
18. Yushmanof N. buketo de detal ne sine interes. - In: Kosmoglott, Reval, 1922, N° 10.
19. Yushmanov N. Kronologia indico dil sistemi mondlingual. - In: Mondo, Stockholm, 1926, N° 2 p. 180.

(6) Волапук и его реформы

20. Коровина М.И., Эндернейт Г.А. Всемирный язык Шлейера Volapük. Полный учебник, составленный по последним решениям Академии всемирного языка. - СПб., 1889. - [4]+ 218 + V + [3] с.
21. Enderneitt H.A. Noteds anik teföl glamati nomik. ["Некоторые заметки относительно нормальной грамматики"]. - København, 1892. (В конце текста указаны место и время его написания: S. Peterburg, 1890. XII.27). - 4 с.
22. Glamat Nomik, u Noms stabik volapüka, pelensumöl fa Kadem, dil balid. ["Нормальная грамматика, или основные нормы волапука, принятые Академией, часть первая"]. - Paris, [1892]. - 15 с.
23. Kerckhoffs A. Cours complet de Volapük. 5. éd. - Paris, 1886. (Первое издание вышло в 1885 г.).
24. Kerckhoffs A. Examen critique des simplifications qu'il y a lieu d'introduire dans le Volapük. - Paris, 1887. 16 с.

25. Kerckhoffs A. Проект реформированной грамматики волапюка . - In: *Calabred Kadema, Paris, 1890, № 2.*
26. Läqiv al Gramat Nomik. ["Приложение к Нормальной грамматике"]. - [СПб., 1893]. - 3 с.
27. Schleyer J.M. Notizen über die sog. Normalgrammatik der Pseudoakademie volapüka. - Konstanz, 18.9.1893.

(в) Lingu Nov (1893-1895) и его модификации

28. Andelfinger [J.] [Brief an den Direktor der int. Welt-spracheakademie]. In: *Linguist, 1896, № 4, S. 61-62.* (Письмо В.К. Розенбергеру на латинском языке, предлагающее модификацию проекта Розенбергера).
- 28a. Heintzeler E. Brev gramatik. - [Stuttgart?], 1896. - 4 с.
29. Rosenberger [W.] Ployeg glamata. ["Проект грамматики"]. - In: *Kadem Bevünetik Volapüka, Zülaga* [циркуляры] 15-16, 25-30.4.1895. - 8+8 с.
30. Тарүк та кадем bevünetik sonemik e та ployeg väpüka nulik, pelautöl e реpüböl komitü klubs редисоренöl, 1896 in telul. ["Протест против так называемой международной академии и против проекта нового всеобщего языка, составленный и опубликованный по поручению нижеподписавшихся клубов, в феврале 1896 г."] - [Graz, 1896]. - 12 с.
31. Texte zur Vergleichung in Volapük, Lingvo Esperanta, Lingu Nov, Lingvo moderna. - In: *Linguist, Hannover, 1896, Beilage zu Nr. 5.*
32. Verbrugh M.J., Runström J. [Briefe an den Direktor der int. Weltspracheakademie.] - In: *Linguist, Hannover, 1896, № 3, S. 46-47.*

(г) Idiom Neutral (1895-1898)

33. Rosenberger W. Replik auf Prof. Beer mann's "Rückblicke". - In: *Linguist, Hannover, 1897, № 3, S. 36-40.*

(д) Периодические издания

34. Calabred Kadema. ["Официальный журнал Академии"]. Red.: A. Kerckhoffs. Paris, 1890, № 1-2.

35. Kadem Beŭnetik Volapŭka. ["Международная Академия Всемирного Языка"]. Red.: W. Rosenberger. S. Peterburg, 1893-1898, zŭlags [циркуляры] I-45. [См. также 37].
36. Linguist. Unabhängige Zeitung für alle Freunde der Welt-spracheidee. (C № 3/1897 podzagolovok: ... für alle Freunde einer internationalen Sprache). Red.: M. Wahren. Hannover, 1896, N 1-12; 1897, N 1-12.
37. Vobs Kadema Beŭnetik Volapŭka. ["Труды Международной Академии Всемирного Языка"]. Red.: W. Rosenberger. S. Peterburg, 1.8.1893, N 1. (Вышел единственный номер, который позднее решено было считать циркуляром Академии за № 3а, с. 47).
38. Le Volapŭk. Réd. A. Kerckhoffs. Paris, 1886-1889, N° 1-27.

LINGVISTIKA KAJ SOCIA HISTORIO DE IDIOM NEUTRAL

(parto I)

Sergej N. Kuznetsov

Idiom Neutral estas sistemo de internacia lingvo, kreita en 1893-1898 de la tiama volapŭkista Akademio ("Kadem Beŭnetik Volapŭka") sub la gvido de peterburgano W. Rosenberger. Idiom Neutral apartenas al tiuj projektoj de internacia lingvo, kiuj estis efektive uzataj en interhoma komunikado, do fariĝis veraj lingvoj. Pro tio ili havas ne nur lingvan historion (historion de la internaj ŝanĝoj en la lingvo), sed ankaŭ socian historion (historion de la socia komunumo uzanta la lingvon). Unu el la ĉefaj taskoj de interlingvistiko estas analizi, kiel interfunkcias la lingvaj strukturoj kaj la socia substrato. La modeloj de tiu interfunkciado estas diversaj ĉe ĉiuj planlingvoj, kiuj realiĝis en komunikado (Volapŭk, Esperanto, Idiom Neutral, Ido, Occidental, Interlingua...). Necesas detalé priskribi la historion de ĉiuj tiuj lingvoj por konkludi pri la leĝoj de socia akcepto (aŭ malakcepto) de planlingvoj ĝenerale.

La artikolo (parto I) estas dediĉita al la prahistorio kaj la historio de la kreo de Idiom Neutral, analizas la kaŭzojn de ties apero, la metodojn aplikitajn de Rosenberger kaj la volapŭkista Akademio, kaj etapojn en la konstruado de la lingvo.

La aŭtoro uzas la fontojn el la epoko de Idiom Neutral, konservitajn en la bibliotekoj kaj arkivoj de Sovetunio - la naskolando de Idiom Neutral.

ПРОЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ
(1925-1970)

Е.А. Бокарев

(Публикация текста, предисловие и комментарии
С.Н. Кузнецова)

В продолжение многих лет Е.А. Бокарев (1904-1971) вынашивал замысел написать историю интерлингвистики "после Дрезена"¹, которая должна была охватить период с конца 20-х годов по настоящее время. Этот замысел, так и не осуществившийся, запечатлен в многочисленных заметках и набросках, которые еще ожидают внимательного изучения и публикации. Среди них особый интерес представляют материалы, относящиеся к различным проектам международных искусственных языков. Список таких проектов, составленный по данным рукописного архива Е.А. Бокарева, и предлагается ныне для опубликования. Основным источником послужила рукопись Е.А. Бокарева, озаглавленная "Kronologia listo de internacilingvaj projektoj (1927-1962)", но включающая также более ранние и более поздние проекты. Сведения, почерпнутые в рукописях, проверены по первоисточникам и важнейшим интерлингвистическим исследованиям². Проверка позволили откорректировать текст, исправить погрешности и в ряде случаев исключить из списка проекты,

¹ Имеется в виду основной труд Э.К. Дрезена "За всеобщим языком. (Три века исканий)". - М.; Л., 1928.

² Stojan P.E. Bibliografio de internacia lingvo. - Genève, 1929; Drezén E. Historio de la mondolingvo. - Leipzig, 1931; Cornioley H. Mikra enciklopedio mondlinguala. - "Progreso", 1931-1948; Monnerot-Dumaine M. Précis d'interlinguistique générale et spéciale. - Paris, 1960 (в приложение к этой работе: Errata et addenda, ок. 1964); Steiner H. Katalogo pri la kolektoj de Internacia Esperanto-Muzeo en Wien. Parto II. - Wien, 1958 (далее: Katalogo de IEMW); Дуличенко А.Д. Международные вспомогательные языки (в печати).

существование которых не нашло подтверждения в источниках³. Основные разночтения, имеющиеся в литературе, варианты датировок и пр. отмечаются в комментариях, в текст включены лишь наиболее вероятная дата и наиболее надежные сведения о проектах. Всего в список вошло таким образом 230 проектов, что вместе с 373 проектами, перечисляемыми Э.К. Дрезеном (За всеобщим языком..., с. 10), составляет 603 различных систем международного языка. Звездочкой отмечены проекты, о которых не удалось обнаружить каких-либо сведений в имеющихся источниках.

x x x

- 1925 *Latinesco*, MacMillan H.J., Birkenhead (England)⁴
Om, Vulda L., Calcutta⁵
1926 *Loqa*, Nield G., Marseille⁶

³ В частности, не подтверждается существование проекта *Evoluto*, который, вслед за Э.К. Дрезеном (*Historio...*, с. 213), М. Монро-Дюмен и Е.А. Бокарев приписывают С. Бонду. В действительности под этим названием был опубликован не проект искусственного языка, а общетеоретическая статья, написанная на языке "месо" (см. "Tolero", 1930, № 17, с. 156). Из списка исключены также два проекта, предназначенные для космического общения с возможными инопланетными цивилизациями - астраглосса и линкос; проекты этого типа не могут считаться международными языками и не входят в компетенцию интерлингвистики.

⁴ Е.А. Бокарев датирует этот проект 1928 г., Г. Корниоле и М. Монро-Дюмен - 1930 г. Приводимая дата первой публикации установлена по кн.: *Katalogo de ILMW*, с. 65.

⁵ Датировка Э.К. Дрезена и М. Монро-Дюмена; у Е.А. Бокарева дата указывается неточно: 1929 (1928 ?)

⁶ П.Е. Стоян, а также Э.К. Дрезен (*Historio...*, с. 125) и М. Монро-Дюмен приводят название этого проекта в ошибочном написании: *Loqa*; 1926 г., указываемый П.Е. Стояном, у последующих авторов (в том числе и у Е.А. Бокарева) превращается в 1927 г. под влиянием разночтения в книге Э.К. Дрезена, где проект стоит под 1927 г., но в библиографической ссылке дается та же дата, что и у Стояна (1926 г.).

- 1927 [Реформированный английский язык], Prof. Saucy A.H.,
Oxford
Anglido, Raymond H.E., Kalamazoo (Michigan, USA)
Cosman, Milner H., Karbitz bei Aussig [= Ustí nad La-
bem] (Československo)
Ideala Lingvo, Teo Jung, Köln⁷
Омо, В.И. Венгеров, Свердловск⁸
Serve, Kunstovný O.T., Praha⁹
- 1928 Cosmolingvia, Horowicz S., Kraków¹⁰
*Espido, Richter C., Berlin
I.D.O., Meazzini G. (Italia)
Ideo simlificato, [автор ?], Bologna
Kosmologuo, Lorenz F.V., S. Feliciano (Rio Grande do
Sul, Brasil)
Mondik, Jousten J., Freiburg im Brisgau (Deutsch-
land)¹¹

⁷ Jung T. Landoj de l'Fantasio. - Horrem bei Köln, 1927, с. 81-84, 97-98, 169-170. У Е.А. Бокарева проект вызван Рагзаана вслед за Ф.Буккелем (Buckel F. Folii di la Intersistemat Uniono por Mondolinguo. - [Gesees bei Bayreuth, 1929-1930]. с. 45). Восстанавливаем название Т. Днга, правильно указываемое также П.Е.Стояном (цит. соч., с. 516).

⁸ Венгеров В.И. Омо - язык человека: Курс всемирного языка. - Свердловск, 1926 (тит. лист) и 1927 (обл.). Е.А. Бокарев принимает во внимание вторую из указанных дат. Она же подтверждается документами из архива В.И. Венгерова (сообщение В.А. Ключкова, Свердловск).

⁹ Датировка Э.К. Дрезена (Historio..., с. 132); у Е.А. Бокарева указан 1928 г.

¹⁰ Датируется по П.Е. Стояну (указ. соч., с. 519). У Э.К. Дрезена (Historio..., с. 125) приводится ошибочная ссылка на журнал "Cosmoglotta", 1927, № 6, на основе чего в интерлингвистической литературе и у Е.А. Бокарева проект приводился под 1927 г.

¹¹ "Tolaro", Paris, 1930, № 24, Sept., с. 279. Э.К. Дрезен; Г.Корниоле и М.Монро-Димен указывают 1919 г.

Natural Universal Language, Elsas E., Kansas-City
(USA)¹²

Neolatino, Lundström P., Stockholm

Novam, Touflet G., Paris

Novial, Jespersen O., København

Numeros monosyllabico, Nield G., Marseille

Oiropa'pitsahn, Prof. Dr. A. Baumann, München

1929 - Auxiliar-English, Ferguson O.W., Jeffersonville (Indiana, USA)

Basic English, Ogden C.K., London¹³

Esperanto Moderna, V. Ditle (= Дятлов), Курск (СССР)¹⁴

Esperanto reformita, Fraaval

Latin sine flexione, Bylsma H., Utrecht

Linguo Internasione, Prof. M. Bologne, Bruxelles

Monario II, Aldo Lavagnini, Mexico

Simplat, Vallaeys G., Orphain, Bois-Seigneur (Belgique)

I² Е.А. Бокарев приводит данный проект под 1932 г., основываясь на датировке М.-Монро-Дюмена (указ. соч., с.185), однако проект был известен уже П.Е. Стояну (указ. соч., с. 519), который относит его к 1928 г.

I³ В интерлингвистической литературе Огдена обычно считают автором двух отдельных проектов: Panoptic English (1929) и Basic English (датируется по-разному: 1929 и 1930 - Г.Корниоле, 1932 - А.Д. Дуличенко, 1935 - М.Монро-Дюмен). Е.А. Бокарев также называет оба проекта (второй из них он относит к 1930 г.). Между тем обращение к первоисточникам позволяет установить, что на самом деле существовал только один проект - Basic English, впервые опубликованный в 1929 г., см.: Ogden C.K. The universal language. - "Psyche", London, 1929, № 35, January; Pro-rók J. Basic - British American Scientific International Commercial English. - "Cosmoglotta", 1929, № 59, April; Jacob H. On the choice of a common language. - London, 1946, с. 89.

I⁴ Тексты на этой системе подписаны псевдонимом V.Ditle или V., Vn. (см.: Tolero, 1929, с. 26, 50, 63, 77, 90-91, 102-103, 116, 132). По каким источникам Е.А. Бокарев устанавливает подлинную фамилию автора (Djatlov = Дятлов), нам неизвестно.

- 1930 Anglic, Prof. R.E. Zachrisson (Sverige)¹⁵
 Esperilo, Raymond H.E., Kalamazoo (Michigan, USA)¹⁶
 European, Bylsma H. (под псевд.: R. Foddik), Utrecht¹⁷
 Mundial, Prof. Francisco V. Lorenz (Brasil)
 Mundi-Latin, Weisbart J., Nürnberg
 Neoglyfy, Prof. Dr. A.S. Batěk, Praha¹⁸
 Pal (pan=anglo=latin), Prof. A. Levanzin, Roquebrune,
 Cap-Martin (Alpes-Maritimes, France)
 Romangle, G.O. d'Harve, Bruxelles
 Sintesal, Н. Рубинин, Анхабад¹⁹
 Una, Buckel F., Gesees bei Bayreuth (Deutschland)²⁰
- 1931 Auxiliar or Adapted Anglic, Bergmann
 Fonetik English (Phonetic English), Ralf C.D. Britton,
 Moorestown (New Jersey, USA)
 *Ido sempre perfectiseble
 Ido simpligata, L.M. (также под псевдонимом Simplemo)²¹

-
- 15 Приводится датировка Э.К. Дрезена, совпадающая с данными Г.Корниоле и М.Монро-Дюмена. У Е.А. Бокарева - 1929 г.
- 16 Датируется по: Katalogo de IEMW, с. 26. У Е.А. Бокарева указан 1931 г.
- 17 Подлинное имя автора и дата создания проекта установлены по: The International Language Review, № 50 (March 1967 - March 1968), с. 22. Е.А. Бокарев приводит псевдоним и дату - 1931 г.
- 18 Датировка А.Д. Дуличенко; у Е.А. Бокарева указан 1935 г.
- 19 У М.Монро-Дюмена неверная дата - 1931 г.
- 20 Датировка принадлежит автору проекта (см.: Buckel F. Указ. соч., с. 80). М.Монро-Дюмен указывает 1926 г., Г. Корниоле и Е.А. Бокарев - 1931 г.
- 21 "Interlanguages", Paris, 1931, Févr., с. 352-353; см. также с. 410, 463, 467. У Е.А. Бокарева указана другая дата - 1928 г. М.Монро-Дюмен (Указ. соч., с. 174) ошибочно приписывает Ido simpligata Дж. Меадзини (G. Meadzini), автору проекта I.D.O. (1928 г.). Этим, вероятно, и объясняется датировка Е.А. Бокарева.

- Lingua Scinter, G. Viveros, Torino
 Mecanisat, J. Chanaud, Genève
 Mondi Lingue, Théo Martineau, Champversé par Tonny-
 Charente (France)
 Mu=Ŭa=b, A. Beuthner (Deutschland)
 Neutrik, F.V. Lorenz (Brasil)
 Sperate, Dr. Panel, Rouen (France)
 Sten. ling, Portalupi
 Volapük [реформированный] Dr. A. de Jong (Nederland)
- 1932 Ablemonde, G. Schwarz (Suisse)
 Almondo, Efimo Enrico (Iefim Henri) Ephron, Wien
 Alul, G.V. (= G. Vallaeys), Salinas (Brasil)
 Esperanto=A. (Esperanto Aynula), Aynulo (псевдоним)
 Lingua de nazioni, Angelo Faccioli, Verona (Italia)²²
 Mondyal, Prof. G. Durant
 Novial=atri V., C. Varela, Figueres
 Sabir, Pierre Moralda, Gap (France)
 Weltverkehrssprache, E. Ritter, Genève
- 1933 Aliq, G. Vallaeys, Salinas (Brasil)²³
 Demo (= Democratizat Occidental), А.Иванов, Киев-Одесса)²⁴
 Kurtlibero, Durst
- 1934 Mondial, J. Jeusten
 Plubonizat Novial, O. Jespersen, København

²² А.Д. Дуличенко приводит этот проект по иным названием: *Simplificat Italian (Latin moderno)*. В списке Е.А. Бокарева под 1932 г. значится, помимо *Lingua de nazioni*, также и анонимный проект *Latino moderna*. По-видимому, это не самостоятельный проект, а лишь модификация названия *Latin moderno*.

²³ "Interlanguages", 1933, № 61, nov., с. 884-885 В списке Е.А. Бокарева Aliq ошибочно помечен 1934 г.; М. Монро-Дюмен указывает 1930 г., но эта дата, вероятно, относится к одному из предшествующих проектов G. Vallaeys'a (*Simplat* 1929; *Alul* 1932).

²⁴ "Interlanguages", 1933, № 56, с. 805. Статья подписана псевдонимом: *dog ALBA*. Другой псевдоним приведен в списке Е.А. Бокарева - *A. Babadagly*. Подлинное имя автора установлено А.Д. Дуличенко.

- Paneuropeic, Dr. Aschwanden, Baden (Suisse)
 Selbstgemachte Weltsprache, A. Hartl, Lins (Österreich)
 *Simplified English
- 1935 American Cosmo, M. Arnold, New York
 Fitusa, B. Rosenblum (Suisse)
 Internacional, Dr. P. Mitrović, Sarajevo (Jugoslavija)
 Neve-Romane, A. Galant, Madrid
 Sona, Kenneth Searight (England)
 Synthetic English, A.P. Draper, Lebanon (USA)
 *Universal Sign Language
- 1936 *Erurepal
 Ofat, O. Farstad, Bergen (Norge)
 Panamane, M.E. Amador (Panama)
- 1937 Amerikai Spek, R.O. Foulk, New York
 Esperanto II, R. de Saussure, Bern (Suisse)
 Natural Language, H.E. Hoover, Mont-Rainier (Maryland,
 USA)
 Neo, A. Alfandari, Bruxelles
 Nov-Ido, A. Stör (Československo)
- 1938 Ialo, J.H. Frome, Doylestown
 Mondilingwo, A. Lavagnini, Mexico²⁵
 Panlingua, Prof. L. Weber, Lwów
 Soma, Barney Rosenblum (Suisse)
- 1939 Nature's Mother Tongue, B.E. Lyster (USA)
- 1940 Latine hodierno, W. Doran, Ontario (Canada)
 Telluro, A.R. Wheelock (USA?)
- 1941 Latini, E.G. Cline, Albany (USA)
 Relingua, J. Tempest, Bradford
 Rodis, V. Margetić, Split (Jugoslavija)
 Tal, A.H. Talano (USA)
- 1942 Monling, K. Littlewood, Leeds (England)
 Romanés, W.D. Hinde (England)²⁶

²⁵ А.Д. Дуличенко относит к 1937 г. проект Mondilingwo I, к 1938 г. - Mondilingwo II (Simplified Mondilingwo). М.Монро-Дюмен и Е.А. Бокарев указывают лишь один проект (Mondilingwo, 1938).

²⁶ Датировка М.Монро-Дюмена; Е.А. Бокарев и А.Д. Дуличенко указывают иную дату - 1947 г.

- 1943 Interglossa, L. Hogben (USA & England)
 Mondial, Dr. H. Heimer (Sverige)
 Speedwords, R.J.G. Dutton, London
 Suma, Dr. B. Russel (USA)
- 1944 Olingo, R.S. Jaque (USA)
- 1945 Idioma internacional, A. de la Cruz Michel, Mexico²⁷
 Naturalistic Model
 Schematic E Model } "International Auxiliary
 Schematic K Model } Language Association" (USA)²⁸
- 1946 Code Ari, F. Kovarik, Wien²⁹
 Hoykoy, G. Ottander (Sverige)
 Komun, F. Musil, Praha³⁰
 Ruly English, Prof. S.C. Dodd, Seattle
 Safo, Prof. Dr. A. Eckardt (BR Deutschland)³¹
 Semantography, Ch.K. Bliss, Sydney (Australia)³²
 Voldu, Dr. J. Stadelmann (USA)

²⁷ По данным А.Д. Дуличенко, этот проект носил название *Leno Gi-Nasu*.

²⁸ В 1945-1947 гг. "Ассоциация международного вспомогательного языка" ("International Auxiliary Language Association") опубликовала ряд моделей и вариантов международного искусственного языка, на базе которых был позднее разработан проект *Interlingua* (1951 г.). Эти модели и варианты приводятся нами под названиями, которые они имели в изданиях Ассоциации. Naturalistic Model (1945 г.) в 1947 г. получает обозначение *Variante P*. В списке Е.А. Бокарева варианты P, M, E отнесены к 1945 г., а варианты C и K - к 1947 г.

²⁹ М.Монро-Домен (*Errata et addenda*) относит данный проект к 1951 г.

³⁰ У Е.А. Бокарева неверная дата 1947 г.; исправлено по первоисточнику; см.: Musil F. *Klave de lingva internacional* Komun. - Praha, 1946.

³¹ Датировка А.Д. Дуличенко (1946-1947 гг.). У Е.А. Бокарева - 1957 г.

³² Датируем по первой публикации проекта, установленной А.Д. Дуличенко. Е.А. Бокарев называет 1956 г.

- 1947 **Международный рациональный язык**, К.З.Стариков (СССР)
Auxilia, Dr. G. Morin, Villefranche-sur-mer (France)
Buri system, E. Burian (Österreich)³³
 *Global lingue
Intersistemal, Dr. P. Mitrović, Sarajevo (Jugoslavija)
Latium Universale, K. Pötsl-Pecelius & Dr. A. Schlägelhofer, Wien³⁴
Neolatino, A. Schild (Suisse)
 Variante M } "International Auxiliary
 Variante C } Language Association" (USA)³⁵
- 1948 **Auxil**, A. de Belie (Belgique)³⁶
Europa latine, W.J. Visser (Nederland)
 *Graphidéologie
Internacional, Campos Lima, Lisboa (Portugal)
Ling, A. Olson, Stockholm³⁷
Mondal, S. Forshell (Sverige)
Munda Linguo, Ferdinand Weber, Freiburg (BR Deutschland)³⁸
Novilatin, E. Pigal (Österreich)
Reform, Th. Wood (England)³⁹
Universel, A.J. Decormis (France)⁴⁰

33 У М.Монро-Дюмена иное название этого проекта: *weltkurz-sprache*.

34 Датировка Е.А. Бокарева и А.Д. Дуличенко; М.Монро-Дюмен (*Errata et addenda*) приводит иную дату - 1950 г.

35 См. примечание 28.

36 Дата первой публикации проекта указана А.Д. Дуличенко; у Е.А. Бокарева - 1949 (1948?); М.Монро-Дюмен называет 1957 г.

37 М.Монро-Дюмен указывает иную дату (1947 г.), которая не подтверждается известными нам материалами.

38 Из трех версий названия данного проекта - М.Монро-Дюмен: *Mundo Linguo*; Е.А. Бокарев: *Mundo Lingue*; А.Д. Дуличенко: *Mundo Linguo* - верной является лишь последняя.

39 Датировка М.Монро-Дюмена; у Е.А. Бокарева - 1949 г.

40 Приводим дату первой публикации проекта, установленную А.Д. Дуличенко; у М.Монро-Дюмена и Е.А. Бокарева указан 1957 г.

- 1949 Interlal, K.F. Suchel, Karlsruhe (BR Deutschland)
 Kosmo, G. Schröder (Nederland)
 Langue Paneuropéenne, J. Kainulainen, Paris
 Lingvo Monde, W. Kozłowski, San Diego (California, USA)⁴¹
 Nove Auxilia, Dr. G. Morin (France)
- 1950 Antibabele, G. Mangli (Italia)(1947?)
 ANTEPO [antro], Н.Д. Андреев, Ленинград
 Mondi Lingua, A. Lavagnini, Mexico⁴²
 Peace Language, F. Sosdy, Esslingen (BR Deutschland)
 Picto, J.E. Williams (England)⁴³
 Simplified English, A. Fiumedoro (USA)
 Unispik, G. de Biran, Mainz (BR Deutschland)
 Weltsprache, H. Weinrich, Köln⁴⁴
- 1951 Altuta, C. Ternest (Belgique)
 Esperantisho, J. Železný (Československo)
 Interlingua, Dr. A. Gode & "International Auxiliary Language Association" (USA)
- 1952 Concorde, S. Flaherty Hall (England)
- 1953 Kosmolinguo, W. Stern, Malaga (España)⁴⁵
- 1954 Eur(ope)ean, R. Jago
 Nulingua, G.T. Wride
- 1955 Interling, Th. Wood & E. Ahlström (England)
- 1956 Intal, E. Weferling, Braunschweig (BR Deutschland)
 Mo me nu, Isii Zychu
 Neulateinische Sprache, K. Pompiati (Österreich)
 Niuspik, J. Herpitt, Torino
 Picto, K.J.A. Janson (Nederland)
 Radioglot, J.R. Te Winkel

41 Название проекта дается в транскрипции М.Монро-Домена, у Е.А. Бокарева - Lingvo Monde.

42 А.Д. Дуличенко датирует этот проект 1938-1955 гг.

43 Дата установлена М.Монро-Доменом (Errata et addenda); у Е.А. Бокарева указывается 1959 г.

44 А.Д. Дуличенко приводит в качестве названия проекта; Mundien.

45 М. Монро-Домен указывает второе наименование проекта (Cosmolinguo) и дату 1956 (?). Основания датировки Е.А. Бокарева нам неизвестны.

- Romanid, Dr. Z. Magyar (Magyarország)
 Translingua, E. Funke (USA)
- 1957 Euroglot, E. Ahlström (Sverige)
 Prater, Pham Kuan Teai, Saigon
 Globoqo, G.A. Jones (England)⁴⁶
 Hesperyc, Lara Anesio⁴⁷
 *Lima
 Lingua internationale, J. Podobský (Českoslovenako)
 Lumi, L. Znicz-Sawicki (Polska)
 Unolok, H. Wilshire (Australia)
- 1958 Ande, A.W. Anderson, Vancouver (Canada)⁴⁸
 City Language, Dr. H. Hemami (Iran)⁴⁹
 Geo, H.E. Salzer (USA)
 Omnilingua, I. Calabresi (Italia)
- 1959 Interlingua-Occidental (Neolatin-Angloid), Disentis
 (под псевд.: J. Homo)⁵⁰
 Lalortel, R.N. Yetter (USA)
 Modern(a) Esperanto, T. Hagner (USA)
 Regularized English, A. Wijk, Stockholm
- 1960 Caccne, D. Sacks (USA)
 Delmondo (под псевд. E.J. Lipman) J.L. Mainprice
 (England)
 Latinu regulale, A. Lara

⁴⁶ М. Монро-Дюмен датирует это проект 1950-1958 гг., указывая на сотрудничество в создании его двух авторов: G.A. Jones и R.S. Jaque (последнему принадлежит также проект Olingo, 1944).

⁴⁷ У А.Д. Дуличенко - 1958 г.

⁴⁸ М. Монро-Дюмен (Errata et addenda) относит этот проект к 1960 г.

⁴⁹ А.Д. Дуличенко указывает 1959 г.

⁵⁰ Подлинное имя автора установлено по: *Repertorio de planlingvoj.* (Amsterdam, 1976). Е.А. Бокарев указывает псевдоним. К тому же году в списке Е.А. Бокарева отнесен другой проект под аналогичным названием *Interlingua-Occidental*. Автор и здесь выступает под псевдонимом (Lá Gymnasialst). По-видимому, оба проекта тождественны между собой.

- Loglan, Dr. J.C. Brown (USA)⁵¹
 Phonetic, C.H. Johnson (USA)
 Pleonesko, "Sprachemacher"
 Renova, P. Stoyan (France)
- 1961 Aksiom-variant de Interlingva, Д.Т.Баев, Москва
 Inga, Dr. B. Russel (USA)
 Ideal, S. Fjordland
 Neo (НОВЫЙ ВАРИАНТ), A. Alfandari, Bruxelles
 Unilo, V. Jørgensen, København
 Westren, S. Fjordland
- 1962 (ПРОЕКТ МЯ), E. Argentieri (Italia)
 Baba [bošbomà], Fuihiki Okamoto, Tokyo
 Stipfon(e), (ПОД ПСЕВД. A. du Lothier) A. Lallemand
 (Belgique)
 Utilo, A.R. Harrod (USA)
- 1963 ENI (Esperanto=Neo=Ido), Dr. M. Monnerot-Dumaine
 (France)
 Essential World English, L. Hogben (England)
 Ladef, М.Михайлов, Varna (Bulgaria)
 Lang Sputnik, R.K. Verma (India)
 Neo=Lingua, W.J. Visser (Nederland)
 Suma II, B. Russel (USA)
 Tungle, D.S. Blacklock (England)
- 1964 Eksterlingui, J.K. D'Elcorecoco (USA)
 Inga, B. Russel (USA)
 Intersistem metod, Th. Wood
 Latino lingua auxiliar, J.R. Davie, Bristol (England)
 Neo=Esperanto (Nove Esperanto) (ПОД ПСЕВД. A. du Lothier) A. Lallemand, (Belgique)
 Unified, (ПОД ПСЕВД. A. du Lothier) A. Lallemand (Belgique)
 Unilingua, R. Self (England)
 Zaeno, D.A. Porter (England)
- 1965 Anglo-Lat, R. Montero (USA)
 Eurolatin(e), W.J. Visser (Nederland)
 Français Réformé, (ПОД ПСЕВД. A. du Lothier) A. Lallemand (Belgique)

⁵¹ А.Д. Дуличенко иначе датирует этот и следующие проекты: Loglan - 1955, Phonetic - 1959, Ideal - 1960, Stipfone - 1960, Tungl - 1964, Anglo-lat - 1966, Eurolatin(e) - 1964, Français Réformé - 1964, Zamalo - 1966, Euronord - 1965, Lingua Universale (LU) - 1930-1961.

- Frend(o), A. Churruca (Espana)
 Natish, Husain Irshad (England)
 Novisimo, Dr. F. Sosdy (USA)
 Parley⁵²
 Terlango, W. Kozkowaki (USA)
 Unilingua, N. Agopoff (France)
 Unione⁵²
 Zamale, F.A. Carpentier Altin (Nederland)
- 1966 Euronord, A.J. Pilgrim (England)
 Intersteno, C. Daglio
 Lexitec, L. Bennayor (USA)
 Lingua Universale (LU), A. Faccioli (Italia)
 Mondo=Lingua, A. Galant, Madrid
- 1967 Interlingue (реформ. проект), С.Е. Sjöstedt (Sverige)
 Si=ε=so=si, WUM (Japan)
 Solinga, A.M. Ликтгейм, Москва
- 1968 (Проект иск. яз.), Н.Д. Шевчугов (СССР)

PROJEKTOJ DE INTERNACIAJ ARTEFARITAJ LINGVOJ

Evgenij A. Bokarev

La konata soveta interlingvisto prof. dr. E.A. Bokarev (1904-1971) registris lingvoprojektojn aperintajn en diversaj landoj post la 1928 jaro, t.e. post apere de la rusingva "Historio de la mondolingvo" de E. Dresden. Lia "Kronologio de internacilingvaj projektoj (1927-1962)" (kiu enhavas ankaŭ pli fruajn kaj pli malfruajn projektojn, entute 230) preparis por "Interlinguistica Tartuensis" dr. S.N. Kuzmecov. Multaj detaloj estis precizigitaj laŭ fundamentaj fontoj pri historio de la internacia lingvo. Post ŝiu nomo (titolo) de la lingvoprojekto sekvas nomo de lia kreinto kaj fine loko kaj lando de la kreado. Entute la listo de E. Dresden kaj de prof. dr. E.A. Bokarev enhavas 603 projektoj de la monda kaj internacia lingvoj.

⁵² Оба названия упоминаются в журнале "Cosmoglotta", 1965, № 238 (Januar/Marte), с. 1, однако без достаточной детализации.

Содержание

Вопросы типологии и языковых связей

<u>Алвре П.</u> Типологические параллели финно-угорских языков и эсперанто	3
<u>Дуличенко А.Д.</u> Лингвосоциокультурное движение и язык. (Об эсперантизмах в русском языке)	39
<u>Корнилов В.А.</u> Место апостериорных языков в сопоставительном языкознании	64
<u>Celiauskas P.</u> Prëfiksa uzado de refleksiva pronomo "sin"	82

Из истории интерлингвистики

<u>Дуличенко А.Д.</u> Об интерлингвистической деятельности Э. Валя (с библиографическим приложением по данным "Kosmoglott" и "Cosmoglotta")	87
<u>Кузнецов С.Н.</u> Лингвистическая и социальная история идиом-нейтраля (часть I)	118
<u>Бокарев Е.А.</u> Проекты международных искусственных языков (1925-1970)	147

Enhavo

Problemoj de tipologio kaj lingvaj interrilatoj

<u>Alvre P.</u> Einige typologische Parallelen der Finnisch-Ugrischen Sprachen und des Esperanto. - Tipologiaj paraleloj inter finnougraj lingvoj kaj Esperanto	3
<u>Duliŝenko A.D.</u> Lingvosociokultura movado kaj lingvo. (Pri esperantismoj en rusa lingvo)	39
<u>Kornilov V.A.</u> Loko de aposterioraj lingvoj en kompara lingvistiko	64
<u>Челяускас П.</u> Префиксальное использование возвратного местоимения "sin"	82

El la historio de interlingvistiko

<u>Duliŝenko A.D.</u> Pri interlingvistika adago de E. de Wahl (kun bibliografia aldono laŭ "Kosmoglott" kaj "Cosmoglotta")	87
<u>Kuznetsov S.N.</u> Lingva kaj socia historio de Idiom Neutral	113
<u>Bokarev E.A.</u> Projektoj de internaciaj artefaritaj lingvoj	1